

Министерство образования и науки РФ
Удмуртский государственный университет
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
Кафедра истории России УдГУ
Центр изучения истории средневековой Руси УдГУ

ЕВРОПА

в Средние века и Новое время:

**Общество.
Власть.
Культура**

Материалы VII Всероссийской с международным участием
научной конференции молодых ученых.
Ижевск, 3–4 декабря 2019 г.

ИЖЕВСК
2020

УДК 94(470)"04/19"(063)
ББК 63.3(4)я431+63.3(2)4я431
Е 241

Рецензенты:

Л.В. Войтович — д.и.н., проф. (Львов);
А.Ю. Дворниченко — д.и.н., проф. (С.-Петербург).

Редакция: В.В. Долгов, А.Е. Загребин, В.В. Иванов,
И.А. Калугин, Н.Ю. Логачева, С.С. Лошкарев, В.В. Пузанов,
Т.М. Сабирова, А.С. Шулятьева.

Отв. ред. и сост. Д.В. Пузанов.

Е 241 **Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура:** материалы VII Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых. Ижевск, 3–4 декабря 2019 г. / УдмФИЦ УрО РАН. — Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2020. — 272 с.

ISBN 978-5-4344-0892-9

В сборнике представлены материалы Седьмой Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых, которая проходила 3–4 декабря 2019 г. в г. Ижевске.

Издание подготовлено кафедрой истории России и Центром изучения истории средневековой Руси УдГУ, Отделом исторических исследований УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, всех интересующихся историей Средних веков и Нового времени.

ISBN 978-5-4344-0892-9

УДК 94(470)"04/19"(063)
ББК 63.3(4)я431+63.3(2)4я431

© Авторский коллектив, 2020
© ФГБОУ ВО «УдГУ», 2020
© УдмФИЦ УрО РАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	7
<i>Попова Е.М. (г. Великий Новгород)</i> «И ты б их велел посадить в тюрьму»: к вопросу об ограблении судна английского посла на реке Луге	7
<i>Сперанский П.А. (г. Екатеринбург)</i> Модернизационный дискурс в осмыслении реформ Петра Великого	14
<i>Агафонов И.С. (г. Москва)</i> Проблемы и перспективы изучения образа Византии на Руси в XV–XVI вв.	20
<i>Выслоужилова Д.Л. (г. Брно), Калугин И.А. (г. Ижевск)</i> Битва на Арском поле. Андрей Курбский — черемисобойца?	25
СЕКЦИЯ «СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА»	31
<i>Главатских К.В. (г. Казань)</i> Историографические традиции понимания титула гех Теодориха Великого	31
<i>Вахрушева К.К. (г. Ижевск)</i> Посольство Ольги к Отгону I и миссия Адальберта в отечественной историографии второй пол. XVIII – конца XX в.	37
<i>Саламатова А.Н. (Зарипова) (г. Ижевск)</i> Роль половцев в битве на Калке в отечественной историографии XVIII–XX вв.	44
<i>Вершинина Ю.Е. (г. Нижний Новгород)</i> Parentes, propinqui, cognati: родственники и группы родственников в произведениях Григория Турского (терминологический и семантический аспекты передачи отношений родства)	56
<i>Маева Ю.Д. (г. Екатеринбург)</i> Образ императора Юстиниана I Великого в восприятии византийцев	61
<i>Удовик А.В. (г. Москва)</i> Категории «зла» в образе древнерусского князя	68
<i>Соловьева Р.А. (г. Ижевск)</i> «Братская любовь пуще каменных стен»: представления о родственных отношениях в древнерусской книжности (на примере братьев Ярославичей)	74
<i>Харина А.М. (г. Ижевск)</i> Представления о смерти в общественном сознании Древней Руси XII–XIV вв. (по материалам Киево-Печерского патерика)	79
<i>Печенкина В.А. (г. Ижевск)</i> Василий III глазами современников (по материалам сочинений западноевропейских авторов)	84
<i>Грозов С.С. (г. Н. Новгород)</i> Грани фантастического в средневековых латинских bestiaries	90
<i>Шестаков А.М. (г. Пермь)</i> Злоупотребление статусом паломника в средневековой Англии	98
<i>Иванов Е.С. (г. Минск)</i> Роль англосаксонских миссионеров в христианизации Скандинавии	104
<i>Несин М.А. (г. С.-Петербург)</i> Архимандриты вечевого Пскова	109
<i>Новосёлов А.Л. (Казань)</i> Семантика «чуда о умершем отроке» в Софийской второй летописи	116
<i>Ушаков А.В. (г. В. Новгород)</i> Взаимоотношения митрополита Иосифа Болгариневича и Великого князя Александра Казимировича в контексте конфессиональной политики Литвы на рубеже XV–XVI вв. по материалам литовской метрики	122
<i>Якунина В.А. (г. В. Новгород)</i> Генрих фон Хоенберг: к вопросу о роли наемников в политической борьбе в Ливонии XV в.	129

<i>Олейник М.А. (г. Москва)</i> Венгерское наследство в дипломатии Максимилиана I Габсбурга	138
<i>Пронин Н.А. (г. Пермь)</i> Эволюция утилитарного применения судов в раннее средневековье в бассейне Северного моря	145
СЕКЦИЯ «ЕВРОПА И РОССИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ»	151
<i>Асафова В.Е. (г. Казань)</i> Империя и Просвещение: совместное просвещение «варваров» в отечественной историографии	151
<i>Петрова П.С. (г. Ижевск)</i> Предпосылки и причины церковных реформ Патриарха Никона в отечественной историографии сер. XIX — нач. XX вв.	158
<i>Хворенкова В.К. (г. Ижевск)</i> Проблема иностранных военнопленных 1812 г. в отечественной историографии: этапы и перспективы изучения	164
<i>Мацневская А.Н. (г. Томск)</i> Хосе Ортега-и-Гассет и Кристофер Лэш: восстание масс vs восстание элит?	170
<i>Огуренко Е.В. (г. Екатеринбург)</i> Архивная реформа 1918 г.: проблемы отечественной историографии	176
<i>Ившин В.С. (г. Екатеринбург)</i> Переводы произведений Ф.-Р. Шлегеля в политико-культурном контексте России первой четверти XIX в.	183
<i>Сметанин Д.В. (г. Москва)</i> Патрон-клиентские отношения в повседневной практике управления Новороссийским и Бессарабским генерал-губернаторством на примере писем правителя канцелярии С.В. Сафонова к генерал-губернатору М.С. Воронцову	189
<i>Урванцева П.Д. (г. Ижевск)</i> Отражение династического кризиса 1825 г. в мемуарах декабристов	196
<i>Бытко С.С. (г. Тюмень)</i> О составе и структурном своеобразии рукописного старообрядческого сборника конца XIX в. из собрания ФКП ТОКМ	203
<i>Шулятьева А.С. (Ижевск)</i> Сыск беглых крестьян по российскому законодательству второй пол. XVII в.	210
<i>Зубков А.В. (г. Ижевск)</i> Русское пьянство в записках иностранцев о России конца XV–XVII вв.	217
<i>Белова Н.Р. (г. Москва)</i> Образ власти в «Христославе» силезского иезуита Матея Виерия	221
<i>Жаров Д.О. (г. Москва)</i> Конфессиональная принадлежность студентов иезуитского университета в Граце в конце XVI в.	227
<i>Циватый В.Г. (г. Киев)</i> Переговорный процесс в мировоззренческих конструктах европейских правителей раннего Нового времени: институциональный и политико-дипломатический дискурсы	233
<i>Бянова П.Ю. (г. Москва)</i> Происпанский поворот во внешней политике Якова I	242
<i>Домрачев Н.Е. (г. Москва)</i> Русский резидент П.Б. Возницын и элита Польско-Литовского государства (1688–1689 гг.)	248
<i>Ушаков А.Д. (г. Москва)</i> Разработка М. Робеспьером идеи революционного террора	258
<i>Швецов Ю.А. (г. Екатеринбург)</i> Проекты изменения процесса подготовки офицерских кадров в России при Александре I	265

CONTENTS

PLENARY SESSION	7
<i>Popova E.M. (Veliky Novgorod)</i> «Put them in jail»: to the question about the theft on the ship of the English ambassador on the River Luga	7
<i>Speranskiy P.A. (Yekaterinburg)</i> Modernization discourse in rethinking reforms of Peter the Great	14
<i>Agafonov I.S. (Moscow)</i> Problems and prospects of studying the image of Byzantium in Russia in the XV–XVI centuries	20
<i>Vysloužilová D.L. (Brno), Kalugin I.A. (Izhevsk)</i> Battle on Arsk Field. Andrey Kurbsky as a Cheremiss slayer?	25
SECTION “MEDIEVAL EUROPE”	31
<i>Glavatskikh K.V. (Kazan)</i> Historiographical traditions of understanding the title rex of Theodoric the Great	31
<i>Vahrusheva K.K. (Izhevsk)</i> Embassy of Olga to Otto I and the mission of Adalbert in domestic historiography II half of the XVIII — end of the XX century	37
<i>Salamatova (Zaripova) A.N. (Izhevsk)</i> The role of the Polovtsy in the Battle of Kalka in Russian historiography (XVIII–XX)	44
<i>Vershinina Yu.E. (Nizhny Novgorod)</i> Parentes, propinqui, cognati: relatives and their groups in the works of Gregory of Tours (terminological and semantic perspectives of kin relationships reproduction)	56
<i>Maeva Y.D. (Yekaterinburg)</i> The image of emperor Justinian the Great in the perception of Byzantines	61
<i>Udovik A.V. (Moscow)</i> Categories of evil in image of prince of Pre-Mongol Rus’	68
<i>Soloveva R.A. (Izhevsk)</i> “Bratskaya lyubov’ pushche kamennyh sten”: representations of family relations in the Ancient Russian literature on the example of Yaroslavich Brothers	74
<i>Kharina A.M. (Izhevsk)</i> Representations of death in public consciousness of Ancient Russia XII–XIV centuries (according to the materials of the Kiev-Pechersk Patericon)	79
<i>Pechenkina V.A. (Izhevsk)</i> Vasilii III by the eyes of contemporaries (by the materials of works of Western European authors)	84
<i>Grozov S.S. (Nizhny Novgorod)</i> Facets of the fantastic in medieval Latin bestiaries	90
<i>Shestakov A.M. (Perm)</i> Misuse of pilgrim’s status in Medieval England	98
<i>Ivanov E.S. (Minsk)</i> The role of Anglo-Saxons missionaries in Christianization of Scandinavia	104
<i>Nesin M.A. (St. Petersburg)</i> Archimandrites of Vechevy Pskov	109
<i>Novoselov A.L. (Kazan)</i> The semantics of the miracle of the deceased lad in the Sofia II Chronicle	116
<i>Ushakov A.V. (Veliky Novgorod)</i> Relationships between metropolitan Joseph Bolgarinovich and grand duke Alexander Kazimirovich in the context of Lithuanian confessional policy at the turn of the XV–XVI centuries on materials of the Lithuanian Metrica	122
<i>Yakunina V.A. (Veliky Novgorod)</i> Heinrich von Hohenberg: revisiting the role of mercenaries in the political struggle in Livonia in the XVth century	129

<i>Oleynik M.A. (Moscow)</i> Hungarian inheritance in the diplomacy of Maximilian I of Habsburg	138
<i>Pronin N.A. (Perm)</i> The evolution of the utilitarian application of ships in the Earlier Middle Ages in the basin of North Sea	145
SECTION “EUROPE AND RUSSIA AT A MODERNITY”	151
<i>Asafova V.E. (Kazan)</i> Empire and enlightenment: joint enlightenment of the “barbarians” in domestic historiography	151
<i>Petrova P.S. (Izhevsk)</i> Reasons and prerequisites for Patriarch Nikon’s Church reforms in russian historiography	158
<i>Khvorenkova V.K. (Izhevsk)</i> The problem of foreign pows of 1812 in domestic historiography: stages and prospects of study	164
<i>Macievskaya A.A. (Tomsk)</i> Jose Ortega y Gasset and Christopher Lash: revolt of the masses vs revolt of the elites	170
<i>Ogurenko E.V. (Yekaterinburg)</i> Archive reform of 1918: problems of Russian historiography	176
<i>Ivshin V.S. (Yekaterinburg)</i> Translations of works F.-R. Chateaubriand in the political-cultural context of Russia first quarter of the XIX century	183
<i>Smetanin D.V. (Moscow)</i> Patron-clients relationship in ruling practice of Novorossiysky and Bessarabsky general government through letters between general-governor M.S. Vorontsov and his secretary S.V. Safonov	189
<i>Urvantzeva P.D. (Izhevsk)</i> Representation of the dynastic crisis of 1825 in the memoirs of the Decembrists	196
<i>Bytko S.S. (Tyumen)</i> On the composition and structural definition of an handwritten old-belief collection of the end of the XIX century from the FKP TOKM meeting	203
<i>Shulyatyeva A.S. (Izhevsk)</i> Search of running peasants by the Russian legislation of the second half of the XVII century	210
<i>Zubkov A.V. (Izhevsk)</i> Russian drunkenness in notes of foreigners about Russia at the end of the XV–XVII centuries	217
<i>Belova N.R. (Moscow)</i> The image of power in “Christoslaus” of Silesian Jesuit Matthias Vierius	221
<i>Zharov D.O. (Moscow)</i> Confessional denomination of the Graz Jesuit university students in the end of the XVI century	227
<i>Tsivatyi V.G. (Kyiv)</i> Negotiation process in world-viewed constructs of European governors of early new time: institutional and political-diplomatic discourses	233
<i>Biyanova P.Yu. (Moscow)</i> The turn to Spain in the foreign policy of James I	242
<i>Domrachev N.E. (Moscow)</i> The Russian resident-envoy P.B. Voznitsyn and the establishment of the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1688–1689	248
<i>Ushakov A.D. (Moscow)</i> Development the idea of revolutionary terror by M. Robespierre	258
<i>Shvetsov Y.A. (Yekaterinburg)</i> Projects to change the process of training officers in Russia under Alexander I	265

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Е.М. Попова

г. Великий Новгород (Россия)

Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого

«И ТЫ Б ИХ ВЕЛЕЛ ПОСАДИТЬ В ТЮРЬМУ»: К ВОПРОСУ ОБ ОГРАБЛЕНИИ СУДНА АНГЛИЙСКОГО ПОСЛА НА РЕКЕ ЛУГЕ*

Данная статья является продолжением изучения следственного дела об ограблении английского посла на Новгородской земле в период Смуты. Автор привлекает дополнительный архивный источник, хранящийся в архиве Санкт-Петербургского Института Истории в коллекции С.В. Соловьева, позволяющий пролить свет на ситуацию. В данной статье автор ставит следующие задачи: выяснить, был ли дан ход делу, каково было отношение администрации к ведению следственной процедуры и были ли наказаны виновные в содеянном преступлении. Опираясь на источниковый материал, автор делает вывод о слаженной и четкой работе административного аппарата новгородско-шведской администрации даже на закате ее существования.

Ключевые слова: грабеж, Смута, Якоб Делагарди, судебная система, Великий Новгород.

В нач. XVII в. Россия оказалась втянутой в тяжелейший период Смуты. Несмотря на политические трудности и общий экономический упадок, грабежи со стороны поляков, литовцев, казаков и пр.¹, некоторые территории старались максимально сохранить спокойствие и порядок, например, Великий Новгород. Город в 1611 г. был взят шведами и там установилась шведско-новгородская администрация, которую возглавили шведский военачальник Якоб Делагарди и князь Иван Никитич Большой-Одоевский, оба именовавшиеся как воеводы. В задачи местной администрации входило не только стремление защитить город от разорения с внешней стороны, но

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта № 19-18-00183.

¹ Тимошенкова З.А. Дозорная книга Старой Руссы 1611 г. // Государство и общество в России XV — начала XX вв. СПб., 2007. С. 308–309.

и стремление сохранить порядок и стабильность внутри самой подконтрольной территории.

Несмотря на то, что количество преступлений в городе в период шведского присутствия не увеличилось по сравнению с предыдущим периодом², мы не можем говорить о том, что преступлений не было совсем. Преступления совершались и самими новгородцами, они носили совершенно разный характер, зачастую связанный с тяжелым материальным положением населения в реалиях Смуты³. Некоторые из преступлений были весьма серьезными, как, например, дело об ограблении судна английского посла на реке Луге 30 июня 1616 г.⁴ Данное дело было весьма подробно изучено в одной из предыдущих работ⁵, однако ввиду ограниченности источниковой базы ряд вопросов остался без ответа. Ввиду того, что нам удалось обнаружить документы, связанные с данным делом, мы считаем важным изучить их и дополнить сделанные нами ранее выводы новыми фактами.

Документ «Отписка воеводы Якоба Деллагарди воеводе Федору Григорьевичу Аминову в Ивангород о продолжении розыска по делу о грабеже ружьяди, книг и писем у английского посла»⁶ позволяет ответить на ряд вопросов. Дали ли делу ход? Получили ли участники преступления заслуженное наказание? Каково было участие властей в решении подобных преступлений?

Прежде, чем приступать к рассмотрению документа, необходимо восстановить события, произошедшие на реке Луге в июне 1616 г., которые детально представлены в «Отписке Федора Аминова Новгородскому воеводе Анцу Мартыновичу Бою о произведенном в Ивангороде розыске относительно ограбления судна английского посла на реке Луге Полужскими крестьянами и о высылке трех из них в Новгород».

Судно английского посла Джона Мерика стояло на берегу реки Луги, ввиду чего привлекло внимание псковских и новгородских крестьян, которые совершили ограбление. Сам посол в это время находился в Москве, поэтому пострадавшими в данной ситуации оказались люди посла, оставшиеся в Новгороде. Виновных было решено привлечь к ответственности: допросить и держать в тюрьме до вынесения приговора. Найденное у гра-

² Попова Е.М. «Дело разбойное»: за что судили новгородцев в конце XVI — начале XVII вв. // Новгородика-2018. Великий Новгород, 2018. С. 21

³ Попова Е.М. К вопросу о природе разбоев в Новгородской земле в Смутное время // Ученые записки УО «Витебского Государственного университета им. П.М. Машерова». 2018. Т. 28. С. 68.

⁴ Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Ед. хр. 580. Л. 1–1 об.

⁵ Попова Е.М. К вопросу о природе разбоев... С. 65–69.

⁶ Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карг. 4. Ед. хр. 661. Л. 1–1 об.

бителей имущество иностранного посла, часть из которого была спрятана после совершения преступления, было изъято старостами. Некоторые причастные к делу крестьяне скрылись, из-за чего было решено прибегнуть к сыску. По указу Якоба Деллагарди троих крестьян было велено отправить в Великий Новгород для более серьезных допросов и внесения приговора.

Под пытками преступники говорили о конкретных лицах, причастных к преступлению и о том, что именно из имущества посла и его людей было украдено. Многие не видели серьезности своего преступления, ссылаясь на то, что они лично не крали, они лишь подобрали брошенное грабителями. В списке краденого перечисляются вещи — в основном это вещи личного пользования, вероятнее всего не новые, и одежда. Таким образом, исходя из полученных данных, мы имеем факт совершенного преступления и попытки поиска виновных по горячим следам.

Ввиду того, что дело было весьма серьезным и могло привести к крупному конфликту, за разбор и принятие решений берется сам Якоб Деллагарди, как до этого, по аналогии, наиболее тяжкие преступления отправлялись в Разряд или в Москву к государю⁷. Показательным является и то, что Деллагарди пишет Аминеву уже 9 июля 1616 г., т.е. дело не откладывалось, а события начали развиваться стремительно.

Чтобы рассмотреть дальнейший ход следствия, обратимся собственно к документу «Отписка воеводы Якоба Деллагарди воеводе Федору Григорьевичу Аминеву в Ивангород о продолжении розыска по делу о грабеже рухляди, книг и писем у английского посла», упомянутому нами ранее. Документ представляет собой подлинник на листе с оборотом, писанный скорописью XVII в. Сохранность текста и писчего материала хорошая. На обороте указа дата — 9 июля 1616 г. Ввиду того, что данный источник еще не был опубликован, считаю допустимым привести в данной статье текст документа целиком:

«Королевского величества боярин и большой ратной воевода Яков Пунтосович Делегард граф на лехкою волной господин в Екехолме в Колке и Рунсе даю ведомо в Ывангород воеводе Федору Григорьевичу Аминеву, писал еси ко мне что ты по моей грамоте сыскивал про казну аглинсково (имеется ввиду английского. — *Здесь и далее прим. авт.*) посла хто ее громил и сыскал в иванегородском посаде полужских крестьян трех человек Иванка, да Левку, да Гришу и что оне в роспросе и у пытки про рухляд аглинсково посла сказывали что по их скаске послали вы для сыску в Су-

⁷ Безус Н.Б. Суд и процесс в Новгороде в начале XVII в. // Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-Западный регион. Великий Новгород, 2006. С. 97.

мерскую волость по старосту з бралом и по земского дьячка да по Степанка Торокана да по Сидорка по Мазиху и что сыскали рухляди по их скаскам, а о крестьянех Онфишке Носове да о Трешке Ондрееве писали вы к Фектисту Муравьеву, а по Микитку Сарского для сыску то е ж посольские рухляди послали, тех полужских мужиков трех человек посадили вы в тюрьму до моего указу а сумерского старосту Спирка дали на поруку и мне то ведомо и как к тебе ся грамота придет и ты б полужских крестьян трех человек велел держати до указу в тюрьме а что рухляди посольские сыскано и ту б рухлядь потому ж держал в государеве королевской казне до указу ж, а как Фектист Муравьев к вам крестьян Фишка да Трешку пришлет и Микитку (*зачеркнуто Сидорка*) Сарского сыщет и к вам приведет и ты б про рухлядь и про книги (*неразборчиво*) и про письмо аглинсково посла потому ж бы сыскивали накрепко всякими сысками (*приписано сверху «и по Михалку с товарищи в деревню Саршах»*) да что сыщется, какие рухляди (*приписано сверху «которых сказывали про ту рухлядь Левушка для сыску посылал»*) и писма посольского и ты ту рухлядь и письмо взяв держал бы в государеве ж в королевской казне, а тех людей у кого сыщут что или по их скаскам у кого что сыщут и тех бы еси людей велел посадити до указу в тюрьму ж да что вперед какие рухляди и писма сыщете и у кого именем и кого в том деле в тюрьму посадите и ты б о том отписал о всем ко мне а старостиных бы товарищи земского дьяка Агеика Лялина и старостина брата (*да Степанка Торокана да Сидорка Мазиху зачеркнуто*) велел дати на поруку до указу а толко с поруке не отчете (*неразборчиво*) и ты б их велел посадить в тюрьму до указу ж да о том ко мне отписал писан в Великом Новгороде лета».

Исходя из приведенного выше документа, можно сделать вывод о том, что Федор Аминев активно держит в курсе сыска Якоба Делагарди и добивается своего. Так, в своей отписке он писал: «Нынешняго сто двадцать четвертого году июня в двадцать первый день писал, государь, ко мне боярин и большой ратной воевода Яков Пунтосович Делагард по моей прежней отписке про посольскую рухлядь аглинского, которую громили в судех псковские шарпальники, а достальную рухлядь подпирали полуские крестьяне Иванко, да Левушка, да Гришка, и мне б их за то велети держати в тюрьме до его боярсково указу»⁸. Якоб Делагарди отвечает, что решение задержать этих троих крестьян и применить по отношению к ним пытки для установления показаний было верным, а также дает разрешение на их содержание в тюрьме до его дальнейшего указа. Поиски виновных еще не закончены, так упоминаемые в расспросах Фишка Носов и Трешка Ондреев пока не были приведены к допросу, как и Микитка Сарский, крестьяне Сумерской

⁸ Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Ед. хр. 580. Л. 1.

волости, которые пришли пограбить уже награбленное другими. Фишка Носов и Трешка Андреев особо интересны для следствия, ведь по показаниям именно они взяли книги и письмо английского посла — вероятнее всего, значимые документы. Также фигурантами дела числятся староста Спирко, дьяк Агейка и их люди. Вот что писал о них Федор Аминев: «а для сыску по земсково дьячка по Агейка (да по старосту по старосту по Спирка) з братом, да по Сидорка Мазиху, да по Степанка Торокана, да по Микитку мы посылали и земской дьячек Агейко да и староста Спирко сказал, что оне в прошлом в сто двадцать третьем году по приказу воеводы Эверт Бремена сыскали у Микитки Сарского да у Сидорка Мазихи тое посольские рухляди купленные и что они взяли у полуских мужиков две, да шубу выдряную немецкую, да две юпки, да попону лошадиную, да штаны немецкие черная, да полог браной, да сермяга ветшаная, да скатерть ветшаная, да сукна ормянного, да белого локоть с пятнатцеть, да юпка немецкая драная и ту де оне рухлядь везли в Ывангород к воеводе Эверт Бремену и мы по боярской грамоте земского дьячка Агейка да старосту Спирка велели мы дати крепкую поруку з записью до боярского указу в Ывангороде. А Степанко Торокан сшол в шарпальники недель с тритцеть, а Сидорка де Мазиха нынешняго сто двадцать четвертого года марта в двадцать восьмой день збежал в Шелонскую пятину, а Микитка Сарской живет избегаючи и мы по них и в другие послали сыскивати своих приставов и всею Сомерскою волостью сыскати. А велели их изымав (изыскав) привести к себе в Ывангород, а по сю пору тех крестьян в Сумерской волости изымав не смогли»⁹. На это Делагарди велит дать всех вышеупомянутых на поруку и допускает факт того, что их также необходимо содержать в тюрьме до указа.

В документе видно, что дело еще далеко от завершения, но следствие идет полным ходом. Делагарди, как истинный глава административной верхушки, держит дело полностью под своим контролем и обо всем просит незамедлительно докладывать. Также он велит всех, так или иначе причастных, содержать в тюрьме до его указа, у всех собирать информацию путем расспросов. Однако каких-либо иных указаний он не дает, что означает, что следствие еще идет и выносить приговоры кому-либо еще рано, поэтому никаких наказаний в письме не упоминается, это свидетельствует о грамотном подходе к сыску. Что касается награбленного имущества и все еще не найденных бумаг и книг, тут Делагарди отдает указ о содержании всего в государственной казне, что, на наш взгляд, свидетельствует о важности и имущественной ценности награбленного. Вероятнее всего, данный подход обусловлен необходимостью вернуть утерянное имущество потерпевшей стороне.

⁹ Там же. Л. 1.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что делу действительно был дан ход. На привлеченных к сыску троих крестьянах, упоминаемых Федором Аминовым, следствие не остановилось, поиски остальных причастных продолжились. На наш взгляд, это свидетельствует о заинтересованности администрации в выходе из данной ситуации, что, безусловно, продиктовано желанием не получить конфликт международного уровня. Однако то, что Деллагарди был заинтересован в поддержании порядка в Новгородской земле, не подвергается сомнению в принципе. Говорить о наказании для участников грабежа мы не можем, потому что данное следственное дело не завершается приведенными нами документами. Вероятнее всего, наказание последовало после поимки всех причастных единиц: об этом косвенно свидетельствует содержание потенциальных виновных в тюрьме и выдаче на поруки. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что, несмотря на ухудшающуюся для шведов ситуацию на русской земле (а это уже 1616 г.), на фактическую потерю всех возможных шансов утвердиться на русском престоле, шведская администрация в Новгороде продолжала вести делопроизводство и поддерживать относительный порядок внутри подчиненной территории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Отписка воеводы Якоба Деллагарди воеводе Федору Григорьевичу Амине-ву в Ивангород о продолжении розыска по делу о грабеже рухляди, книг и писем у английского посла» // Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карг. 4. Ед. хр. 661.
2. «Отписка Федора Аминева Новгородскому воеводе Анцу Мартыновичу Бою о произведенном в Ивангороде розыске относительно ограбления судна английского посла на реке Луге Полужскими крестьянами и о высылке трех из них в Новгород» // Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Ед. хр. 580.
3. *Безус Н.Б.* Суд и процесс в Новгороде в начале XVII в. // Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-Западный регион. Великий Новгород, 2006.
4. *Попова Е.М.* «Дело разбойное»: за что судили новгородцев в конце XVI — начале XVII вв. // Новгородика-2018. Великий Новгород, 2018.
5. *Попова Е.М.* К вопросу о природе разбоев в Новгородской земле в Смутное время // Ученые записки УО «Витебского Государственного университета им. П.М. Машерова». 2018. Т. 28.
6. *Тимошенкова З.А.* Дозорная книга Старой Руссы 1611 г. // Государство и общество в России XV — начала XX вв. СПб., 2007.

E.M. Popova
Veliky Novgorod (Russia)
Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University

«PUT THEM IN JAIL»:
TO THE QUESTION ABOUT THE THEFT ON THE SHIP OF THE ENGLISH
AMBASSADOR ON THE RIVER LUGA

This article is a continuation of the learning of investigation into the robbery of the English ambassador on Novgorod land in the Time of Troubles. The author relies on an additional archival source stored in the archive of the St. Petersburg Historical Institute in the collection of Sergey V. Soloviev. In this article, the author sets himself the following tasks: to find out whether the course was given, what is the attitude of the administration to the investigation process and whether the perpetrators of the crime were punished. Based on the source material, the author concludes that the administrative apparatus of the Novgorod-Swedish administration was well-coordinated at the end of its existence.

Keywords: robbery, Time of Troubles, Jacob Delagardi, judicial system, Veliky Novgorod.

П.А. Сперанский
г. Екатеринбург (Россия)
Уральский федеральный ун-т
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ДИСКУРС В ОСМЫСЛЕНИИ РЕФОРМ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В статье осуществлен историографический анализ научных трудов, касающихся преобразований в эпоху Петра Великого. Показано, что в современной исторической науке имеет место широкий спектр мнений: от негативных оценок петровской реформации, до признания ее полной эффективности. Сделан вывод, что в настоящее время преобладает критическая точка зрения.

Ключевые слова: Россия, Петр Великий, традиционализм, модернизация, реформы, вестернизация, диффузия, дискурс.

На рубеже XVII–XVIII вв. Россия существенно отставала от ведущих европейских стран так называемого «модернизационного ядра». Для преодоления отсталости ей пришлось форсированными темпами начать радикальное избавление от «традиционной самобытности». Кардинально-поворотный характер преобразований Петра I вызвал повышенный исследовательский интерес не ослабевающий до сих пор. С 1990-х гг. появляется значительное количество работ, рассматривающих реформы Петра Великого с теоретических позиций модернизационной парадигмы.

Одной из первых сформировалась так называемая пессимистическая интерпретация петровской модернизации. Ее программным манифестом стало исследование А.С. Ахизера, определившего главным «триггером» преобразований Северную войну, выявившую необходимость модернизации. Однако, как считает ученый, планы реформ оказались абсолютно бессистемны, что обусловило их авторитарный и «псевдомодернизационный» характер. По мнению ученого, вторжение государства в повседневную жизнь человека и насильственное навязывание ему европейских ценностей привело к тому, что Россия стала «расколотой цивилизацией», где правящие верхи — носители светско-рациональной парадигмы — постоянно противо-

стояли оставшемуся в патриархально-религиозной традиционности большинству населения¹.

Тема «расколотости» социума имеет место и в других историко-философских исследованиях. Так, в труде А.С. Панарина выделяется феномен раскола и прерывности российской истории, находившейся в постоянном колебании между социокультурными векторами запада и востока. По утверждению ученого, именно в эпоху Петра начались процессы вестернизации, неудачно внедрявшие в традиционалистскую российскую почву европейские ценности².

К пессимистической интерпретации можно отнести и точку зрения В.Г. Хороса. По мнению историка, «имперская модель» реформ Петра I, опираясь на селективное заимствование западных военно-технических новаций, ужесточение эксплуатации, тотальное закрепощение всех сословий, рост бюрократизации и централизации управления страной, вызывала аритмичные трансформации и негативно влияла на развитие российского общества, будучи по сути дела «псевдомодернизацией»³.

Взгляд на петровские преобразования Е.В. Анисимова тоже пессимистичен. Несмотря на внешнюю оболочку прогресса, считает ученый, в основе изменений преобладали отрицательные тенденции: усилились самодержавие и бюрократизм, сохранилось крепостничество. В результате, делает неутешительный вывод Е.В. Анисимов, главным итогом петровской модернизации стало не создание «европейского государства», а возникновение самодержавно-бюрократического военно-полицейского режима⁴.

Видит негатив в реформах Петра I и В.В. Шелохаев, отмечая, что главная проблема модернизации начала XVIII в. заключалась в ее инициировании «сверху». Вследствие этого самодержавный режим мог затягивать решение проблем, связанных с отменой крепостного права и введением гражданского равноправия, а модернизация носила спонтанный и скачкообразный характер⁵.

Подобные трактовки присущи и Л.В. Шепотько. Исследовательница утверждает, что при догоняющей модернизации Петра I государственные

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск, 1991.

² Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1994. С. 29, 110.

³ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996.

⁴ Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997.

⁵ Шелохаев В.В. Модернизация как теоретико-методологическая проблема // Куда идет Россия?... Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М., 1999. С. 28–39.

элиты тормозили обновленческий процесс, а народные массы отторгали новации как нечто инородное. По ее мнению, реформы охватывали в основном военно-промышленный сектор и эта «выборочность» не могла ликвидировать общую отсталость⁶.

В современной историографии имеются и работы, стремящиеся уйти от однобоких оценок. В частности, Л.И. Семенникова отмечает, что преобразования Петра I были чередованием ярких побед и досадных неудач. Успехи были достигнуты в сфере централизации и унификации системы управления, институализации новых органов власти. Однако масштабное насилие, используемое при реформации, привело в итоге к формированию полицейско-бюрократического государства⁷.

Объективность отличает умозаключения А.Б. Каменского. К позитивным итогам деятельности Петра I исследователь причисляет преодоление структурного кризиса традиционализма, европеизацию политических институтов страны, преодоление технической отсталости. В негатив заносит усиление зависимости общества от государства, ухудшение положения в аграрном секторе, медленное формирование третьего сословия. Особый акцент делается на сохранении крепостничества, определявшего непоследовательность и противоречивость петровской модернизации⁸.

Неоднозначную оценку эпохи дает В.Г. Федотова, утверждающая, что модернизация Петра I стала прямым ответом на вызов со стороны Запада. По ее мнению, реформы наиболее полно затронули лишь военно-техническую сферу, в то время как политико-социальные и культурные трансформации имели частичный характер и не проросли в толщу всего российского общества⁹.

Созвучная точка зрения высказывается С.Н. Гавровым. По мнению исследователя, главным поводом для начала преобразований стал вызов модерна, брошенный России странами западной цивилизации. Успех был достигнут прежде всего в области военного дела. Однако, совершенный в начале XVIII в. технологический рывок не был подкреплён изменениями в политическом устройстве государства и социальной сфере¹⁰.

⁶ *Шепотько Л.Г.* Социокультурная специфика России и модернизация // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 1(24). С. 81–82.

⁷ *Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 2000. С. 136–156.

⁸ *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 155–163.

⁹ *Федотова В.Г.* Модернизация и культура // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 140–141.

¹⁰ *Гавров С.Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. С. 86–91.

Оригинального взгляда на эпоху Петра Великого придерживается В.В. Керов. Ученый обосновал тезис о том, что в первый период модернизации в структурах российского социума начали происходить трансформации, связанные с духовно-религиозным обновлением. По его мнению, церковный раскол третьей четверти XVII в. и последующая петровская вестернизация дали толчок к трансформации религиозно-этических ценностей и выработке особого «духа предпринимательства», что в комплексе способствовало быстрому генезису капитализма, проводниками культурного кода которого стали старообрядцы¹¹.

Интересной представляется позиция О.Н. Мухина. Историк, проводя анализ социально-психологической идентичности Петра I, приходит к выводу, что правитель вовсе не ставил перед собой цель сделать Россию полноценной европейской державой. Петровская реформация сочетала комбинацию диффузии западного опыта в области экономики, военного дела, технологий, образования и культуры с выгодными для имперской власти традиционалистскими политико-идеологическими устоями в виде самодержавия и православия¹².

В последнее время среди широкого спектра взглядов выделилось направление, трактующее модернизацию как многомерный и многолинейный процесс, не сводящийся только к процессам вестернизации. Наиболее четко эта позиция представлена «уральской школой» модернизации. В работах ее адептов (В.В. Алексева, И.В. Побережникова и др.) говорится о формировании в эпоху правления Петра I особой абсолютистской модели эволюционной модернизации, выделяются основные черты данного теоретического конструкта: гиперболизированная роль монарха в проведении преобразований, наличие у власти единого стратегического плана реформ, массовое использование материальных и социальных ресурсов традиционного общества¹³. Делая выводы, уральские исследователи отмечают, что в целом петровские преобразования были противоречивы, однако они, придав ускорение процессам перехода от аграрного состояния к индустриальному, позволили разрешить проблемы важные для России в условиях конкуренции с Западной Европой¹⁴.

¹¹ Керов В.В. Се человек и дело его... Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004.

¹² Мухин О.Н. Личность Петра I в контексте специфики процессов российской модернизации: историко-психологический анализ. Томск, 2014.

¹³ Акторы российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016. С. 46.

¹⁴ Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение. Екатеринбург, 2009. С. 206–207.

Подводя итоги, следует сделать вывод, что в современной исторической науке имеется широкий спектр мнений: от негативных оценок петровской реформации до признания ее безоговорочной эффективности. Проведенный анализ показывает, что в современных исследованиях наметился определенный перевес в сторону пессимистического восприятия петровских реформ. Однако отметим, что дискуссии по проблемам первой российской модернизации далеко не закончены, они набирают новые обороты, выдвигая на первый план более взвешенные оценки петровской реформации, включающие в себя как негативные, так и позитивные черты деятельности Петра I. Нам представляется, что именно такая позиция, отмечающая не только промахи, но и наличие прогрессивных тенденций в преобразовательной деятельности великого русского реформатора, является наиболее востребованной с точки зрения объективного понимания сущности российской модернизации конца XVII — нач. XVIII в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акторы российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016.
2. *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997.
3. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск, 1991.
4. *Гавров С.Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004.
5. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М., 2001.
6. *Керов В.В.* Се человек и дело его... Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004.
7. *Мухин О.Н.* Личность Петра I в контексте специфики процессов российской модернизации: историко-психологический анализ. Томск, 2014.
8. *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1994.
9. *Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 2000.
10. *Федотова В.Г.* Модернизация и культура // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4.
11. *Хорос В.Г.* Русская история в сравнительном освещении. М., 1996.
12. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение. Екатеринбург, 2009.

13. Шелохаев В.В. Модернизация как теоретико-методологическая проблема // Куда идет Россия?... Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М., 1999.

14. Шепотько Л.Г. Социокультурная специфика России и модернизация // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 1(24).

P.A. Speranskiy
Yekaterinburg (Russia)
Ural Federal University

MODERNIZATION DISCOURSE
IN RETHINKING REFORMS OF PETER THE GREAT

The paper gives a historiographical analysis of research works related to changes in the era of Peter the Great. It shows that in modern historical researches there is a wide range of opinions: from negative assessments of the Peter's Reformation to recognition of its full effectiveness. The paper concludes that today the critical point of view prevails.

Keywords: Russia, Peter the Great, traditionalism, modernization, reforms, westernization, diffusion, discourse.

И.С. Агафонов
г. Москва (Россия)
Российский гос. гум. ун-т

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА ВИЗАНТИИ НА РУСИ В XV–XVI ВВ.

Изучение политической идеологии Руси в период становления суверенного Московского государства началось в России еще в нач. XX в. На протяжении почти ста лет отечественная историография пыталась дистанцировать Русь от византийского влияния, делая акцент на самостоятельности и независимости формируемых властных канонов. Исследование концепции самодержавия, авторских проектов, образов идеальных правителей и титулатуры формировало представление о слабом уровне влияния Византии. Однако изменение подхода к изучению византийского присутствия в письменных источниках эпохи открывает новые возможности для разработки вопроса о влиянии объектного образа империи на политическую идеологию Руси.

Ключевые слова: политическая идеология, образы власти, Московское государство, историография, Византийская империя.

Взаимоотношения Византийской империи и Руси охватывают несколько столетий, связанных с тесными торговыми, дипломатическими и культурными связями между Константинополем и сменяющими друг друга центрами политической силы на территории Руси. Византийское влияние проявлялось в иконографии, письменной традиции и идеологии. Однако, начиная с XVI в. Византия, до того являвшаяся источником властных канонов, сама превратилась в один из образов политической идеологии.

Последняя часто является одним из наиболее эффективных способов изучения самоидентификации государства в конкретной исторической эпохе. Исследование образов власти, появляющихся в стране в определенный период, может дать понимание принципов и механизмов конструирования прошлого. Проблема построения идентичности для государств позднего Средневековья и раннего Нового времени являлась наиболее острой, так как подвергалась частым изменениям и корректировкам. Через обращение к политической идеологии государства на стыке эпох можно выявить основные

принципы внутренней и внешней политики страны, а также способы позиционирования государства в мире и в истории.

Отечественная историография на протяжении долгого времени доказывала самостоятельность русской политической идеологии и специфику адаптации византийских образов власти на славянской почве. Еще в начале XX в. В.И. Савва делал акцент на особом характере взаимодействия византийских и московских властных канонов¹. Фундаментальный труд В.Е. Вальденберга только закрепил эти выводы, отделив московское самодержавие от византийской автократии и определив дальнейший вектор развития исторической мысли². Начиная с 1990-х гг. в связи с необходимостью переосмысления исторического прошлого и с выстраиванием исторической преемственности, вопрос о роли Византии в деле формирования русской политической идеологии приобретает особую актуальность. В сфере внимания ученых вновь появляется специфика взаимоотношений Руси с Византией и особая роль греков-митрополитов.

Последние работы, утвердившие самостоятельность политической идеологии Московского царства, связаны с именами Б.А. Успенского, Н.В. Сеницыной и А.С. Усачева. Работы Б.А. Успенского окончательно развели в стороны византийский и русский принципы восприятия верховного правителя государства, его функций, роли в обществе. Автор сделал упор на сравнение не только титулатуры, но и церемониала, репрезентативного инструментария, отношений с церковью и подданными, что позволило ему сделать вывод о коренном отличии русских образов власти от византийских, несмотря на влияние последних³. В работе Н.В. Сеницыной была развенчана мифология «Москва — Третий Рим», ранее сводившаяся учеными лишь к идее «византийского наследия», адаптированного на Руси⁴. В такой мессианской формулировке Русь, по мнению автора, ставилась в подчиненное Второму Риму положение, что не отвечало потребностям формирующейся концепции власти.

¹ *Савва В.И.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. М., 2012.

² *Вальденберг В.Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006.

³ *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998; *Успенский Б.А.* Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.

⁴ *Сеницына Н.В.* Итоги изучения концепции «Третьего Рима» и сборник «Идея Рима в Москве» // Римско-константинопольское наследие на Руси. М., 1995; *Его же.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.

Одной из последних работ, поднявшей проблему развития и фиксации в русских письменных источниках официального властного концепта стала работа А.С. Усачева, посвященная Степенной книге царского родословия, в которой была проведена попытка выявить не только систему авторских взглядов, но и уровень соответствия излагаемых в документе установок официальной позиции власти. По мнению автора, последняя была отлична от византийских канонов об обустройстве государства, царской власти, ее взаимоотношений с церковью, функций и обязательств⁵.

Итоги анализа работ, посвященных изучению византийского влияния на русскую политическую мысль, позволяют говорить о существовании нескольких параллельных позиций в отечественной исторической науке. В основных работах по теме утверждаются:

1. Слабая степень влияния Византии и ее идеологических установок на русскую политическую традицию. Это отразилось на отношении русской политической и интеллектуальной элиты к титулатуре, церемониалу, декларируемым отношениям между Богом, царем и подданными, статусу государя, его правам и обязанностям.

2. Специфическая адаптация на Руси византийских образов власти. Связана она, в основном, лишь с христианскими образцами поведения и также морально-этическими нормами без восприятия политических идей об имперском статусе, главенстве в православной ойкумене и единоличном обладании царским титулом.

3. Сохранение остаточного греческого влияния после падения Константинополя в 1453 г. Подобная практика могла существовать только при сохранении прочных дипломатических связей между Русью и греками (восточные патриархи, монастыри, монашеские общины).

4. Самобытность политической идеологии Руси, оформившейся окончательно к середине XVI в. и не имеющей канонических целостных сходств с византийским образом.

Отечественная историография на протяжении долгого времени доказывала самостоятельность русской политической идеологии и специфику адаптации византийских властных канонов на славянской почве. Выявляется отношение к Византии на Руси, отношение к грекам и правителям империи. Объясняется появление основных властных канонов, воспринятых из Византии и адаптированных на славянской почве. При этом воплощенный в документах образ самой империи часто оставался на периферии авторских исследований, подробно раскрываясь лишь в рамках исследования отдельно взятых источников.

⁵ Усачев А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.

Подавляющее большинство исследователей, занимаясь взаимоотношениями Византии и греков с Русью, влиянием их на русскую идеологию, делали выводы, ориентируясь на Византию, как на субъект истории, а не на объект, способный влиять на формирование русской политической идеологии опосредованно, через свое закрепление в русском историописании.

Для Руси XVI в., когда шел активный процесс оформления самостоятельной политической идеологии, Византия стала историческим примером неудачи в построении православного царства, что отмечает как создатель Степенной Книги, так и Иван Грозный в своих многочисленных посланиях⁶. В связи с этим встает вопрос о сущностном смысле частых обращений к Византии, к примерам из ее политической и христианской истории, к выдающимся личностям, как в положительном, так и в отрицательном ключе. При этом важно учитывать тот факт, что «царство Греческое» не используется лишь как негативный пример для выстраивающегося нового православного Российского царства, но появляется в самых разных письменных источниках в различных контекстах. Несмотря на это, исследователи единогласно говорят о том, что в XVI в. восприятие Византии смещается в сторону осуждения ее государственного, политического и идейного образа в связи с предательством православной веры в 1439 г. и закономерным падением державы в 1453 г. Однако, в чем, в таком случае, заключается практический смысл обращения к византийскому опыту и грекам как ее представителям в русских письменных источниках того периода?

Можно предположить, что Византия и «греки» появлялись на страницах письменных документов в XVI в. не просто так: любое их появление было призвано разложить или же обосновать один из элементов нарождающейся государственной властной концепции, было ли это в эпистолярных источниках, летописных сводах, протоколах мирных договоров, агиографических источниках или публицистических произведениях.

В связи с этим появляются возможности изучения не только использовавшегося авторами государственной концепции власти инструментария и его истоков, но и периферийных элементов концепции власти, которые определяли специфику воспроизведения образов. Углубленное изучение данного вопроса в таком случае ориентировано не на вопрос о том, «что представляла» из себя государственная концепция власти в XVI в., но «что ее формировало». Изучение Византии как объекта политической идеологии с его практическим использованием при построении определенных образов власти позволяет вновь задать вопрос о роли Византийской империи в построении политической идеологии Руси XVI в.

⁶ Полное Собрание Русских Летописей. Т. 21. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. С. 5–15, 115–116, 430–446; *Лухачев Д.С., Лурье Я.С.* Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 110, 318, 544.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихачев Д.С., Лурье Я.С. Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951.
2. Полное Собрание Русских Летописей. Т. 21. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007.
3. Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006.
4. Савва В.И. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. М., 2012.
5. Симицына Н.В. Итоги изучения концепции «Третьего Рима» и сборник «Идея Рима в Москве» // Римско-константинопольское наследие на Руси. М., 1995.
6. Симицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.
7. Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
8. Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.
9. Усачев А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.

I.S. Agafonov

Moscow (Russia)

Russian State University for the Humanities

PROBLEMS AND PROSPECTS OF STUDYING
THE IMAGE OF BYZANTIUM IN RUSSIA IN THE XV–XVI CENTURIES

The study of the political ideology of Russia during the formation of the sovereign Moscow state began in Russia at the beginning of the XX century. For almost a hundred years, Russian historiography has tried to distance Russia from Byzantine influence, focusing on the autonomy and independence of the established power canons. A study of the concept of autocracy, copyright projects, images of ideal rulers and titles formed the idea of a weak level of influence of Byzantium. However, a change in the approach to the study of the Byzantine presence in the written sources of the era opens up new possibilities for developing the question of the influence of the object image of the empire on the political ideology of Russia.

Keywords: political ideology, images of power, Moscow state, historiography, Byzantine empire.

Д.Л. Выслоужилова, И.А. Калугин
г. Брно (Чехия), г. Ижевск (Россия)
Ун-т им. Масарики, Удмуртский гос. ун-т

БИТВА НА АРСКОМ ПОЛЕ. АНДРЕЙ КУРБСКИЙ — ЧЕРЕМИСОБОЙЦА?

Историю России XVI в. можно без преувеличений назвать драматическим спектаклем. Статья посвящена одному из выдающихся персонажей этой драмы, князю Андрею Курбскому. Во время правления Ивана IV Курбский принимал участие во всех крупных сражениях Московии. При взятии Казани Курбский сражался не только с защитниками города, но и с вольными, непокорными черемисами — финно-угорскими народами северных земель Казанского ханства. Неоднозначность и противоречивость источников ставит под вопрос ключевую роль Курбского в этих столкновениях. Данная статья указывает на различия в источниках, касающихся событий конца августа 1552 г. и ищет шлейф правды о жизни знаменитого полководца.

Ключевые слова: Андрей Курбский, Иван IV, Казанская история, Летописец начала царства, История о великом князе Московском, черемиса, Арск.

В течение военной кампании против Казанского ханства, которую начал в 1552 г. Иван IV, царским отрядам пришлось сражаться более чем на одном **фронте**. Наряду с борьбой с защитниками города, войско Ивана Грозного сражалось с противником, который наносил удар сильнее и жестче казанцев. Это была черемиса, которая своими быстрыми «набегами из лесов»¹ вносила немалое беспокойство в русскую рать. Нападая с тыла, черемисские войска «обрушивались на станы, ночью приводя русских в смятение, а днем убивая их, и хватая воинов живыми, и угоняя конские стада»². Воевать против этих неожиданных нападений было чрезвычайно сложно, тем более черемисы «убегали в лесные чащи и горные ущелья и, прячась в тех недоступных местах, спасались»³.

¹ История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. СПб., 2001. С. 331.

² Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб., 2000. С. 425.

³ Там же. С. 427.

Князь Андрей Курбский, следуя длинной семейной традиции служения великим князьям московским, сражался и под стенами Казани. Борьба с ханами для Курбского означала не только лишь дело боярской чести, но имела яркий привкус мести. В сражениях против казанцев пало несколько его предков. Первый удельный князь Курбский, Яков Иванович, был убит в 1455 г. на Арском поле⁴. В 1506 г. очередная битва унесла жизнь деда Курбского, князя Михаила Федоровича Курбского-Карамыша, и его брата Романа⁵. Отец Андрея Курбского, Михаил Михайлович Курбский, не единожды воевал против ханства, но, в отличие от своего отца, выжил. Более грустная судьба ждала его младшего брата, Владимира Михайловича, который в 1521 г. пал от рук казанцев⁶. Отправляясь с великим русским войском на Казань, Андрей Михайлович явно держал в памяти павших родственников.

Как вспоминает Курбский, правой руке (флангу), которым он руководил вместе с князем Петром Щенятевым⁷, «приходилось хуже всех от пушечной стрельбы из крепости, а с тылу — от частых набегов черемисов из лесов»⁸. Потери, которые увеличивались с каждым днем, не ушли от внимания Ивана Грозного, который «был из-за этого в печали»⁹, но все же решил, «положась на Бога»¹⁰, отправить своих воевод против черемисы.

По сведениям Казанской истории, Иван IV послал «князя Александра Горбатого и князя Андрея Курбского со множеством воинов»¹¹, которые три дня пробивались до мест, обитаемых черемисой, и ночью окружили их укрепления. Маневр остался незамеченным черемисскими сторожами. В этой резне отряды Курбского и Горбатого победили черемису, «остроги их разрушили и пожгли, и взяли живыми пятерых черемисских воевод, а с ними привели пятьсот добрых черемисинов и жен их, и детей взяли

⁴ *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г.: биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т. 2. СПб., 1891. С. 113.

⁵ Смерти ярославских князей Курбских уделяется большое внимание в Казанской летописи, которая описывает обстоятельства их последней битвы на Арском поле (подробнее см.: Казанская история. С. 289).

⁶ *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. Т. 1. СПб., 1895. С. 294.

⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 133.

⁸ История о великом князе Московском. С. 331. Про тяжелые условия Курбский еще раз добавляет: «Хуже всего от этих набегов было тем христианским полкам, которые, как мы, стояли на Арском поле у Галицкой дороги со стороны луговых черемисов».

⁹ Казанская история. С. 427.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

в плен, сами же воеводы здоровы возвратились назад»¹². Опираясь на этот источник, можно сделать вывод, что Курбский вместе с Александром Горбатым взяли черемисские укрепления и одержали для царя большую победу.

Поддерживают ли это сообщение другие источники? Нет. Подвиг Курбского не находит отклик ни в одном другом источнике, кроме Казанской истории. Разрядная книга говорит о том, что «месяца августа в 30 день послал государь воевод своих на Арское поле против арских князей Япанчи князя и Евуша князя и иных выезжих»¹³. На первом месте в списке воевод этой карательной рати стоит Александр Горбатый (что соответствует Казанской истории), но среди его соратников нет Андрея Курбского. Разрядная книга справедливо отмечает Курбского во всех его битвах, но в этом случае умалчивает. История о великом князе Московском, которая нередко несет черты «автобиографического повествования»¹⁴ Курбского, также упоминает лишь Александра Горбатого. Сам Курбский пишет, что царь поставил «над всеми ними великим гетманом князя Александра Суздальского, по прозванию Горбатого, человека разумного, достойного и отличившегося в воинских предприятиях»¹⁵. Описание самого сражения частично отличается от Казанской истории, но, несмотря на различия, заключение было одним: «черемиса перестала выезжать из лесов»¹⁶.

Вернемся к Курбскому. Даже в своей книге Курбский не причислил себя к разорителям арских земель. Всю славу оставил князю Горбатову. Мог бы Курбский оказаться слишком скромным и промолчать о своем вкладе в победу? Скорее всего нет. Если дочитать до описания сцен падения Казани, то перед нами неоднократно складывается картина того, что Казань добыл лишь Андрей Курбский и его брат Роман, который «первым взшел по лестнице на крепостную стену»¹⁷. Сам Андрей Курбский несколько раз призывает читателя, чтобы он не винил его в хвастовстве, так как он «истинную правду говорит»¹⁸ и «не скрывает духа храбрости»¹⁹, когда на своем коне «впереди всех врзался я в басурманский тот полк»²⁰ и помнит, что «трижды во время сечи упирался во врагов его конь, а в четвертый раз, тязко ра-

¹² Там же. С. 427.

¹³ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 425.

¹⁴ *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998. С. 244.

¹⁵ История о великом князе Московском. С. 335.

¹⁶ Казанская история. С. 427.

¹⁷ История о великом князе Московском. С. 341.

¹⁸ Там же. С. 347.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

ненный, повалился вместе с ним посреди них»²¹. «Скромность», наглядно продемонстрированная на данном примере, скорее всего не позволила бы Курбскому забыть о своих подвигах при походе на черемису. Поэтому, скорее всего, можно склониться к выводу, что Курбского среди опустошителей Арской земли в августе 1552 г. не было.

Следующую группу источников, которую можно рассмотреть при определении роли Курбского в походах на финно-угорские земли, представляют собой официальные летописные книги. Летописец начала царства перечисляет воевод, которые окружили и нанесли тяжелое поражение арскому войску в битве на Арском поле. Это были Александр Борисович Горбатый, Петр Семенович Серебряный, Юрий Иванович Шемякин²². После сражения воеводы со своим войском «прочесали» ближайшие леса и привели оттуда 340 «поганных»²³. События и имена, описанные в Александро-Невской летописи²⁴, Царственной книге²⁵, Львовской²⁶ и Никоновской²⁷ летописях и по Отрывку летописи²⁸, идентичны Летописцу начала царства. Где был в то время Андрей Курбский?

По сведениям Летописца начала царства, 29 августа, накануне похода против черемисы, царь приказал пяти князьям, среди которых первыми стоят правая рука царя князь Щенятев и его соратник Андрей Курбский, «за Казанью по берегу Казани реки против города туры ставить»²⁹. Воеводы «туры поставили и землю укрепили и сами под турами стали по цареву повелению»³⁰. Против арских отрядов позже отправился ертаул князей Пронского и Троекурова³¹, но снова без Андрея Курбского. Известия, изложенные Летописцем, в разной степени повторяются в других изучаемых нами летописях. Описание

²¹ Там же.

²² Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // Полное собрание русских летописей (Далее — ПСРЛ). Т. 29. М., 1965. С. 100.

²³ Там же.

²⁴ Александро-Невская летопись // ПСРЛ. Т. 29. С. 195–196.

²⁵ Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 1761: Напечатан с писменного, которой сыскан в Москве в Патриаршей библиотеке. СПб., 1769. С. 287–288.

²⁶ Львовская летопись. Часть вторая // ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1914. С. 521.

²⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Первая половина // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 210–211.

²⁸ Отрывок Летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку // ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 307.

²⁹ Летописец начала царства. С. 99.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

Троицкой повести перекликается с упомянутыми летописями, но, к сожалению, не приводит ни одного имени участников исследуемых событий³².

Итак, рассматривая русские письменные источники, можно прийти к выводу, что известия Казанской истории не совпадают ни с каким другим источником, включая тот, который написал сам Курбский. На основе исследования можно сделать вывод, что Андрей Курбский не принимал участие в первом походе против черемисы в конце августа 1552 г. В то время он вместе с князем Щенятевым выполнял царские приказы по строительству туров и сторожил их. Участие в карательной рати не подтверждается свидетельством остальных летописей и, скорее всего, остается ошибкой автора Казанской истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей (Далее — ПСРЛ). Т. 29. М., 1965.
2. История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. СПб., 2001.
3. Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. XVI век. СПб., 2000.
4. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965.
5. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Первая половина // ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904.
6. Львовская летопись. Часть вторая // ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1914.
7. Отрывок Летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку // ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853.
8. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
9. Троицкая повесть о взятии Казани // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. XVI век. СПб., 2000.
10. Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 1761: Напечатан с писменного, которой сыскан в Москве в Патриаршей библиотеке. СПб., 1769.
11. Горский А.Д. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Т. 2. М., 1985.
12. Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998.

³² Подробнее см.: Троицкая повесть о взятии Казани // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. XVI век. СПб., 2000. С. 535.

13. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 1. СПб., 1895.

14. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г.: биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т. 2. СПб., 1891.

D.L. Vysloužilová, I.A. Kalugin

Brno (Czech Republic), Izhevsk (Russia)

Masaryk University, Udmurt State University

BATTLE ON ARSK FIELD.

ANDREY KURBSKY AS A CHEREMISS SLAYER?

Without much hesitation, we can call the history of the XVI century in Russia a real dramatic performance. Our article is devoted to one of the most outstanding characters of this drama, Prince Andrey Kurbsky. During the reign of Ivan the Terrible, Andrey Kurbsky took part in all major battles of Muscovy. Throughout the siege of Kazan Kurbsky had to fight not only with the defenders of the city but also with the unbent, unbowed, rebellious Cheremisa — the Finno-Ugric people of the northern parts of Kazan Khanate. The ambiguity and inconsistency of preserved sources call into doubts Kurbsky's key role in these clashes. This article shows the differences in the sources concerning the events of the end of August 1552, and tries to find the truth about the famous Andrey Kurbsky and his life as a warrior.

Keywords: Andrey Kurbsky, Ivan the Terrible, Kazan Chronicle, Chronicler of the Beginning of the Kingdom, History of the Grand Prince of Moscow, Cheremisa, Arsk.

СЕКЦИЯ «СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА»

К.В. Главатских

г. Казань (Россия)

Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ПОНИМАНИЯ ТИТУЛА REX ТЕОДОРИХА ВЕЛИКОГО

Статья освещает подходы в историографии относительно значения титула «rex» в контексте конституционного положения правителя Остготского королевства Теодориха Великого. На основе английской, американской, немецкой и польской историографии выделяются основные тенденции в понимании проблемы.

Ключевые слова: Теодорих Великий, Остготское королевство, Одоакр, Византия, титулатура.

Традиционно вопрос конституционного положения остготских правителей привлекал большое внимание историков. В попытках раскрыть обозначенную проблему исследователи, как правило, пытаются ответить на ряд вопросов. Во-первых, каким статусом обладал Одоакр до его свержения Теодорихом? Во-вторых, ряд свидетельств того времени упоминают о том, что Теодорих был послан Зеноном, чтобы сместить Одоакра и править вместо него. Соответственно, возникает вопрос, был ли связан Теодорих каким-либо договором с императором, определяющим его власть в Италии? В-третьих, существует ли в таком случае различие между положением Одоакра и Теодориха?

Титулатура является наиболее красноречивым маркером, отражающим правовое или же конституционное положение правителя. «Rex» — это основной и, пожалуй, один из самых часто встречающихся титулов Теодориха. Он фигурирует в большинстве известных письменных и эпиграфических источников этого периода. Понимание того, какое значение имел титул «rex» в этот период, и каким образом он воспринимался, позволяет определить характер власти самого Теодориха. В исследованиях, посвященных этой проблеме, намечаются несколько тенденций.

Согласно традиционному взгляду, сложившемуся в историографии, титул rex был ненавистен римлянам, поскольку отсылал к изгнанию римлян-

нами последнего царя Тарквиния и избавлению от тирании¹. В этой связи обладание титулом *rex* как бы выносило Теодориха за рамки установившейся римской политической традиции. Другими словами правители до 476 г. не называли себя *rex*, они были правителями Римской империи и называли себя *imperator*. Соответственно приход к власти королей Одоакра, а затем Теодориха вместо императоров обозначили «Падение Западной Римской империи».

Исследователи часто основываются на противопоставлении *rex* и *imperator*. *Rex* — это титул варваров. Поэтому признание власти Теодориха, как правителя над римлянами основывалась на том, что она была ему делегирована императором. Т. Моммзен высказал мнение, что Теодорих был *королем готов*, в то время как римлянами он правил на правах своего рода имперского чиновника². Этому же мнению придерживался и Г. Пфайльшифтер, писавший в первой пол. XX в.³

Э.А. Томпсон утверждал, что, несмотря на свержение последнего императора Запада, Италия оставалась частью Римской империи. Формально ей продолжал править византийский император. Теодорих, в свою очередь, «присматривает» и «управляет» Италией от имени Зенона. В этом смысле, положение Теодориха было неопределенным: он был королем остготов, но не был королем италийцев. Поэтому он называл себя просто «королем» (*Rex Theodericus*), чтобы не ограничивать свою власть варварами «исключив из нее италийцев»⁴.

Иначе трактует положение Теодориха австрийский историк Х. Вольфрам. Если Томпсон не различал королевский статус Одоакра и Теодориха, то Вольфрам видит в его правлении совершенно другую картину. Власть Теодориха, в отличие от Одоакра, была признана императором Византии. Он подчеркивает, что «Теодорих в своем италийском королевстве соединил две разные политические традиции: власть короля (*regnum*) над своим народом (*gens*) и принципат над римским народом (*populus*)». Он был королем войска еще до похода в Италию и был заново провозглашен после победы над Одоакром уже как «властитель Западной империи». В 497 г. его избрание было подтверждено императором Анастасием. Он носил титул «*Flavius Theodericus rex*», подчеркивая, что основал третью династию Флавиев. То

¹ *Adcock F.E.* Caesar's dictatorship // In *The Cambridge Ancient History*. Cambridge, 1932. P. 727

² *Jones A.H.M.* The Constitutional Position of Odoacer and Theoderic // *The Journal of Roman Studies*. 1962. № 52 1&2. P. 126

³ *Пфайльшифтер Г.* Теодорих Великий. СПб., 2017. С. 67.

⁴ *Томпсон Э.А.* Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003. С. 67.

есть он одновременно остается независимым правителем и подчиненным «старшему» императору Византии⁵.

Похожего подхода придерживаются Т.С. Бёрнс и Т. Мурхед. Бёрнс говорит, что Теодорих был поднят на щит и провозглашен королем в 493 г. (ceremony of kingship in 493 to declare his position over Italy; king of Italy). С правовой точки зрения остальные варварские короли были королями федеративных племен (heads of federate tribes). Корлевская власть Теодориха предполагала «особый союзный статус» (peculiar allied status), позволявший ему осуществлять власть над римлянами и готам. Однако для этого нужно было подтверждение его статуса императором, которое он получил лишь в 497 г. (Theodoric as king and as the official representative of the imperial authority⁶). В отличие от Теодориха, Одоакр правил как *magister militum*, и император не признавал его, как *rex*. Мурхед так же выстраивает свои рассуждения вокруг того, что титул *rex* Теодориха сам по себе был не приемлем для римлян. Его власть была легитимной постольку, поскольку она исходила от императора⁷.

В отличие от вышеупомянутых авторов, мы можем увидеть, что часть исследователей склонны рассматривать титул *rex* Теодориха, как свидетельство его независимости. П. Хизер связывает пришествие Теодориха в Италию с договором между ним и Зеноном. Однако власть он осуществлял как полноправный правитель, независимый от авторитета византийского императора. Единственное, что останавливало его от принятия титула *imperator* — боязнь обострения отношений с Византией⁸.

А.Х.М. Джонс, наоборот, выступал против характеристики власти Теодориха в качестве «римского правителя». Джонс видел в нем лишь «очередного варварского короля» (Odoacer and Theoderic were kings pure and simple, in the same position as the other barbarian kings)⁹. Он обращается к свидетельству Иордана о провозглашении Теодориха королем, когда войско подняло его на щит. К этому моменту Теодорих уже был королем остготов и «новое» провозглашение означало расширение его полномочий до управления римлянами. Вместе с тем, он добивался признания этого статуса со стороны Византии. Однако приобретение этого признания означало утверждение

⁵ Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 403–413.

⁶ Burns T.S. Theodoric the Great and the Concepts of Power in Late Antiquity // Acta Classica. 1982. № 25. P. 108.

⁷ Moorhead J. Theodoric, Zeno and Odovacer // Byzantinische Zeitschrift. 1984. № 77. P. 266.

⁸ Хизер П. Восстановление Римской империи. Реформаторы Церкви и претенденты на власть. М., 2013. С.60–65.

⁹ Jones A.H.M. Op. cit. P. 126.

независимости Теодориха от власти императора и принятия того, что Италия больше не являлась частью Империи.

За последние три десятилетия в трудах историков наметился новый поворот в понимании этого вопроса. Исследователи утверждают, что *rex* и *regnum* не следует понимать в качестве терминов, которые отождествляют власть Теодориха с «варварской» или «не римской». Польский историк Ян Простко-Простыньский обращает внимание, что с конца IV в. наряду с *imperium* и *res publica* начинает использоваться формулировка *regnum Romanorum*¹⁰. В текстах V в. *rex* и *regnum* часто относятся к императорам. В этом смысле дихотомия *rex/imperator* размывается и потому понимание титула *rex*, как чуждого римской политической терминологии — неверно. Ян Простко-Простыньский приходит к выводу, что по договору с Анастасием Теодорих был скорее императорским коллегой, нежели его подчиненным или совершенно не связанным с императором варварским королем. Он был правителем западной части единой *Imperium Romanum*, признавая старшинство Восточного коллеги¹¹.

В этом же контексте С. Фэннинг объяснял приход к власти Одоакра и Теодориха. Он оспаривал подход, согласно которому Рим пал тогда, когда на Западе стали править короли¹². Фэннинг обращает внимание, что титул *rex* был в ходу задолго до прихода Одоакра и был среди императорских апеллятивов начиная с I в.

Пожалуй, наиболее «радикальное» мнение принадлежит британскому ученому Дж. Арнольду. В своей работе он настаивает на взаимозаменяемости титулов «*rex*», «*princeps*» и «*imperator*». К моменту начала правления Теодориха сложилась дихотомия в принципах правления между Востоком и Западом. На Востоке был *basileus*, чья власть скорее напоминала власть эллинистических правителей. В свою очередь, на Западе глубже сохранились республиканские традиции и император представлял себя как *princeps*, первый гражданин¹³. Таким образом, в V в. на Западе *princeps* становится синонимом *imperator* (In Italy, therefore, to be princeps was to be emperor). В титулатуре Теодориха *princeps* встречается едва ли не чаще, чем *rex*. Использование *rex*, наряду с прочими имперскими титулами, например, *augustus* или *dominus*, ассимилировало *Theodericus rex* к восточному пониманию титула *basileus*. Таким образом, при Теодорихе происходит

¹⁰ Prostko-Prostyński J. Utraeque res publicae: The Emperor Anastasius I's Gothic Policy (491–518). Poznan, 1994. P. 82.

¹¹ Ibid. P. 282.

¹² Fanning S. Odovacer rex, Regal Terminology, and the Question of the End of the Western Roman Empire // Medieval Prosopography. 2003. № 24. P. 48.

¹³ Arnold J. J. Theoderic and the Roman Imperial Restoration. N. Y., 2014. P. 74.

совмещение противоположных понятий *res publica* во главе с *princeps* и *regnum* во главе с *rex*¹⁴. Это делает Теодориха независимым от Византии правителем, который, вопреки традиционному взгляду, уже не «варварский король», а «император».

Я думаю, здесь вырисовываются две основные исследовательские тенденции. Их разделяет представление о том, что означал титул *rex* в V в. Согласно «классическому» мнению титул *rex* традиционно, еще со времен царской эпохи, был неприемлем для римлян. В период становления варварских королевств *rex* — это то, как варвары называют своих правителей. Однако власть Теодориха была легитимной поскольку ему даровал ее император. Современные исследования, напротив, указывают, что *rex* и *regnum* в течение долго периода Римской истории были обращены, в том числе и к императорской власти. Привычное разделение на варварскую *regnum* и римскую *imperium* не раскрывает характера развития властных институтов в Позднюю античность. Власть т.н. варварских королей выросла и развивалась в контексте эволюции римских политических институтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003.
2. Пфайльшифтер Г. Теодорих Великий. СПб., 2017.
3. Томпсон Э.А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003.
4. Хизер П. Восстановление Римской империи. Реформаторы Церкви и претенденты на власть. М., 2013.
5. Adcock F.E. Caesar's dictatorship // In The Cambridge Ancient History. Cambridge, 1932.
6. Arnold J.J. Theoderic and the Roman Imperial Restoration. N.Y., 2014.
7. Burns T.S. Theoderic the Great and the Concepts of Power in Late Antiquity // Acta Classica. 1982. № 25.
8. Fanning S. Odoacer rex, Regal Terminology, and the Question of the End of the Western Roman Empire // Medieval Prosopography. 2003. № 24.
9. Prostko-Prostynski J. Utraeque res publicae: The Emperor Anastasius I's Gothic Policy (491–518). Poznan, 1994.
10. Jones A.H.M. The Constitutional Position of Odoacer and Theoderic // The Journal of Roman Studies. 1962. № 52 1&2.
11. Moorhead J. Theoderic, Zeno and Odoacer // Byzantinische Zeitschrift. 1984. № 77.

¹⁴ Ibid. P. 88.

K.V. Glavatskikh*Kazan (Russia)**Kazan (Volga region) Federal University*

HISTORIOGRAPHICAL TRADITIONS OF UNDERSTANDING
THE TITLE REX OF THEODORIC THE GREAT

The article denotes approaches in historiography concerning the meaning of the title “Rex” in the context of the constitutional position of the ruler of the Ostrogothic Kingdom, Theodoric the Great. Based on the English, American, German and Polish historiography, the article shows main tendencies in understanding the problem.

Keywords: Theodoric the Great, Ostrogothic Kingdom, Odoacer, Byzantium, titlature.

К.К. Вахрушева
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ПОСОЛЬСТВО ОЛЬГИ К ОТТОНУ I И МИССИЯ АДАЛЬБЕРТА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛ. XVIII — КОНЦА XX В.

В статье рассматривается изучение проблемы посольства княгини Ольги к Оттону I и неудачи последующей миссии Адальберта в отечественной историографии второй пол. XVIII — конца XX вв. Приведены различные мнения исследователей по основным спорным вопросам в изучении данной темы: причины отправки послов к германскому королю, причины неудачной миссии отправленного на Русь епископа. Статья построена по хронологическому принципу.

Ключевые слова: историография, княгиня Ольга, Оттон I, Адальберт, Византия.

Проблема посольства, отправленного княгиней Ольгой к германскому императору Оттону I, возникает в связи с отсутствием упоминания этого события в русских летописях. Информация о нем содержится в так называемом «Продолжателе хроники Регинона Прюмского», автором которого считается Адальберт, посланный на Русь императором для установления церковной организации.

Впервые обращается к свидетельству из «Продолжателя хроники Регинона Прюмского» М.М. Щербатов. По мнению исследователя, известие об изгнании посланников Оттона I указывает на нерасположение Ольги, принявшей христианство по греческому образцу, к догматам латинской церкви, к чему ее могли побуждать письма константинопольских патриархов¹.

Некоторые историки просто упоминают об этом документе, не поясняя его содержание. Так А.Л. Шлецер пишет о существовании известия о посольстве Ольги к Оттону I с просьбой прислать «своему народу учителя христианской веры»².

¹ *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. Т. 1. СПб., 1770. С. 222.

² *Шлецер А.Л.* Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. СПб., 1809. С. 48.

Встречаются и интересные точки зрения. Например, Н.А. Полевой на основании известий «Продолжателя хроники Регинона Прюмского» приходит к выводу о том, что «политические виды папы и Царьградского патриарха устремлялись тогда внимательно на Русь и деятельно сражались между собой»³. Н.С. Арцыбашев о посольстве к германскому императору пишет, что Ольга была недовольна византийским двором, что вероятно побудило ее направить послов к Оттону I и «просить наставника в законе христианском»⁴.

Статья митрополита Макария посвящена проблеме путешествия княгини Ольги в Константинополь. Однако четвертый вопрос, рассматриваемый исследователем — вопрос о посольстве, отправленном Ольгой к Оттону I. Митрополит не сомневается, что в известии «Продолжателя хроники Регинона Прюмского» говорится именно о княгине Ольге, поскольку она названа Еленой и действительно была крещена при Константине VII и Романе II. Макарий отмечает, что русские послы могли прибыть к немецкому императору по политическим причинам, а не религиозным. Однако Оттон I решил воспользоваться возможностью и направил своих миссионеров на Русь, а «для благовидности мог распространить слух, что послы русские за тем и приходили от своей княгини»⁵. Доказательством этому служит дальнейшее изгнание Адальберта из Киевской Руси. Отсутствие упоминания о посольстве к немецкому императору в Повести временных лет Макарий объясняет причиной чисто религиозного характера. Ко времени написания летописи христианская церковь уже разделилась, и было бы невероятным известие, что Ольга, принявшая православие в Византии, просила епископа из «Римской Церкви»⁶.

Д.И. Иловайский отмечает, что Ольга не была довольна приемом византийского двора и подарками, оказавшимися меньше, чем подарки, полученные арабским эмиром. В связи с этим недовольством княгини состоялось посольство, отправленное к императору Оттону I. Историк считает, что в известии западных хроник об этом событии есть недоразумение. Исследователь видит в этом посольстве цель отчасти политическую, отчасти религиозную. Немецкий император просто спешил подчинить католицизму русскую церковь⁷.

Е.Е. Голубинский не отвергает известия о посольстве к немецкому императору Оттону I. По мнению исследователя, неудачным оно оказалось для

³ Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1. М., 1997. С. 132–134.

⁴ Арцыбашев Н.С. Повествование о России. Т. 1. М., 1838. С. 33.

⁵ Макарий. История русской церкви. Кн. 1. М., 1994. С. 215–216.

⁶ Там же. С. 216–217.

⁷ Иловайский Д.И. История России. Ч. 1. М., 1876. С. 43–44.

Адальберта потому, что Ольга не просила у императора епископа, однако Оттон решил воспользоваться этим посольством и для распространения своей веры отправил на Русь своих миссионеров⁸.

Д.И. Багалей в своей работе лишь упомянул об известии «Продолжателя хроники Регинона Прюмского», не дав никакой оценки и анализа⁹. По мнению В.А. Пархоменко, по причине своей неудовлетворенности поездки в Константинополь княгиня направила своих послов к немецкому императору с просьбой прислать епископа и священников. Однако миссия потерпела неудачу, поскольку Ольга, по-видимому, успела креститься и более не нуждалась в помощи Оттона I¹⁰.

Как и В.А. Пархоменко, М.Д. Приселков отмечает неудовлетворенность Ольги поездкой в Константинополь, по этой причине княгиня обратилась к немецкому императору. Однако и здесь Ольга потерпела поражение. От Оттона I она получила предложение организовать не архиепископию и не митрополию, а всего лишь епископию. По мнению исследователя, единственным выходом из сложившейся ситуации было свое крещение назвать фактом личной, не государственной жизни, и отказаться от управления страной, передав последнюю в «языческие руки сына»¹¹.

В советский период проблема посольства к Оттону I была рассмотрена отечественными историками подробнее. В.В. Мавродин в своей работе задается вопросом о причине посольства Ольги к Оттону I. Исследователь полагает, что княгиня, не получив поддержки со стороны Византии в укреплении власти путем христианизации, обращается к императору Священной Римской империи. Но Оттон I опоздал: к 961 г. отношения Руси и Византии наладились, и Ольга больше не нуждалась в помощи со стороны Запада¹². Полностью с выводами В.В. Мавродина согласен М.В. Левченко¹³.

Б.Я. Рамм в своей работе обращает внимание на то, что не следовало бы всецело доверять «Продолжателю хроники Регинона Прюмского», так как его автором является сам Адальберт, посланный на Русь в качестве епископа, поэтому он вполне мог сфабриковать сведения для того, чтобы оправдать свои действия (стремление насильственно навязать латинское христиан-

⁸ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1. Ч. 1. М., 1901. С. 81–83.

⁹ Багалей Д.И. Русская история. Ч. 1. Харьков, 1909. С. 134–135.

¹⁰ Пархоменко В.А. Древнерусская княгиня святая равноапостольная Ольга. Киев, 1911. С. 16–17.

¹¹ Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 14–15.

¹² Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 258.

¹³ Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 233–235.

ство) и неудачу в достижении поставленной цели. В качестве доказательства своим выводам исследователь отмечает отсутствие информации о посольстве Ольги к Оттону I в русских источниках. Историк считает, что политика княгини встретила отпор в среде княжеского окружения, результатом чего стал политический переворот, в ходе которого власть перешла Святославу¹⁴.

С последним выводом Б.Я. Рамма согласен М.А. Алпатов. Однако исследователь подвергает сомнению предположения первого о фабрикации фактов, изложенных Адальбертом. Также историк в посольстве Ольги к Оттону I видит цель установления политических связей с Германской империей¹⁵.

Историки не раз обращали внимание на неудачные переговоры Ольги в Константинополе. В.Т. Пашуто также поднимает эту проблему, вследствие которой княгиня направила посольство к Оттону I. Неудачу Адальберта исследователь видит в нежелании Ольги организовать епископство на Руси: ей нужно архиепископство. Возможно и то, что княгиня хотела лишь оказать давление на Византию, либо она учитывала сближение Польши с Германией. Гибель же части миссионеров — это всего лишь случайное происшествие в пути¹⁶.

В своей статье А.Г. Кузьмин главную причину отправки посольства к немецкому императору видит в стремлении Ольги сохранить независимость в церковном плане¹⁷.

Обращаясь к «Продолжателю хроники Регинона Прюмского», А.Н. Сахаров выделяет три варианта развития событий, после которых Адальберт написал, что посольство Ольги оказалось притворным: 1) русские послы превысили свои полномочия, пригласив епископа и пресвитеров; 2) Ольга действительно хотела ввести на Руси церковную организацию, но в дальнейшем под давлением языческой оппозиции была вынуждена отослать миссионеров обратно; 3) Отгон I неправильно понял цель посольства. Далее историк отвергает все три версии. Смысл событий исследователь видит в простом стремлении Руси установить отношения «мира и дружбы» с Германским королевством. Что касается, отправки епископа, то здесь А.Н. Сахаров полагает, что у Оттона I в ходе переговоров могла возникнуть мысль внедрения церковной организации на Руси, на что русские послы могли согласиться. Версия же Адальберта должна остаться на его собственной совести¹⁸.

¹⁴ Рамм Б.Я. Папство и Русь в X–XV веках. М., Л., 1959. С. 36, 37.

¹⁵ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973. С. 66, 71–72.

¹⁶ Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 66, 120–121.

¹⁷ Кузьмин А.Г. Принятие христианства на Руси // Вопросы научного атеизма. М., 1980. С. 13.

¹⁸ Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980. С. 293–296.

О.М. Рапов не согласен с мнением некоторых ученых (в частности с работой А.В. Каргашева «Очерки по истории русской церкви», выпущенной в Париже) о послах-самозванцах, так как перед приемом послы должны предоставить золотые печати и верительные грамоты, что самозванцы сделать не могли¹⁹.

Приглашая на Русь германских миссионеров, Ольга преследовала две цели: 1) «мечь» Византию; 2) испытание оттоновских нововведений в церковной системе в русских условиях. Исследователь видит несколько причин неудачи миссии Адальберта. Во-первых, Ольга не обеспечила миссионеров достаточным воинским контингентом. Во-вторых, исследователь не отрицает осуществления Святославом государственного переворота и перехода власти в его руки²⁰.

По версии И.Я. Фроянова, во второй пол. X в. между Византией и Римской империей шла борьба за распространение христианства на Руси. По этой причине в 961 г. на Русь из Германии был послан епископ Адальберт. Его миссия потерпела неудачу из-за противодействия как со стороны язычников, так и со стороны христиан, крещенных по византийскому образцу. Также исследователь не согласен с мнением некоторых историков о том, что Святослав отверг христианство вследствие осознания мысли о получении Русью статуса вассала империи в случае принятия крещения из Византии²¹.

Посольство Ольги к Оттону I Н.Л. Пушкарева расценивает как миссию для установления взаимовыгодных отношений. Стремясь к достижению своих целей, Ольга, по мнению исследовательницы, лишь дала согласие на допуск в русские земли немецких миссионеров. Адальберт же был изгнан с территории Руси по причине осуществления каких-то политических притязаний Оттона I²².

Проблеме посольства Ольги в Германию посвящена статья А.В. Назаренко, в которой он не раз обращается к критике выводов А.Н. Сахарова. Историк видит связь между крещением Руси и политической ориентацией, выбор которой в пользу Византии естественен, но не предопределен. Помимо рассмотрения русско-византийских отношений, исследователь обращает внимание на положение дел в отношениях между Германией и Византией. А.В. Назаренко пишет, что «именно попытка германского короля завязать переговоры с греками, используя «русский вопрос», была причиной задержки с отправлением уже рукоположенного епископа»²³. Неудачу в миссии

¹⁹ Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 181.

²⁰ Там же. С. 183–184.

²¹ Фроянов И.Я. Исторические условия крещения Руси. Л., 1988. С. 14–15, 17.

²² Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 19–20.

²³ Назаренко А.В. Попытка крещения Руси при княгине Ольге в контексте международных отношений 60-х годов X в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 33.

Адальберта историк связывает с переменой в политическом курсе Константинополя и вокняжением в Киеве Святослава²⁴.

Подводя итог всему сказанному, можно сделать вывод о том, что отечественные историки, вне зависимости от периода их деятельности, отмечают неудовлетворенность Ольги поездкой в Константинополь, после чего она направила посольство к Оттону I. Исследователи XVIII — первой пол. XIX вв. в основном приводят лишь краткие упоминания об известиях, содержащихся в «Продолжателе Регинона Прюмского». В историографии второй пол. XIX — нач. XX вв. появляются различные точки зрения относительно причин отправки Ольгой этого посольства (политические) и неудачи миссии Адальберта (германский император воспользовался ситуацией либо слишком спешил; княгиню не устраивала епископия). Советские историки выделили еще ряд причин посольства. Историки считают, что для достижения своих целей Ольга решила сыграть на противоречиях Византии и Германии, давая таким образом на византийского императора, а также княгиня просто хотела установить более тесные дипломатические отношения со Священной Римской империей. Помимо выше перечисленных причин провала оттоновских миссионеров наиболее часто встречаются следующие: улучшение отношений Византии и Руси; недовольство язычников и христиан, крещенных по греческому образцу; приход к власти Святослава; недостаточная обеспеченность воинским контингентом; миссионеры использовали слишком жесткие методы и т.п. Также в советской историографии появляется точка зрения о том, что данные «Продолжателя Регинона Прюмского» были сфальсифицированы, либо к Оттону I прибыли самозванцы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973.
2. *Арцыбашев Н.С.* Повествование о России. Т. 1. М., 1838.
3. *Багалея Д.И.* Русская история. Ч. 1. Харьков, 1909.
4. *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. 1. Ч. 1. М., 1901.
5. *Иловайский Д.И.* История России. Ч. 1. М., 1876.
6. *Кузьмин А.Г.* Принятие христианства на Руси // Вопросы научного атеизма. М., 1980.
7. *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
8. *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945.
9. *Макарий.* История русской церкви. Кн. 1. М., 1994.

²⁴ Там же. С. 27–34.

10. Назаренко А.В. Попытка крещения Руси при княгине Ольге в контексте международных отношений 60-х годов X в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.

11. Пархоменко В.А. Древнерусская княгиня святая равноапостольная Ольга. Киев, 1911.

12. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

13. Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1. М., 1997.

14. Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003.

15. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.

16. Рамм Б.Я. Папство и Русь в X–XV веках. М., Л., 1959.

17. Рапов О.М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988.

18. Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980.

19. Фроянов И.Я. Исторические условия крещения Руси. Л., 1988.

20. Шлецер А.Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. СПб., 1809.

21. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. 1. СПб., 1770.

K.K. Vahrusheva

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

EMBASSY OF OLGA TO OTTO I AND THE MISSION
OF ADALBERT IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY II HALF
OF THE XVIII — END OF THE XX CENTURY

The article discusses the study of the problem of the embassy of Princess Olga to Otton I and the failure of Adalbert's subsequent mission in Russian historiography of the second half of the XVIII — the end of the XX centuries. Various opinions of researchers on the main controversial issues in the study of this topic are given: the reasons for sending ambassadors to the German king, the reasons for the unsuccessful mission of the bishop sent to Russia. The mention of historians is given in chronological order. The sources on which the researchers relied when studying the real problem are indicated. Based on the given opinions of historians, a conclusion is drawn on the nature of studies of this period.

Keywords: historiography, Princess Olga, Otton I, Adelbert, Byzantium.

А.Н. Саламатова (Зарипова)
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

РОЛЬ ПОЛОВЦЕВ В БИТВЕ НА КАЛКЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII–XX ВВ.

Битва на Калке явилась значительным событием, предопределившим не только расположение половцев в привычной Дешт-и-Кипчак, но и их дальнейшее существование. Однако, в отечественной историографии сражения внимание акцентируется на противостоянии монголов и русских, а половцам уделяется мало внимания. В данной статье предстоит определить роль половцев в битве на Калке в представлении отечественных историков. Заявленная проблема решается через два основных вопроса: как сложился русско-половецкий союз против монголов? Как повлияли половцы на исход битвы? В работе рассматриваются отечественная историография начиная с XVIII в. и заканчивая 1991 г., которая условно делится на два периода: дореволюционный и советский.

Ключевые слова: битва на Калке, русско-половецкий союз, половцы, монголы, Мстислав Удатный, отечественная историография.

За почти два века соседства Руси с половцами произошло немало событий, отражающих разносторонний характер взаимоотношений двух народов. Речь идет не только о заключенных мирах, военных конфликтах, но и о союзах и предательствах. Отношения зависели не только от интересов и желаний сторон, но и от политической ситуации в рассматриваемые периоды. Так или иначе, события связанные с битвой на Калке, не только отразили все многообразие этих отношений, но и положили начало их концу.

Исходя из сохранившихся источников, будь то русские или восточные, не трудно заметить, что половцы явились той стороной, без которой первая встреча Руси и монголов вряд ли бы состоялась. Но в какой степени «уже свои» кочевники повлияли на эту встречу? Кто определил ее характер? Половцы также принимали непосредственное участие в битве русских с монголами. Но какой была их роль в исходе этой битвы?

Нельзя сказать, что этим вопросам было уделено большое внимание в отечественной историографии. О роли половцев в битве на Калке чаще все-

го упоминали в контексте русско-монгольского конфликта и последующих событий. Однако, даже такое косвенное освещение половецкого вопроса позволяет выявить некоторые тенденции в развитии представлений о степных соседях. Поэтому цель данной статьи — определить роль половцев в битве на Калке в оценке отечественных историков XVIII–XX вв. (до распада СССР в 1991 г.). Такие широкие временные рамки предполагают условное деление рассматриваемых работ на два периода: с XVIII до Октябрьской революции; советский. В основе такого деления лежит аналитический характер исследований вопроса.

Так, первому периоду соответствует адаптированный пересказ исследователей событий из источника, в основном из русских летописей. Вопрос, поставленный в статье, сам по себе очень узкий, поэтому косвенные упоминания о половцах присутствуют в основном в крупных фундаментальных работах, посвященных истории России в целом или становлению ее государственности. Так как битва на Калке явилась беспрецедентным событием для Руси, то и ее изложение происходит через призму политических перипетий накануне встречи с монголами.

Одной из основных проблем, определяющих роль половцев в бедствии на Калке, является вовлечение русских в конфликт с монголами. За свои ли интересы сражалась Русь? Можно ли было избежать конфликта? Как повлияли половцы на исход битвы?

Информация источников о том, что первоначально монголов интересовали половцы, а не Русь, не подвергается сомнению со стороны историков. Традиционно исследователи пишут о событиях предшествующих половецкому посольству на Русь, а именно крупном погроме со стороны монголов в Дешт-и-Кипчак.

В.Н. Татищев повествует о битве на Калкев своем фундаментальном труде «История Российская с самых древнейших времен»¹. Вовлечение русских в предстоящий конфликт персонафицировано: хан половецкий Котян обращается к зятю своему Мстиславу Галицкому за помощью. Однако решение принималось на общем съезде князей не от большого желания выступать за интересы «родственных» кочевников. Летописец, чьи слова пересказывает В.Н. Татищев, показывает объективное взвешенное решение князей. Предложенный монголами мир был расценен на съезде как уловка и обольщение, а покоренные новым врагом половцы усилили бы войско монголов. Что касается половецкого побега с поля боя, то историк не выделяет его как причину поражения всей кампании. Смявшие русские полки, пограбившие бегущих русских половцы не высоко оцениваются В.Н. Татищевым. Пове-

¹ *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Ч. 2. М., 1774. С. 193.

дение их не удивляет. Более того, некоторое количество половцев укрылись на Руси, где местное население, по словам историка, «весьма были рады и давали им корм и помощь в поселении»². Такие же свидетельства о переселении половцев на Русь позже нашли отражение в работе М.Д. Затыркевича³. Основная же причина поражения — несогласованность в действиях русских князей: «Если бы русские князья в согласии были и совокупно бились, то б татары и половцев при них разбить не могли»⁴.

Остальные исследователи, следуя за В.Н. Татищевым и русскими летописями, в основном придерживаются схемы: зять Котьяна — Мстислав Галицкий, инициирует совместный поход русских князей, прельщенных подарками и убежденными разумностью выступить на стороне «старого» врага. Подлость половцев если и ухудшила положения, но основная вина на князьях.

Немного усиливает негативное отношение к половцам М.П. Погодин, сообщая об угрозе со стороны половцев в случае отказа русских выступить на стороне монголов⁵. Здесь нет мольбы о помощи. Тогда как Н.М. Карамзин пишет «половцы радовались, изъявляя благодарность и хан Батый⁶ принял тогда же веру христианскую»⁷. Как и у В.Н. Татищева, ожидания Н.М. Карамзина проявлений чести поганых не высокие: «но малодушные половцы не выдержали удара...самые мнимые друзья наши, половцы, виновники сей войны и сего несчастья...»⁸. Но вина все же ложится на Мстислава Галицкого, который «пылая ревностию отведасть счастья с новым и столь уже славным врагом...»⁹ инициировал поход. Ему же вменяет в вину исследователь «излишнее славолубие, погубившее войско», ведь именно он «желая один, воспользоваться честью победы, не дал никакой вести о сражении» князьям-союзникам¹⁰.

Н.Г. Устрялов также коротко отмечает «Мстислав спешил отразить народ неведомый... и был разбит ими наголову»¹¹. У И.О. Беляева инициато-

² Там же. С. 195.

³ *Затыркевич М.Д.* О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя Русского государства в домонгольский период. М., 1874. С. 148.

⁴ *Татищев В.Н.* Указ. соч.

⁵ *Погодин М.П.* Начертание русской истории: для гимназий. М., 1837. С. 73–74.

⁶ Чаще упоминается как Бастый.

⁷ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 3. СПб., 1892. С. 236.

⁸ Там же. С. 238.

⁹ Там же. С. 235.

¹⁰ Там же. С. 239.

¹¹ *Устрялов Н.Г.* Начертание русской истории, для средних учебных заведений. СПб., 1842. С. 26.

ром вмешательства в конфликт выступает Мстислав Мстиславич: «русские князья по его приглашению согласились помогать половцам и потерпели ужасное поражение»¹².

Промежуточной позиции в половецком появлении на Руси придерживается С.М. Соловьев. Историк ведет речи о мольбе Котьяна к зятю Мстиславу Галицкому и другим русским князьям о помощи, о том, что Мстислав стал «упрашивать братью помочь половцам», о согласии князей, заявивших, что «лучше нам принять их на чужой земле, чем на своей»¹³. В то же время, С.М. Соловьев подчеркивает объективную закономерность нашествия монголов на Русь¹⁴, что несколько умаляет роль половцев в развязывании русско-монгольского конфликта. Что касается исхода сражения, то половцы, по мнению С.М. Соловьева, «дали победу татарам», «и здесь, как почти и везде побежали перед врагами»¹⁵. Однако позднее, в томе 3 своей истории, сравнивая битву на Калке и на Куликовом поле, С.М. Соловьев возложил основную ответственность за поражение на Мстислава Удатного: «...Здесь было много храбрых князей и богатырей, здесь был самый храбрый из князей — Мстислав Мстиславич торопецкий; но этот самый Мстислав завел распрю... с братьею и погубил войска»¹⁶.

Н.И. Костомаров считает несправедливым обвинение Мстислава за бедствия на Калке, так как встреча с татарскими полчищами была для него неожиданной¹⁷.

В принятии решения князей выступить в конфликте на стороне половцев М.С. Грушевский видит влияние подарков и просьб Котьяна, а также авторитет Мстислава. Исследователь намеренно акцентирует внимание на

¹² *Беляев И.* О северном берегу Черного моря и прилежащих к нему степях до водворения в этом крае монголов // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1853. Т. 3. С. 43–44.

¹³ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Он же.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1988. С. 640. Призыв сражаться с врагами на чужой земле встречается при описании Долобского съезда князей в 1103 г., где Мономах призвал идти в степь на половцев, не дожидаясь разорений от них на своей земле (Полное собрание русских летописей [Далее — ПСРЛ]. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 253; ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 277).

¹⁴ *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 639–640.

¹⁵ Там же. С. 641, 642.

¹⁶ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Он же.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1988. С. 278.

¹⁷ *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2011. С. 103.

родстве двух лидеров и на давних связях во время борьбы Мстислава за Галич. Половцы названы М.С. Грушевским «слабейшими кочевниками», которым помочь было благоразумно. Однако, отвергнуть предложенный монголами мир и избить послов было излишним. И все же, основной причиной поражения, на взгляд автора, является ссора князей¹⁸.

Если в оценке выступления русских на стороне половцев В.Г. Ляскоронский видит объективную необходимость, а именно опасность соединения «старых» и «новых» кочевых врагов, то в вопросе причин поражения историк категоричен — именно половцы «способствовали полному крушению всего предприятия против татар». По мнению В.Г. Ляскоронского, «тот элемент, который представлял опасность перехода под власть татар и которым русские хотели воспользоваться в интересах общего дела, сыграл отрицательную роль в самый критический момент»¹⁹.

Несмотря на то, что исследование П.В. Голубовского специально посвящено кочевникам и является первым таковым трудом, события на Калке освещены достаточно скупо²⁰. Исследователь делает больший акцент на предшествующем битве конфликте монголов с половцами. Для него союз половцев с русскими на Калке — один из эпизодов основного противостояния с монголами. Поэтому здесь сложно усмотреть на кого возлагается вина за поражение. Также отличительной особенностью в изложении вопроса П.В. Голубовским является выход за рамки традиционного летописного пересказа и привлечение иных источников.

Для второго периода исторических исследований, затрагивающих данный вопрос, характерен больший анализ причинно-следственных связей и использование большего количества источников (прежде всего — восточных). Изложение событий менее персонифицировано, акценты смещаются на самих кочевников за счет того, что в советский период появляется больше работ посвященных конкретно внешней политике Руси, в частности, ее отношениям со степью.

Работы, где речь шла бы о битве на Калке или отдельно о половцах в 1920–30-е гг. издаются, но информации, для определения взглядов авторов по заданной проблеме недостаточно. Начало серьезному изучению вопроса в советской историографии было положено на рубеже 1930–40-х гг. работами В.В. Мавродина и А.В. Эммаусского. В монографии В.В. Мавродина

¹⁸ *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 278–279.

¹⁹ *Ляскоронский В.Г.* Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход кн. Витовта на татар в 1399 году. СПб., 1907. С. 106–107.

²⁰ *Голубовский П.В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. Киев, 1884.

«Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй пол. XIV в.)»²¹. В известной степени повторяются идеи, имевшие место в дореволюционной историографии. В частности, мысль о том, что помощь Руси половцам была оказана из убежденности в силе новых врагов. Интересно, что В.В. Мавродин считает это заслугой половцев: «они собственную оценку внушили князьям»²². Также давнее соседство с кочевниками, их «русификация и христианизация», традиционные союзы и родственные отношения предопределили выбор стороны русскими. Историк не говорит о бегстве половцев с поля боя как о причине поражения монголам. Основная причина даже не в конкретной ссоре и размолвке князей. В.В. Мавродин пишет, что победе монголов поспособствовало превосходство их в военном отношении, а именно «конные воины с твердой дисциплиной и централизованным командованием, подчиняющихся единому плану военных действий»²³. Таким образом, речь ведется не о соперничестве Мстиславов, а об отсутствии централизационных элементов и в области государственного управления, и в области организации и руководства армией.

В 1941 г. А.В. Эммаусский защитил кандидатскую диссертацию на тему «Битва при Калке (Из истории первого нашествия монголо-татар на Восточную Европу)»²⁴. В конце 1930-х гг. исследователь пишет монографию «Мстислав Удалой. Из истории Древнерусского государства накануне монголо-татарского завоевания», которая была опубликована только в 1998 г.²⁵ А.В. Эммаусский, прежде всего, пытается переложить основную ответственность за поражение с Мстислава Удатного на Мстислава Киевского²⁶. Что касается половцев, то А.В. Эммаусский отмечает неустойчивость половцев в бою, зная о котором Субэдэ и Джебе бросили резервы в бой именно против них, а «бегство половцев сразу же изменило всю картину боя»²⁷.

²¹ Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.). Л., 1940.

²² Там же. С. 229.

²³ Там же. С. 230.

²⁴ См.: Пузанов В.В. Послесловие // Эммаусский А.В. Мстислав Удалой. Из истории Древнерусского государства накануне монголо-татарского завоевания. Киров, 1998.

²⁵ Эммаусский А.В. Указ. соч.

²⁶ Там же. С. 98–102. Правда, не снимает полностью ответственности и со своего героя: «Битву проиграли не русские воины, а русские князья, которые в совокупности и несут ответственность перед историей за поражение на Калке». Меньше всех, однако, был виноват Мстислав Удатный (Там же. С. 105).

²⁷ Там же. С. 101–102. В другом месте пишет, что «половцы... только путали русских, мешали им сражаться...» (Там же. С. 105).

Однако главную роль в битве, по мнению исследователя, сыграла «татарская централизованная, единоначальная система военного строя», которая «победила русскую удельно-раздробленную... безначальную систему»²⁸.

Со второй пол. 50-х гг. и на последующие десятилетия в исторической науке появляется крупный исследователь кочевых народов, в особенности половцев — С.А. Плетнева. Отличительной особенностью ее работ стало широкое использование археологических материалов. Несмотря на большое внимание ее к различным аспектам жизни половцев, определить роль половцев в битве на Калке в ее трудах достаточно сложно. Интересно, что внимание С.А. Плетневой привлекает не хрестоматийная фигура Котяна, а хан Юрий Кончакович. Причем он выступает не в роли главы одного из объединений, а как возможный наследник «государства Кончакидов»²⁹, которое пало при первом столкновении с монголами.

Исследователи советского периода обращают большее внимание на события, произошедшие на Кавказе. А именно, предательство половцами аланов. Если в дореволюционной историографии говорится о хитрости монголов в разобщении союзных алан и половцев, то С.А. Плетнева разбирая случившееся, соглашается с оценкой В.Г. Тизенгаузена, характеризуя это как предательство³⁰, коих было два. Принятые половцами деньги, одежды и подарки, а также замечания о том, что аланы не одного рода с «вами» считаются исследователем первым предательством. За него кочевники поплатились сразу же, когда после разгрома аланов монголы обратили оружие против половцев. Летописная фраза «мы ныне иссечены быхом, а вы наутрее иссечени будете» воспринимается ни как угроза, ни как предупреждение. С.А. Плетнева считает, что она «свидетельствует о восприятии того урока который получили предкавказские орды, предавшие алан»³¹. Безусловно, такой половецкий урок не мог не повлиять на русских князей при принятии решений на мирные предложения монголов. Вторым же предательством половцев автор называет бегство поганых с поля боя, что на ее взгляд явилось одной из причин разгрома на Калке³².

Крупный исследователь кочевников Восточной Европы, Г.А. Федоров-Давыдов, рассматривая тот же эпизод с дипломатической уловкой монголов на Кавказе, также называет его предательством со стороны половцев, не

²⁸ Там же. С. 105.

²⁹ Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. М; Л., 1958. С. 196.

³⁰ Плетнева С.А. Половцы. М., 1990. С. 78.

³¹ Там же. С. 79.

³² Там же.

вкладывая при этом морального порицания³³. Историк приводит сведения, данные Ибн-ал-Асиром и Рашид ад-Дином, и называет их примером характерного поведения монголов и половцев³⁴. Данный эпизод он использует для аналогии с монгольским предложением русским перед битвой на Калке. Исследователь удовлетворен тем, что «между русскими и половцами монголы не сумели вбить клин»³⁵. Как и С.А. Плетнева, автор считает бегство с поля боя половцев одной из причин поражения русских, но оправдывает его «панической боязнью перед монголами»³⁶. Рассматривая в целом монгольские завоевания, Г.А. Федоров-Давыдов оценивает сопротивление половцев как способствовавшее «ослаблению силы удара монголов по странам Центральной Европы», пусть и «несравнимо меньшим, чем вклад русских или волжских болгар»³⁷.

В.В. Каргалов в работе «Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси» кратко перечисляет события на Калке, в основном ссылаясь на Лаврентьевскую летопись. Следуя за коллегами, ведет речь о нестойкости половецких войск, расстроивших боевые порядки русских дружин. Автор перечисляет это наряду с другими факторами поражения на Калке³⁸.

В.Т. Пашуто не сомневается в том, что предложение монголов русским было направлено на раскол их союза с половцами. В частности, автор считает, что монголы прямо угрожали причерноморским интересам Руси и князья это понимали³⁹. Отступление половецких союзников, внесшее расстройство в русские ряды не выделяется исследователем как причина поражения кампании. Разобщенность князей в организации похода привела к роковым последствиям: «Войско было организационно разобщено, каждый князь сражался сам по себе и в любой момент мог со своим полком покинуть поле боя»⁴⁰. По словам автора получается, что и действия половцев в связи с таким уровнем организации не критичны. Интересно, что В.Т. Пашуто обвиняет в поражении не Мстислава Удатного, а говорит о бездействии киевского князя Мстислава, который «задержал свои полки, так как

³³ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966. С. 233.

³⁴ Там же. С. 228.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 233.

³⁸ Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 40.

³⁹ Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 282.

⁴⁰ Там же. С. 283.

был в ссоре с Мстиславом»⁴¹. В целом историк не выделяет половцев как движущую силу в сражении.

П.П. Толочко в основном занимался вопросами истории Киевской земли в рассматриваемый период, а свои взгляды на битву на Калке он окончательно оформил в в монографии 1999 г. (российское издание вышло в 2003 г.) «Кочевые народы степей и Киевская Русь»⁴². В сфере интересов монголов, по его мнению, лежали конкретно кипчакские земли. Эти богатые земли монголы хотели сделать своими. П.П. Толочко приводит свидетельство автора сер. XIII в. ал Джузджани о том, что старший сын Чингисхана «увидев воздух и воду кипчакской степи, нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой...»⁴³. Предложение монголов русским князьям о мире исследователь считал уловкой: «решено было не соблазняться этим предложением, коварство которого было слишком очевидным»⁴⁴. Наряду с иными причинами поражения П.П. Толочко отмечает нестойкость половцев, которая имела губительные последствия.

Работы Л.Н. Гумилева, в том числе и взгляд на Калкскую битву, несколько резонирует с мнением вышеуказанных историков. В частности, исследователь считает, что половцы не пришли на выручку аланам потому, что монгольский рейд застал их врасплох. Поэтому говорить об оценке Л.Н. Гумилевым этого эпизода как предательства вряд ли возможно. Если предыдущие исследователи вскользь упоминают об объективной необходимости (или ее отсутствии) русских помочь половцам, Л.Н. Гумилев категорично заявляет, что «у Руси не было повода для войны против монголов»⁴⁵. Более того, он не видит оснований считать мирное предложение монголов дипломатическим трюком: «русские земли покрытые густым лесом, были монголам не нужны... Поэтому монголы искренне хотели мира с русскими, но после предательского убийства и неспровоцированного нападения мир стал невозможен»⁴⁶. Интересно, что экспрессивное отношение Л.Н. Гумилева к убийству монгольских послов, совпадает с таковым у Н.М. Карамзина. Автор считает это подлым преступлением и предательством доверившегося. Что касается вопроса нестойкости половцев, то здесь Л.Н. Гумилевым согласен с большинством исследователей.

⁴¹ Пауцто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956. С. 130.

⁴² Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003.

⁴³ Там же. С. 133.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С. 275.

⁴⁶ Там же. С. 276.

Определяя роль половцев в битве на Калке, исследователи XVIII–XX вв. так или иначе отвечают на два основных вопроса: как сложился русско-половецкий союз против монголов? Как повлияли половцы на исход битвы?

И дореволюционные, и советские историки рассматривают половцев как инициаторов русско-половецкого союза. Дореволюционные авторы, зачастую, персонифицируют этот эпизод, связывая его с действиями хана Котьяна и Мстислава Галицкого. Русские не без колебаний соглашаются оказать помощь старым врагам в борьбе с новым. Большинство авторов объясняет это страхом князей усиления монголов за счет завоевания половцев. Князья, по их мнению, стараются предупредить появление на своих границах нового более сильного врага. Также проводится мысль о давних связях русских с половцами, родственных отношениях, совместных походах, особенно Мстислава Галицкого, авторитет которого и является решающим на съезде князей. Можно встретить экспрессивную оценку, что половцы виновники «сей войны», «сега несчастья».

Советские же историки избегают конкретных ответов на вопрос о согласии русских на союз с половцами. При его рассмотрении проводится аналогия с монгольским трюком в разрыве половецко-аланского союза и вытекающими из него последствиями. Этим эпизодом исследователи оправдывают решение русских воевать с половцами и одновременно подводят к последующим действиям половцев на поле боя.

Бегущие половцы с поля боя, смявшие русские войска, а по некоторым свидетельствам еще и добивающие спасающихся русских воинов, рассматриваются большинством исследователей обоих периодов как один из факторов поражения в битве на Калке. Однако, дореволюционные исследователи несколько преуменьшают зло половецкое, не ввиду положительного отношения к ним, а в силу того, что считают их незначительной силой. Значимость половецкого предательства умалается, поскольку от них и не ожидается проявления чести и стойкости. Но можно встретить работы, где именно нестойкость половцев определяет поражение союзников. В основном же, дореволюционные исследователи основную причину неудач в битве на Калке видят в несогласованности князей, их ссорах и амбициях отдельных лиц. Тогда как советские историки все представленные причины представляют в совокупности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
2. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.

3. *Беляев И.* О северном берегу Черного моря и прилежащих к нему степях до водворения в этом крае монголов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 3. Одесса, 1853.
4. *Голубовский П.В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорус. степей IX–XIII вв. Киев, 1884.
5. *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891.
6. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.
7. *Затыркевич М.Д.* О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя Русского государства в домонгольский период. М., 1874.
8. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 3. СПб., 1892.
9. *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М, 1967.
10. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2011.
11. *Ляскоронский В.Г.* Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход кн. Витовта на татар в 1399 году. СПб., 1907.
12. *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.). Л., 1940
13. *Пауто В.Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956.
14. *Пауто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
15. *Плетнева С.А.* Половцы. М.: Наука, 1990.
16. *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. М.;Л., 1958.
17. *Погодин М.П.* Начертание русской истории: для гимназий. М., 1837.
18. *Пузанов В.В.* Послесловие // *Эммаусский А.В.* Мстислав Удалой. Из истории Древнерусского государства накануне монголо-татарского завоевания. Киров, 1998.
19. *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1988.
20. *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1988.
21. *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Ч. 2. М., 1774.
22. *Толочко П.П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003.
23. *Устрялов Н.Г.* Начертание русской истории, для средних учебных заведений. СПб., 1842.
24. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М, 1966.
25. *Эммаусский А.В.* Мстислав Удалой. Из истории Древнерусского государства накануне монголо-татарского завоевания. Киров, 1998.

A.N. Salamatova (Zaripova)

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

THE ROLE OF THE POLOVTSY IN THE BATTLE OF KALKA IN RUSSIAN
HISTORIOGRAPHY (XVIII–XX)

The battle of Kalka was a significant event predetermined not only the location of the Polovtsy in the usual Desht-I-Kipchak, but also their continued existence in principle. However, in the national historiography attention is focused on the confrontation between the Mongols and the Russians, and little attention is paid to Polovtsy. This article will determine the role of the Polovtsy in the battle of Kalka in the view of Russian historians. The stated problem is solved through two main questions: how did the Russian-Polovtsian alliance against the Mongols develop? How did the Polovtsy influence the outcome of the battle? The article deals with Russian historiography starting from the XVIII century and ending in 1991, which is divided into two periods: pre-revolutionary and Soviet.

Keywords: battle of the Kalka river, the Russian-Polovtsy union, Cumans, Mongols, Mstislav Mstislavich, national historiography.

Ю.Е. Вершинина
г. Нижний Новгород (Россия)
Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского

**PARENTES, PROPINQUI, COGNATI:
РОДСТВЕННИКИ И ГРУППЫ РОДСТВЕННИКОВ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО
(ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
ПЕРЕДАЧИ ОТНОШЕНИЙ РОДСТВА)**

Выявляются семантические особенности латинских терминов, использовавшихся одним из виднейших историков раннего Средневековья Григорием Турским для передачи понятия родственник/и в его работах различных жанров (исторических нарративах, агиографии, *miracula*). Устанавливаются взгляды турского епископа на родственные отношения и роль коллектива в жизни человека, определяются особенности их функционирования в различных социальных контекстах, уточняется ряд «хрестоматийных» характеристик, связанных с отношениями родства в рассматриваемый период.

Ключевые слова: родство, родственники, Григорий Турский, исторический нарратив, агиография, *miracula*, раннее Средневековье.

В произведениях Григория Турского встречаются три термина, обозначающие родство между людьми без указания на его точную степень: *parens*, *cognatus(a)*, *propinquus(a)*.

Значение *родственник* термин *parens* приобретает только в средневековой латыни¹. В «Истории франков» оно является для этого слова основным — 44 случая из 69 (64 % всех случаев употребления). В житиях святых и книгах о чудесах, напротив, преобладает употребление *parentes* в значении *родители*: только в 5 случаях из 48 (10 % от всех случаев использования) мы можем быть уверены, что речь идет именно о *родственниках*.

Термин *parens* в значении *родственник* у Григория Турского указывает на неопределенную по широте группу людей («*parentum caterva*»), куда

¹ См.: *Parens* // *Niermeyer J.F. Mediaelatinitatis lexicon minus*. Leiden, 1976. P. 763; *Parens II* // *Oxford Latin Dictionary*. Oxford, 1968. P. 1295–1296.

входили как мужчины, так и женщины, связанные между собой по крови или через брачные союзы в нескольких поколениях. Чаще всего установить точную степень родства между ними невозможно. При употреблении термина не учитывается латеральность. Только в одном случае оговаривается с какой стороны (матери или отца) данный человек является *родственником*². На существование определенной градации среди *parentes* указывают эпитеты, характеризующие это слово: *propinquus*³, *proximus*⁴, *primus*⁵. Однако какие степени родства воспринимались в качестве *близких*, точно установить из текстов не представляется возможным. Исключением является рассказ о том, как король Гунтрамн становится *крестным отцом* своему племяннику, где последний называется *propinquus parens*⁶.

Для указания на *родственников* Григорий Турский также прибегал к термину *propinquus/a*⁷. В своих произведениях он использует этот термин 59 раз, при этом только в 15 случаях речь идет о *родственниках*⁸. В остальных слово сохраняет значение *близкий, близлежащий, соседний*⁹. Преимущественное использование *propinquus* для передачи географической близости, позволяет предположить, что, при обозначении им *родственников*, он указывал не только на наличие родственных уз между действующими лицами, но и на их проживание поблизости друг от друга. В «Истории франков» данный термин в основном используется Григорием Турским в единственном числе (в 6 случаях из 9), а в сочинениях, посвященных святым, — во множественном (в 5 из 6 случаев). Судя по случаям употребления терми-

² Oxford Latin Dictionary. P. 372.

³ См.: *Gregorii Episcopi Turonensis Historiarum Libri X* (Далее — *Hist.*). P. 92, 521.

⁴ См.: *Hist.* P. 349, 495; *Gregorii Episcopi Turonensis Liber Vitae Patrum* (Далее — *VP*) // *Monumenta Germaniae Historica Scriptores rerum Merovingicarum* (Далее — *MGH SS rer. Merov.*). V. 1.2. Hannoverae, 1885.

⁵ См.: *Hist.* P. 93.

⁶ *Ibid.* P. 521.

⁷ *Propinquus* // Oxford Latin Dictionary. P. 1493. В словарях Нирмейера и Дюканжа термин не встречается, но в последнем есть однокоренное слово *propinquieritas* со значением *родня* (см.: *Propinquieritas* // Du Cange D. *Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis*. T. 4. Niort, 1886. P. 533).

⁸ *Hist.* P. 70, 74, 93, 201–202, 307, 387, 529, 531; *Gregorii Episcopi Turonensis Liber in Gloria Martyrum* (Далее — *GM*) // *MGH SS rer. Merov.* V.1.2. P. 60, 84, 97; *Gregorii Episcopi Turonensis Liber de Virtutibus Sancti Iuliani* (Далее — *VJ*) // *MGH SS rer. Merov.* V.1.2. P. 114, 118; *Gregorii Episcopi Turonensis Liber in Gloria Confessorum* (Далее — *GC*) // *MGH SS rer. Merov.* V. 1.2. P. 328.

⁹ *Propinquus* // Oxford Latin Dictionary. P. 1493.

на нашим автором, можно предположить, что слово *propinquus*, в основном, указывало на родство по крови.

Также в значении *родственник* в трудах Григория Турского встречается термин *cognatus/a*¹⁰. Этот термин используется им всего пять раз, из них только три в значении *родственник*¹¹. Хотя точную степень родства, обозначенную Григорием Турским как *cognatus* установить невозможно, скорее всего, этим термином обозначались родственники по свойству. Во всех трудах турского епископа в значении *родственник* он встречается только в единственном числе.

Анализ функционирования терминов *parentes*, *propinqui* и *cognati* в сочинениях Григория Турского позволяет сделать несколько выводов. Мы можем заключить, что с его точки зрения *родственники* играли важную роль в жизни индивида. Анализ сочинений Григория позволяет говорить о том, что он выделяет несколько их групп вокруг Эго, образованных по разным основаниям, и называет их разными терминами. Наиболее часто, он упоминает *parentes*, к которым относились как мужчины, так и женщины, родственные Эго по крови и по свойству, без учета латеральности. Анализ, сообщений, в которых встречается термин, позволяет предположить, что в число *parentes* включались родственники в основном 1–3 степени родства¹². Термином *propinquus(a)* автор «Истории франков» обозначал, скорее всего, только кровных *родственников*, возможно проживающих в непосредственной близости от Эго. Словом *cognatus(a)* турский епископом передавал родство по свойству. Необходимо отметить, что термин *parentes* указывает именно на группу *родственников* (т.к. в большинстве случаев употребляется во множественном числе), а *propinqui* и *cognati* — на отдельных индивидов (поскольку в основном встречаются в единственном числе). По всей

¹⁰ Cognatus II // Oxford Latin Dictionary. P. 345; Cognata // Niermeyer J.F. Op. cit. P. 196; Cognatus // Niermeyer J.F. Op. cit. P. 196; Cognatus // Du Cange D. Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis. T. 2. Niort, 1883. P. 392.

¹¹ Hist. P. 167, 315; Gregorii Episcopi Turonensis De Virtutibus Sancti Martini (Далее — *VM*) // MGH SS rer. Merov. V. 1.2. P. 152. И. Реаль указывает, что существительное *cognatio* также крайне редко использовалось в литературных произведениях разных жанров, созданных на территории Франкского королевства в период раннего Средневековья (см.: Réal I. Vies de saints, vie de famille: Representation et système de la parenté dans le royaume mérovingien (481–751) d'après les sources hagiographiques. Turnhout, 2001. P. 99).

¹² По мнению Л. Ланкастер у англосаксов под родственниками вообще могли пониматься только члены основной семьи (nuclear family) (см.: Lancaster L. Kinship in Anglo-Saxon Society. Part 1 // The British Journal of Sociology. 1958. Vol. 9. № 3. P. 236).

видимости, *родственники* не присутствовали постоянно в жизни Эго, но появлялись в те моменты, когда члены его нуклеарной семьи не могли выполнить те или иные функции. При этом они чаще всего выступают как коллективный актер, вне зависимости от основания (по крови или по свойству) или стороны (матери или отца) родства. В целом группа родственников в сочинениях Григория Турского действует как единый организм, а родство в его восприятии имеет когнатический характер.

Говоря об особенностях изображения *родственников* в нарративах различной жанровой принадлежности, можно отметить, что жития и повествования о чудесах не содержат описаний конфликтов или девиаций в отношениях между *родичами*¹³. Скорее, в них представлено описание нормальных/эталонных с точки зрения турского епископа отношений между близкими. В «Истории франков» перед нами предстает куда менее благостная картина родственных отношений в обществе, где король-христианин после совершения убийства *родственника* отрицает свою вину, лицемерно заявляя, что: «...во всем этом я совершенно не виновен. Ведь я не могу проливать кровь моих родственников, поскольку делать это грешно...»¹⁴. Интересно отметить, что одной из важнейших функций родственного коллектива в «Истории франков» с точки зрения епископа является кровная месть. При этом, хотя *родственники* в его изображении часто выступают в качестве исполнителей божественной воли, подобные сюжеты отсутствуют в житиях святых и рассказах о чудесах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорий Турский. История франков. М., 1987.
2. *Gregorii Episcopi Turonensis. De Virtutibus Sancti Martini* // Monumenta Germaniae Historica Scriptores rerum Merovingicarum (Далее — MGH SS rer. Merov). V. 1.2. Hannoverae, 1885.
3. *Gregorii Episcopi Turonensis. Liber de Virtutibus Sancti Iuliani* // MGH SS rer. Merov. V. 1.2. Hannoverae, 1885.
4. *Gregorii Episcopi Turonensis. Liber in Gloria Confessorum* // MGH SS rer. Merov. V. 1.2. Hannoverae, 1885.

¹³ Некогого Антония «*iniquum in Deo et omnium hominum odibilem, eo quod multa perpetraret scelera*» (GM. P. 97) родственники, согласно его воле, хоронят в церкви святого Викентия, не задумываясь о том, что он не достоин подобной чести: «*propinqui illius non intellegentes virtutem Dei neque sentientes sancti iniuriam, in cuius templo indignum temere sepeulierant*» (GM. P. 97).

¹⁴ Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 57–58.

5. *Gregorii Episcopi Turonensis*. Liber in Gloria Martyrum // MGH SS rer. Merov. V. 1.2. Hannoverae, 1885.
6. *Gregorii Episcopi Turonensis*. Liber Vitae Patrum // MGH SS rer. Merov. V. 1.2. Hannoverae, 1885.
7. *Gregorii Episcopi Turonensis*. Historiarum Libri X // MGH SS rer. Merov. V. 1.1. Hannoverae, 1951.
8. *Du Cange D.* Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis. T. 2. Niort, 1883.
9. *Du Cange D.* Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis. T. 4. Niort, 1886.
10. *Lancaster L.* Kinship in Anglo–Saxon Society. Part 1 // The British Journal of Sociology. 1958. Vol. 9. № 3.
11. *Niermeyer J.F.* Mediaelatinities lexicon minus. Leiden, 1976.
12. Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968.
13. *Réal I.* Vies de saints, vie de famille: Representation et système de la parenté dans le royaume mérovingien (481–751) d’après les sources hagiographiques. Turnhout, 2001.

Yu.E. Vershinina

Nizhny Novgorod (Russia)

N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

PARENTES, PROPINQUI, COGNATI:

RELATIVES AND THEIR GROUPS IN THE WORKS OF GREGORY OF TOURS
(TERMINOLOGICAL AND SEMANTIC PERSPECTIVES OF KIN
RELATIONSHIPS REPRODUCTION)

The author determines the semantic features of Latin terms used by one of the most prominent historians of the early Middle Ages, Gregory of Tours, to convey the concept of a relative(s) in his works of various genres (historical narratives, hagiography, miracula). Bishop of Tours’ views on kin relationships and the place of kin group in person’s life are ascertained. The peculiarities of their functioning in various social contexts are revealed. A number of “textbook” characteristics related to the kinship relations in the period under consideration are specified.

Keywords: kinship, relatives, Gregory of Tours, historical narrative, hagiography, miracula, early Middle Ages.

Ю.Д. Маева
г. Екатеринбург (Россия)
Уральский федеральный ун-т
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

ОБРАЗ ИМПЕРАТОРА ЮСТИНИАНА I ВЕЛИКОГО В ВОСПРИЯТИИ ВИЗАНТИЙЦЕВ

Статья посвящена рассмотрению специфики конструирования, бытования и трансформаций образа императора Юстиниана Великого в коллективной памяти византийцев. В работе проанализированы причины неоднозначности характеристик, формирующих представление о фигуре василевса.

Ключевые слова: Византия, Константинополь, Юстиниан I Великий, коллективная память, историческая память.

Коллективная память людей хранит образы деятелей, сыгравших исключительную роль в формировании общественной идентичности. В роли подобных фигур обычно выступают политические, военные, религиозные деятели государства, чьи образы в обыденном сознании часто наполняются различными, порой противоречивыми характеристиками.

В настоящей статье, опираясь на данные, содержащиеся в сборнике историко-топографических трактатов «*Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως*»¹, мы рассмотрим особенности конструирования и бытования в сознании византийцев образа императора Юстиниана I Великого.

Образ императора Юстиниана не был однозначен уже в литературной традиции VI в. Если при жизни василевса ему было посвящено множество панегириков, то буквально спустя несколько лет после его смерти стали появляться памфлеты. Важно отметить, что и восхваление, и инвектива могли принадлежать перу одного автора. Ярким подтверждением этого служат труды Прокопия Кесарийского «О Постройках» и «Тайная история», которые «часто оценивают одни и те же действия императора с диаметрально противоположных точек зрения»². Данные сочинения, написанные при-

¹ Accounts of Medieval Constantinople: The Patria. L., 2013.

² *Pazdernic Ch. Justinianic Ideology and the power of the past // Age of Justinian. Cambridge, 2006. P. 204.*

дворным, скорее являются отражением личных симпатий и антипатий автора, чем представлением общественного отношения к правителю в целом. Однако они позволяют продемонстрировать конфликтность образа василевса, заложенную в литературной традиции еще в VI в.

Обращаясь к анализу фигуры Юстиниана I в коллективной памяти, отметим, что одной из черт образа императора в городском фольклоре является подчеркивание его отрицательных характеристик. В подтверждение данному тезису можно привести легенду, сообщающую о вероломстве Юстиниана I по отношению к своему военачальнику Велизарии. Вариант, содержащийся во второй части «Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως», датированной примерно VIII в., сообщает, что василевс, позавидовав военной славе своего военачальника, приказал его ослепить и отправить в ссылку, дав ему лишь глиняную миску, в которую прохожие бросали монеты³. Данная история не подтверждается документально, однако в конце своей жизни Велизарий действительно подвергся опале и был лишен многих своих имений. Эта легенда, не имеющая реальных исторических оснований, была призвана очернить имя Юстиниана, подчеркнув его пороки. Для контраста можно привести исторический факт, имевший место в период правления другого императора: убийство Константином Великим своего сына Криспа, которое в той же «Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως» представлялось как случайная ошибка, совершенная императором из-за навета супруги. Таким образом, коллективная память, проявив избирательность, одного императора (Константина I), «прощает» и очищает от действительного преступления, а другого (Юстиниана I), порицает за «придуманный» грех.

Еще одна легенда, выставляющая Юстиниана в нелицеприятном свете, связана с его соперничеством с августой Феодорой. По сообщению «Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως», императрица, завершив строительство церкви Святых Апостолов и готовясь к ее освящению, пожелала в честь этого события купить канделябры и бронзовые цепи. Император Юстиниан, услышав об этом, испугался, что императрица может опередить его и освятить «свою» церковь раньше Софийского храма. Поэтому он отдал приказ о запретековки цепей. Но императрица, «благодаря вере и труду, сплела веревку из шелка, повесила серебряный канделябр и осватила церковь раньше Святой Софии»⁴. Таким образом, само божественное провидение оказывается против императора и на стороне его жены. В действительности, инициатива перестройки церкви Святых Апостолов из базилики в храм принадлежала императору. Об этом упоминается в ис-

³ Accounts of Medieval Constantinople: The Patria. P. 61.

⁴ Ibid. P. 279.

точнике в начале рассказа о церкви, однако затем роль императора в этом процессе сводится на нет.

Юстиниан Великий, как многие римские и византийские императоры, пытался сформировать в обыденном сознании современников и в исторической памяти потомков собственный положительный образ, используя для этого и визуальные средства. Однако, как отмечают некоторые исследователи, «Юстиниан был спорной и противоречивой фигурой, чьи методы самопрезентации одновременно и привлекали, и отталкивали современников»⁵. Иллюстрацией данного утверждения может быть трактовка жителями столицы триумфальной колонны, помещенной императором в одной из важнейших топографических точек Константинополя — на площади Августейон. Вершину памятника венчало изображение самого василевса в образе всадника. Описание статуи содержится в трудах Прокопия Кесарийского: «его статуя одета в одеяние Ахиллес. На нем панцирь, как в героические времена. У него нет ни меча, ни копья, никакого другого оружия; только крест у него поставлен над шаром в знак того, что им одним он получил власть над империей и победу над врагами»⁶. Изображение императора Юстиниана в образе триумфатора, облаченного в «одежды Ахиллеса», демонстрировало связь Византии с античным прошлым. Однако акцент на христианской атрибутике способствовал созданию образа императора как защитника веры.

Но если изначальный символический посыл памятника был довольно прозрачен, то характеристики, которыми ее наделили в последующем, не так однозначны — в городских легендах колонна обрела статус места, связанного с коварством Юстиниана I.

Об этом, например, свидетельствует легенда, повествующая о судьбе некоего Игнатия, который в «Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως» неоднократно называется главным строителем храма Святой Софии. Согласно преданию, Юстиниан, позавидовав Игнатию, приказал зодчему взобраться на вершину колонны. Когда архитектор оказался на узенькой площадке под гигантским копытом бронзового коня, лестницу убрали. Однако Игнатию удалось сбежать при помощи веревки, по одной версии, созданной им из собственной одежды, по другой, принесенной ему женой⁷. Известно, что настоящими архитекторами Великой церкви являлись Исидор из Милета и Анфимий из Тралл. Однако народная память «конструирует» образ Игнатия, пострадавшего от вероломства императора. Игнатий наделяется яркими

⁵ Pazdernic Ch. Op. cit. P. 185.

⁶ Прокопий Кесарийский. О постройках. М., 2008. С. 63.

⁷ Иванов С.А. В поисках Константинополя: путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. М., 2011. С. 144.

положительными характеристиками — это был «мудрый и опытный в строительстве церковей мужчина»⁸, которые ярко контрастируют с пороками, приписываемыми императору: завистью, гордыней, подлостью.

Важную роль в формировании подобного образа василевса могли сыграть личные качества императора: трусость, продемонстрированная им во время восстания «Ника», когда Юстиниан был готов бежать из империи; гордыня, проявление которой жители столицы могли усмотреть в установлении триумфальной колонны на Августейоне. Неудивительно, что освящение Софийского храма, расположенного напротив этой конной статуи, оказалось связано с легендой, повествующей о якобы произнесенной императором, стоящим перед Великой Церковью, фразе: «Я превзошел тебя, Соломон». В концепции императорской власти Византии ключевую роль играла идея богоизбранности, но смертности владыки, осознающего свое земное ничтожество⁹. Этот постулат был закреплен еще в IV в. в трудах Евсевия Кесарийского¹⁰. Кроме того, с Античности был унаследован образ императора-триумфатора, чья верховная власть неразрывно связана с победами. В правление Юстиниана под влиянием христианства этот образ начинает трансформироваться. На первый план вышел император — защитник веры. Однако унаследованный со времен Римской империи образ императора-воина по-прежнему сохранял свою актуальность¹¹, особенно в моменты внешнеполитической угрозы, которая присутствовала на протяжении всего существования Византийской империи. В последующие эпохи, когда василевсы возглавляли войско, выполняя свои полководческие обязанности и даже погибая во время столкновений, идеалами для них служили такие императоры-полководцы как Константин Великий и Феодосий Великий, но не Юстиниан I, не участвовавший ни в одном военном походе.

Еще одной причиной общественного недовольства императором могла являться его законодательная деятельность, направленная не только на пересмотр римского права, но и на расширение императорских прерогатив. В «Тайной истории» Прокопий Кесарийский, сравнивая Юстиниана с римским императором Домицианом, «злонравием которого римляне оказались сыты до такой степени, что, даже разорвав его на куски, не утолили своего гнева против него»¹², напрямую обвинял василевса в установлении

⁸ Accounts of Medieval Constantinople: The Patria. P. 241.

⁹ Культура Византии. IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 105.

¹⁰ *Евсевий Памфил*. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998. С. 23.

¹¹ Там же.

¹² *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 2001. С. 423.

тиранического порядка. Правовая политика императора, направленная на отождествление императора и закона, не могла не оскорблять чувств общества, для которого старое римское законодательство было напоминанием о республиканском устройстве. Положение усугублялось тем, что Юстиниан пытался снизить политическую активность партий ипподрома¹³. Таким образом, стремление императора с помощью закона навязать подданным новые идеологические представления угрожало разрушить живую связь византийцев с прошлым, демонстрировало властные амбиции василевса и вряд ли пользовалось широкой поддержкой среди населения¹⁴.

Однако одним из свойств коллективной памяти является ее изменчивость. С течением времени образ императора Юстиниана несколько трансформируется, наполнившись новыми характеристиками. Об этом может свидетельствовать то, что к X в. легенда о вероломстве, проявленном императором по отношению к строителю Святой Софии Игнатию, обрастает новыми фактами. В нее включается эпизод о возвращении Игнатия в Константинополь после трех лет пребывания в Адрианополе. В столице во время одной из процессий зодчий лично встретился с императором. Юстиниан, узнав Игнатия, попытался загладить вину и осыпал его дарами, позволив мастеру дожить свои дни в мире и почете. В новой версии легенды особый акцент делается на том, что Юстиниан не хотел смерти Игнатия. Вина за преступление перекладывается на его приближенных — Сенат, чьим уговорам василевс поддался в момент душевной слабости. Изменился главный антагонист этой истории: место императора «заняли» коварные сенаторы. Кроме того, в заключительной части «Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως», посвященной строительству храма Святой Софии и написанной не позднее X в., дается следующая характеристика Юстиниану I: «Юстиниан, который любил законность и ненавидел зло, был не расположен творить несправедливость кому-либо»¹⁵. Там же сообщаются легенды об явлении к нему ангелов, благословляющих на строительство Великой Церкви.

Параллельно с восхвалением добродетелей Юстиниана в той же заключительной главе изложена легенда об апсидах Великой Церкви, вновь иллюстрирующая двойственность образа императора. Юстиниан никак не мог определиться с количеством апсид храма Святой Софии и периодически менял свое решение. И, когда мастер Игнатий стоял в раздумьях, ангел Божий явился ему в образе Юстиниана, в императорской одежде и красных

¹³ Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб., 1997. С. 283.

¹⁴ Pazdernic Ch. Op. cit. P. 204–205.

¹⁵ Ibid. P. 235.

сапогах, и сказал: «Я хочу сделать три апсиды во имя Отца и Сына и Святаго Духа». После этого мастер отправился во дворец, упрекая императора суровыми словами: «Ты, император, сначала приказал мне сделать одну апсиду в пресвитерии, затем две, а когда я закончил работу, ты явился и сказал, что их должно быть три, как наша вера в Троицу». Тогда василевс, не покидавший в тот день дворца, ответил, что зодчему явился ангел. Император предстает непоследовательным и слабым человеком, которому обычный строитель не может обратиться, «упрекая суровыми словами». Но ангел принимает облик именно Юстиниана, что вновь подчеркивает Божественную милость по отношению к императору.

Таким образом, характеристики, наполняющие образ императора Юстиниана I, отличались не только неоднозначностью, но и противоречивостью. Имя василевса в обыденном сознании было связано с созданием храма Святой Софии, что породило множество легенд о богоизбранности императора. Однако его образ не был лишен и отрицательных качеств. Большой акцент делался на пороках императора, которые явно контрастировали с утверждениями о Божьем благословении. В городском фольклоре Юстиниан мог выступать и в первой, «благословленной», и во второй, «греховной», своей ипостаси одновременно. Кроме того, характеристики, формирующие образ императора, не были статичны и трансформировались с течением времени. Подобные изменения не снимали всех противоречий. Однако, несмотря на неоднозначность и связанную с этим сложность восприятия фигуры императора Юстиниана, его образ оставался одним из ключевых в коллективной памяти византийцев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Евсевий Памфил*. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998.
2. *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 2001.
3. *Прокопий Кесарийский*. О постройках. М., 2008.
4. *Accounts of Medieval Constantinople: The Patria*. L., 2013.
5. *Иванов С.А.* В поисках Константинополя: путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. М., 2011.
6. *Культура Византии. IV — первая половина VII в.* М., 1984.
7. *Чекалова А.А.* Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб., 1997.
8. *Pazdernic Ch.* Justinianic Ideology and the power of the past // *Age of Justinian*. Cambridge, 2006.

Y.D. Maeva

*Yekaterinburg (Russia)
Ural Federal University*

THE IMAGE OF EMPEROR JUSTINIAN THE GREAT
IN THE PERCEPTION OF BYZANTINES

The article is devoted to the analysis of the specifics of the construction, existence and transformation of the image of Emperor Justinian the Great in the collective memory of the Byzantines. Much attention is given to analysis of reasons for the ambiguous idea of the emperor.

Keywords: Byzantine Empire, Constantinople, Justinian the Great, collective memory, historical memory.

А.В. Удовик

г. Москва (Россия)

Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

КАТЕГОРИИ «ЗЛА» В ОБРАЗЕ ДРЕВНЕРУССКОГО КНЯЗЯ

В статье рассматривается система негативных категорий, сложившихся вокруг целостного образа древнерусского князя. В нее включаются как отрицательные внутренние характеристики, которыми наделялся князь, так и различные категории его поступков, от реализации которых в той или иной степени страдал либо сам князь, либо общество, окружавшее его, и народ, вверенный в его правление. В отличие от положительных аспектов образа князя, «зло» оказывается менее исследованным, однако имеет не меньшее значение для понимания целостного облика князя. Наряду с добродетелями, негативные аспекты выявляют восприятие роли князя в обществе, его социальные и духовные функции, предписания к поведению и ожидания от него.

Ключевые слова: княжеская власть, Древняя Русь, ментальность, Владимир Святой, образ князя.

«Зло» в образе древнерусского князя можно разделить на две основные категории — духовное и светское. К светскому относится все, что касается проявления статуса князя, его общественного облика и то, что мешает изначальному складыванию положительного облика. Духовное включает в себя большинство общественно порицаемых деяний, совершение которых может лишить душу спасения после смерти, духовные злодеяния — это проявление греха. Причем грехом может являться как сам активный акт намеренного преступления моральных границ, так и бездействие.

В источниках «Слово о законе и благодати» и «Память и похвала князю русскому Владимиру» в мире доброго и злого, складывающемся вокруг князя Владимира, христианскими книжниками проводится ярко очерченная граница, за которой абсолютным злом выступает «суета идольския лъсти»¹. И если в «Слове» Илариона осуждается само язычество, а Владимир до кре-

¹ Слово о законе и благодати // Библиотека литературы Древней Руси (Далее — БЛДР). Т. 1. СПб., 2000. С. 44.

щения показывается как «благородный от благородных», то «Память» имеет более резкий характер. В ней негативный след язычества накладывается на образ самого Владимира до крещения. Монах Иаков приводит слова, которые он приписывает самому Владимиру: «Акы звѣрь бяхъ, многа зла твоира въ поганствѣ и живяхъ акы скотина, но ты мя укроти и наказа своею благодатью»². Совокупность всех самых негативных качеств, которые мог проявить Владимир, Иаков соотносит с ним в прошлом, Владимир во язычестве — это другой человек, так как с принятием христианства система, по которой его оценивает монах Иаков, меняется: меняются основания на которых действует Владимир. Крещение Владимиром Руси и собственное принятие христианства оценивается древнерусскими книжниками как подвиг спасения от страшного зла всех душ, находящихся в его подданстве.

Проблемой духовного характера времени для князей-христиан выступают междоусобные конфликты. Во-первых, междоусобицы представляли собой нарушение заповеди о братской любви, а развязывающий усобицу князь мог быть сопоставим с ветхозаветным Каином или же Святополком Окаянным, ставшим олицетворением библейского образа. Сами по себе княжеские распри расценивались как прямое вмешательство Дьявола, светские мотивы борьбы за власть сопрягаются с искушениями, а преступление самого святого не является недопустимым путем к достижению цели. Сама по себе власть не является грехом, но она — тяжелая ноша правителя, которая могла свести к грешному пути. Другим аргументом, взывающим князей к миру и согласию, является упоминание благочестивых предков, на образы которых следует равняться — князя Владимира Святославича и братьев Бориса и Глеба. И если образы Бориса и Глеба напрямую отвечают модели поведения, которую книжник видит идеальной для князей в схожей ситуации конфликта, то ссылка на князя Владимира возводит к моральной ответственности перед предком, благодаря которому существует вся современная князьям нравственно-социальная система.

Во-вторых, провиденциализм средних веков напрямую связывал такое княжеское преступление против христианских заповедей, коими являлись междоусобные войны, с будущими катаклизмами и бедами, которые обрушатся на русские земли. Личное спасение души князя было первостепенно, от него же исходило и спасение всех вверенных ему душ. Репрезентация этой идеи проявлялась в том, каким образом выстраивает Владимир Мономах свой диалог с Олегом Святославичем. Здесь, параллельно с упоминанием дьявольского вмешательства и ссылки на великих князей-предков, держащих землю в мире, проходит линия беспокойства за дальнейшую судьбу

² Память и похвала князю русскому Владимиру // БЛДР. Т. 1. СПб., 2000. С. 322.

родины. «Но все дьяволе наученье! <...> Дьяволь бо не хочет добра роду человекскому, сваживает ны. Да се ти написах, зане принуди мя сынъ мой, его же еси хрстилъ, иже то съдѣть близъ тебе, прислалъ ко мнѣ мужъ свой и грамоту, река: “Ладимься и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ. А вѣ аму не будевѣместника, но възложивѣ на Бога, а стануть си предъ Богомъ; а Русьскы земли не погубим...”»³.

Междоусобицы приводили к еще большему греху — кровопролитию. Наставления о том, чтобы князь удерживался от убийств и казней проходят по всему памятнику «Поучения»: «*Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повинень смерти, а душа не погубляйте никакая же хрестьяны*»⁴. Дабы избежать зла, князь, по мнению Владимира, был повинен не только не совершать кровопролитий сам, но и не допускать, чтобы кто-либо, кто не может постоять за себя, пал жертвой более сильного. Злом могло являться не только активное действие, но и бездействие там, где можно было спасти христианскую душу. Смерть в междоусобной битве сына Владимира Изяслава послужила поводом написания послания Олегу, в котором ему вменяется грех опосредованного убийства: «Егда же убиша дѣтя мое и твое предъ тобою, и бяше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло уванувшу, яко цвѣту нову процветшу, якоже агньцо заколену, и рещи бяше, стояще над ним, вникнушивъ помыслы души своей: “Увы мнѣ! что створих?...”»⁵. Смерть сына, несомненно, является трагедией для Владимира, но, несмотря на это, Владимир не берется за меч, но предлагает компромиссный мир, предполагая, что именно так можно было бы избежать дальнейшего кровопролития, которое бы стало причиной еще больших бед на русской земле. В данном отрывке также заметна провиденциальная направленность мысли Владимира — мир вокруг него, хороший или плохой, складывается по воле Бога, в силах князя лишь не держать зла на то, на что он не в состоянии повлиять.

Феодальные конфликты представляли собой и общее культурно-политическое поле эпохи, задавая все области древнерусской жизни. Они в представлении древнерусских книжников носили характер духовного кризиса власти. Так, обращаясь к князьям для их примирения, автор «Слова о князьях» взывает к идее того, что им все еще доступно спасение души, для этого им нужно лишь прекратить вражду. Он приводит в пример князя Давида Святославича: «Давидъ Святославичъ а Святославъ Ярославичъ святаго Бориса и Глѣба братъ, тотъ Давидъ ни с кѣмъ не имѣаше вражды. Аще кто на нь рать въздвигнетъ, он же покорениемъ своимъ рать уставля-

³ Поучение Владимира Мономаха // БЛДР. Т. 1. С. 472.

⁴ Там же. С. 462.

⁵ Там же. С. 472.

ше, княжаше в Черниговѣ въ большемъ княженъи, понеже бо стари братьи своеи. Аще кто кривду створяше к нему от братьи, он же все на собѣ притираше. Кому ли крѣсть цѣловаше, въ весь животь свои не ступаше. Аще кто къ нему не исправляше цѣлованиа, он же одинако исправляше, никого приобидѣ ни зла створи. Братья же его видяще тако суща, вси слушахуть его, яко отца, и покоряются ему, яко господину»⁶. Далее следует сюжет о чудесах, происходивших на похоронах Давыда, и заключение о том, какую славу он получил на небесах будучи настолько благоверным. Чтобы показать компромиссный путь достижения Божьей милости, автор продолжает наставление: «Речеть ли кто, яко жены нѣ имѣ, но и дѣти имѣаше. Преподобный Никола Святоша его сынъ бѣ и ина два сына. Или речеть кто, яко дому не имѣ, того ради заповѣдъ Господню исправить возможе? Многажды бо слышахъ нѣкыя невѣгласы глаголюща: “Съ женою и съ чяды своими не можемъ спастися”. Се бо князь не единьдомъ имѣаше но многи, князь всеи земли Черниговьской. Завовѣдъ Владычню исправи в семь животѣ своемъ, ни с кѣмъ вражды имѣ»⁷. Автор показывает, что спасение души возможно при соблюдении единственной заповеди — не иметь вражды с братьями. Такое выведение личных пороков князя в поле публичных политических действий и последующее наставление о спасении души самым общественно полезным способом создавало своеобразную духовно-политическую парадигму взаимоотношений. В этой парадигме действия, не говорящие ничего о личности князя, являющиеся публичными жестами, воспринимались с глубокой религиозной подоплекой, которая была способом обратного влияния на внутреннюю политику.

Нарушение клятвы крестоцелования являлось еще одним серьезным грехом, будучи преступлением против собственной души. Вплетение таких «юридических» договоренностей в поле религиозной оценки означало, что душа человека, изначально принадлежащая Господу, была отвернута от него в направлении обмана. Нарушение крестоцелования становится и одной из причин отказа Мономаха от участия в междоусобном конфликте. В самом начале своего «Поучения» он приводит диалог, состоявшийся между ним и послами от его братьев, собиравшихся в поход против Ростиславичей: «Усрѣтоша бо мя слы от братья моя на Волзѣ, рѣша: “Потѣсняся к нам, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимем; оже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будем, а ты собѣ”. И рѣхъ: “Аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити”»⁸. Зло могло быть и по наущению, в этом можно увидеть истинно христианские мотивы — в любой ситуации

⁶ Там же. С. 226–228.

⁷ Там же. С. 228.

⁸ Там же. С. 456.

у человека остается право выбора, а Бог будет судить его именно за совершенный выбор.

В другом наставлении ложь стоит в одном ряду с пьянством и блудом: «Лжѣ блюдися и пьянства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тѣло»⁹. Эти три злодеяния, упомянутые вкупе, будучи согрешениями, по-разному влияющими на духовное и телесное состояние человека, можно все-таки объединить в то, что искажает восприятие человеком действительности. Предупреждения держаться дальше от греха блуда и пьянства имеют под собой опасность ухода человека от реальности, погружение в зависимости, которые не позволят душе быть свободной. Хотя ни один из этих грехов не мешал бы князю быть светским правителем, вряд ли такие же моральные наставления могли быть направлены в сторону князя язычника.

В светской сфере «хороший» и «плохой» образ князя составляют его конкретные действия. Владимир предостерегает от несения несправедливого суда, кровопролития, даже опосредованного, ведь все во власти князя, а значит, доверив кому-то пролить кровь казнью или казнив самостоятельно, князь вредит как своей душе, так и публичному образу справедливого и милостивого правителя.

«Прегрешением», которое вредит именно имиджу князя, выступает лень. Не относя ее к проявлению духовного зла, Владимир довольно часто упоминает ее как то, чего следует остерегаться, а ряд ситуаций, в которых он выдвигает предостережение от лени, объединяет то, каким князь предстанет при исполнении своих светских обязанностей. Лень ставится тем, чего следует избегать в военных походах¹⁰, она выступает как проявление слабости и невнимательности, отсутствие контроля над ситуацией, то есть воплощением того, что мешает князю быть хорошим воеводой, она наносит ущерб восприятию обществом князя в роли защитника своей земли. Она же может послужить и причиной позорной смерти князя по неосторожности. Лень упоминается и в контексте личных навыков князя: «Егоже умѣючи, того не забывайте доброго, а егоже не умѣючи, а тому ся учите, яко же бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть от инѣхъземль. Лѣньность бо всему маги: еже умѣть, то забудеть, а егоже не умѣть, а тому ся не учить»¹¹. Знание языков не упоминается ни в каком ином контексте, образованность князя представляет собой исключительно деталь статусного конструкта. Это — общественно уважаемые качества, которые позволяют князю иметь добрую славу не только в своих землях, где его образ может быть положительным и без таких светских характеристик. Другой областью, по

⁹ Там же. С. 462.

¹⁰ Там же. С. 462.

¹¹ Там же. С. 464.

отношению к которой Владимир употребляет понятие лености, становится сам образ доброго государя, покровителя церкви: «Добрѣ же творяще, не мозитеся лѣннити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели...»¹². Недостаточное покровительство не является злом, но плохие отношения с церковью говорили о потере князем божьего заступничества, становились определением того, что князь недостойн своей сакральной роли наместника божьего на земле.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 2000.
2. Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 2000.
3. Слово о Законе и благодати // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 2000.
4. Слово о князьях // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 2000.

A.V. Udovik

Moscow (Russia)

Lomonosov Moscow State University

CATEGORIGIES OF EVIL IN IMAGE OF PRINCE OF PRE-MONGOL RUS'

This article discusses the system of negative categories that formed around the holistic image of the price of pre-mongol Rus'. It includes both the negative internal characteristics with which the prince was endowed, and the various categories of his actions, from the realization of which either the prince himself, or the society surrounding him and the people entrusted to his rule, suffered to some extent. In contrast to the positive aspects of the image of the price, "evil" is less studied, but is no less important for understanding of his holistic image. Along with the virtues, the negative aspects reveal the perception of the prince's role in society, his social and spiritual functions, the requirements for his behavior.

Keywords: princely power, Kievan Rus', mentality, Vladimir the Great, image of prince.

¹² Там же. С. 464.

Р.А. Соловьева
Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

**«БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ ПУЩЕ КАМЕННЫХ СТЕН»:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ
В ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ
НА ПРИМЕРЕ БРАТЬЕВ ЯРОСЛАВИЧЕЙ**

В статье анализируются сведения летописей и житийной литературы о событиях 1054–1093 гг., относящихся к периоду правления братьев Ярославичей. Рассматривается характер отношений между князьями, мотивы их совместных акций, причины конфликтов между представителями княжеского рода, а также отношение книжников к описываемым событиям. Именно оценка книжника позволяет реконструировать представления о родственных отношениях в древнерусском обществе: насколько та или иная модель поведения между братьями или дядей и племянником пользовалась одобрением или, наоборот, осуждалась.

Ключевые слова: Древняя Русь, межкняжеские отношения, Ярослав Мудрый, Ярославичи, триумвират, Повесть временных лет.

Под 6562 (1054) г. Повесть временных лет сообщает нам о кончине великого русского князя Ярослава Владимировича, а также о том, что еще при жизни поручил Киев своему старшему сыну Изяславу, Чернигов — Святославу, Переяславль — Всеволоду, Владимир-Волынский — Игорю, Смоленск — Вячеславу. Книжник вкладывает в уста умирающего князя родительское наставление, которое призывало братьев жить в любви и согласии, сохраняя и оберегая землю отца и деда. Согласно этому завету, Изяслав становился братьям вместо отца и должен был защищать тех, кто слабее. Летопись также сообщает об особой любви Ярослава к Всеволоду, который был подле умирающего отца: «Всеволоду же тогда сущю у вѣдѣ. бѣ бо любимъ вщѣмъ паче всеє брати. є же имаше присно оу себе»¹.

¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 161–162.

Последующие события получили широкое освещение в работах исследователей. Изучением характера и результатов деятельности «триумвирата» Ярославичей — союза Изяслава, Святослава и Всеволода — занимались А.Е. Пресняков², Б.Д. Греков³, А.П. Толочко⁴, И.Я. Фроянов⁵, В.В. Пузанов⁶ и др. Авторы рассматривали взаимоотношения этих князей между собой и с другими представителями династии Рюриковичей, прежде всего, в контексте политической борьбы. Целью же данной работы является рассмотрение родственных отношений как социокультурных конструктов.

Известия летописей (Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской первой) доносят до читателя скудную информацию о младших Ярославичах — Игоре и Вячеславе. Под 1057 г. помещено сообщение о кончине сидевшего в Смоленске Вячеслава и о переводе Игоря из Владимира-Волынского на его место⁷. Волянь таким образом перешла в подчинение Киеву. Спустя два года старшие Ярославичи предпринимают первую совместную акцию — освобождают из поруба своего дядю Судислава⁸.

Спустя еще год погиб и сам Игорь, Смоленск оказался поделен между членами триумвирата. В том же 1060 г. братья Ярославичи совместно с полоцким князем Всеславом предприняли победный поход на торков⁹. Летописные сведения о первых годах деятельности этого союза находятся в определенном соответствии с завещанием Ярослава: дети его живут меж собой в мире и преуспевают в совместных предприятиях. Но их пренебрежение к сыновьям покойных братьев начинает разрушать устойчивость этой системы. Дети Владимира Ярославича, Игоря и Вячеслава оказались изгоями и активно боролись с дядьями.

Трагические события 1067–1068 гг. подготовили разрыв и самого триумвирата Ярославичей. Угроза в лице Всеслава Полоцкого, а затем и половцев вновь была встречена братьями в союзе, но встречена не так успешно.

² Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.

³ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953.

⁴ Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992.

⁵ Фроянов И.Я. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Л. 1980.

⁶ Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 162.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Стб. 162–163.

Вместе Ярославичи преступают крестное целование, вместе терпят страшное поражение от половцев на р. Альте...

Побежденные князья бежали: Изяслав с Всеволодом в Киев, Святослав — в Чернигов, но дома их ожидало новое испытание. Киевская община требовала у князя оружие и коней, чтобы отомстить половцам, а когда он не внял этим требованиям, освободила из поруба Всеслава. Изяслав же бежал в Польшу за помощью к своему зятю. Святослав и Всеволод занимают в этом конфликте пассивную позицию и не пытаются выгнать Всеслава из Киева, а когда Изяслав возвращается с польским войском, выступают в качестве посредников между киевской общиной и разъяренным князем.

Но полностью избежать расправы киевлянам не удалось. Не удалось, по-видимому, и полностью восстановить отношения между преемниками Ярослава, несмотря на то, что в 1072 г. Изяслав, Святослав и Всеволод принимают новую совместную акцию — перенесение мощей Бориса и Глеба. В следующем году вспыхивает распря между Изяславом и Святославом. Амбициозный Святослав обвиняет старшего брата в сговоре с Всеславом и убеждает Всеволода изгнать Изяслава из Киева, получая от летописца обвинение в преступлении заповеди¹⁰.

«Житие Феодосия Печерского» также дает негативную оценку действиям Святослава. «Начался раздор — по наущению лукавого врага — среди трех князей, братьев по крови: двое из них пошли войной на третьего, старшего своего брата, христороубца и поистине боголюбца Изяслава»¹¹. Заняв Киев, Святослав и Всеволод позвали к обеду преподобного Феодосия, но игумен Печерский стал укорять Святослава за изгнание старшего брата, бывшего вместо отца, дни и ночи молился за Изяслава и не велел поминать Святослава в своем монастыре.

Изяслав, предстающий в изображении древнерусского книжника страдальцем и христороубцем, в это время ищет поддержки у поляков, германцев и даже папы, но Святослав погибает от разрезания опухоли в 1076 г., и Всеволод добровольно отдает престол старшему брату. Чудо примирения братьев омрачает изгойство Святославичей, которые начинают борьбу с этой несправедливостью: в 1078 г. Олег Святославич бежит от Всеволода из Чернигова в Тмутаракань, объединяется с обделенным Борисом Вячеславичем и приводит половцев.

Всеволод терпит поражение от Олега и половцев и обращается за помощью к Изяславу. «ї рѣ^ч ему Изяславъ брате не тужи. видиши бо колко сл мнѣ склучи зла. первое бо не выгнаша ли мене. и имѣнье мое разграбиша. и паки кую вину створилъ есмь. не изгнаста ли вы мене брата свога. и не

¹⁰ Там же. Стб. 183.

¹¹ Памятники литературы Древней Руси. Т. 1. С. 377.

блуди^ѣ ли по чюжимъ землямъ. имѣныа лишень быхъ. не створи зла ничто же. ꙗ нынѣ бра^ѣ не туживѣ. аще будетъ на причастье в Роуской землѣ. то объма. аще лишена будевѣ то объма. **ѡ**зъ сложу главу свою за та^ѣ»¹².

И старший Ярославич сдержал слово: Изяслав и Всеволод с сыновьями предпринимая поход на Чернигов против своих племянников. Сказал же Олег Святославичу Борису Вячеславичу: «не ходиви противу. не можевѣ стати противу чотыре^ѣмъ кнземъ. но пошливѣ с молбою къ строема своѣма»¹³, но Борис не стал его слушать, за что и поплатился жизнью первым. В том же бою встретил смерть и Изяслав Ярославич. Летописец с особым вниманием отмечает, что князь «положи главу свою за бра^ѣ своего. ни желата болшата части. ни имѣныа хотя болшаго. но за братню вбиду»¹⁴.

Всеволод, хотя и вышел победителем и сидел на столе отца своего с 1078 по 1093 гг., уже не мог восстановить прежней системы тесных межкняжеских отношений. Многие действия от его лица производил уже его сын Владимир, а племянники без конца предавались распрям.

Перечисляя качества князя Всеволода, книжник вновь обращает внимание на особую любовь к нему Ярослава, который говаривал ему: «снѹ мои блго тобѣ. **ѡ**ко слышу в тобѣ кротость ꙗ радуясѹ. **ѡ**ко ты покоиши старость мою. аще ти Бѣ подасть. приати власть. стола меего по братьи своеи. с правдою а с ненасильемъ. то егда Бѣ вѣведеть та вѣ житыа твоего. то ту лажеши идѣже азъ оу гроба моего. понеже люблю та паче братьяа твоега»¹⁵.

Вот и сбылись слова отца, сказанные Всеволоду, ибо получил он после всех своих братьев стол отца своего, по смерти старших братьев. Во время его княжения в Киеве у него были огорчения большие, чем тогда, когда он сидел в Переяславле. Когда он княжил в Киеве, много огорчений доставляли ему племянники его, потому что начали досаждать великому князю, желая волостей себе. Среди этих огорчений пришли к нему недуги, а за ними приспевала и старость.

В рассмотренном сюжете прослеживается отношение книжников к происходившим в княжеском роду событиям: изгойство сыновей умерших князей воспринимается авторами как норма, и даже дети Святослава Ярославича, принадлежавшего к триумvirату, не смогли избежать этой участи. Попытки «кугнетенных» племянников приобрести себе землю и власть переданы книжником как честолюбивые устремления и преступление отеческих заповедей. Совместные акции князей, как военные, так и мирные (например, перенесение мощей) рассматриваются авторами летописей как проявление братской любви, следование заветам предков и великое благо для Русской земли.

¹² ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 191–192.

¹³ Там же. Стб. 192.

¹⁴ Там же. Стб. 194.

¹⁵ Там же. Стб. 207.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Памятники литературы Древней Руси. Т. 1. М., 1978.
2. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
3. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
4. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953.
5. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
6. Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007.
7. Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992.
8. Фроянов И.Я. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

R.A. Soloveva

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

“BRATSKAYA LYUBOV’ PUSHCHE KAMENNYH STEN”:
REPRESENTATIONS OF FAMILY RELATIONS IN THE ANCIENT RUSSIAN
LITERATURE ON THE EXAMPLE OF YAROSLAVICH BROTHERS

In the article, the author analyzes the information from chronicles and hagiographic literature about the events of 1054–1093 relating to the period of the reign of the Yaroslavich brothers. The nature of relations between the princes, the motives of their joint actions, the causes of conflicts between representatives of the princely family, as well as the attitude of the scribes to the events described are examined. It is the scribe’s assessment that allows us to reconstruct ideas about kinship in ancient Russian society: to what extent did one or another model of behavior between brother and brother or uncle and nephew enjoy approval or, on the contrary, was condemned.

Keywords: Ancient Russia, inter-princely relations, Yaroslav the Wise, Yaroslavi-chi, triumvirate, Tale of Bygone Years.

А.М. Харина
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СМЕРТИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ XII–XIV ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ПАТЕРИКА)

Статья посвящена представлениям о смерти в общественном сознании Древней Руси XII–XIV вв. Переход с иной мир играет важную роль в мировоззрении любого народа, в данной статье рассмотрен подход русских монахов к этому событию, их отношение, а также сакральный смысл, вкладываемый в понятие смерти. Работа построена на материалах Киево-Печерского патерики с применением общенаучных методов исследования и профильных — исторических.

Ключевые слова: смерть, Киево-Печерский патерик, представления о смерти.

Смерть — явление столь же естественное, как смена времен года, как восход солнца, нечто происходящее независимо от желаний и планов людей. Жизнь в принципе невозможна без смерти абсолютно в той же степени, что и без рождения, но если появление на свет считают радостным и положительным событием, то уход из жизни зачастую воспринимают как что-то печальное и негативное.

Людей пугает неизвестность и боль, вероятность никогда не увидеть близких и само ожидание гибели, а когда что-либо вызывает страх, об этом предпочитают не вспоминать, не говорить и не обращать внимания. Именно это является одной из причин, по которым тема смерти не так широко распространена в научных работах, как другие бытовые мотивы. Но для того, чтобы перестать бояться чего-либо, необходимо понять, осознать и принять как данность этот момент. Что делает тему смерти важной частью мировоззрения людей — лишь изучив отношение к переходу в иной мир, можно понять их взгляды, мысли и дать объяснение некоторым поступкам.

Источниками могут служить летописи, жития святых, патерики. В работе с ними возникают некоторые трудности, например, иногда момент смерти просто констатировался автором без дополнительных пояснений, но даже по построению предложения можно сделать определенные выводы

и увидеть чуть больше, чем просто факт. Также сложность состоит в том, что не всегда указаны точные события. По поводу некоторых смертей возникают большие сомнения, но именно такое описание позволяет сформировать выводы о правильной и неправильной, с точки зрения древнего человека, смерти, что и является частью исследования. В качестве источника данной работы выступает Киево-Печерский патерик, который содержит множество историй, заканчивающихся упокоением.

Фундаментальной работой на тему смерти является «Человек перед лицом смерти» Филиппа Арьеса. В своем исследовании Арьес рассматривает и объясняет мировоззрение европейцев на смерть. Он выделяет различные виды смерти: «смерть прирученная», «смерть своя», «смерть далекая и близкая», «смерть твоя», «смерть перевернутая»¹, ритуалы и традиции погребения, а также подчеркивает ее место в жизни людей, при этом анализируется довольно продолжительный период времени.

Другое деление при изучении смерти применяет Г.Г. Донской, в своей диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Переход в «иной мир» в духовной культуре средневековой Руси (XIV–XVI вв.)» он выделяет «Начало перехода, подготовку к переходу, время перехода и эмоциональное отношение к переходу»².

В целом исследования на тему смерти популярны на Западе, у российских же историков они не имеют широкого распространения, чаще остальных смерть рассматривают в своих работах этнографы. Например, Д.К. Зеленин, который писал о неправильных, с точки зрения обычных людей, смертях. Которые порождали веру в то, что умершие неподобающим образом — внезапной или неестественной смертью — могут приносить вред живым, что требовало особого отношения к их телам, могилам и захоронениям³.

Его слова подтверждает М.Р. Майзульс, который указывает на то, что смерть никогда не приходила просто так. И если сам образ смерти возникает лишь в XVII в., то до этого времени в процессе умирания, по представлению древнерусского человека, участвовали высшие силы⁴. Также он подмечает интересный момент словообразования и использования конкретных слов для обозначения смерти:

¹ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 37.

² Донской Г.Г. Переход в «иной мир» в духовной культуре средневековой Руси (XIV–XVI вв.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 2.

³ Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 39–40.

⁴ Майзульс М.Р. Древнерусский человек перед лицом смерти // Россия XXI. 2006. № 5–6. С. 118.

«Для обозначения смерти (сущ.) и умирания (глагол.) древнерусские источники находят множество близких по смыслу, но стилистически неравноценных выражений: смерть, кончина, умертвие, успение, скончание, преставление, отшествие. В житиях святых само слово “смерть” чаще всего заменяется словами “преставление”, “успение”, “покой”, которые относятся к более высокому регистру языка.

Смысловое различие между ними, зачастую ускользающее от историка, было, очевидно, вполне прозрачным для древнерусского читателя. Толкования исторических словарей русского языка, к сожалению, практически не могут нам помочь. Для слов “преставится”, “умерети”, “скончатися” и др. они фиксируют одно общее значение — “умереть” — либо переводят их современными русскими эквивалентами: “скончатися” значит “скончаться”. Тонкие смысловые различия (тем более в их эволюции) словарь зафиксировать не способен»⁵.

Смерти в Киево-Печерском патерике упоминает П.И. Гайденко в своей статье «Смерть древнерусских архиереев (X — сер. XII вв.): обстоятельства и закономерности» в которой он обращает внимание, что патерик не содержит сведений о смертях многих игуменов Печерского монастыря, но в то же время упоминаемые в нем смерти практически всегда помечены если не местом погребения, то годом смерти точно⁶.

Киево-Печерский патерик это собрание историй на основании житий и посланий, о жизни послушников, монахов и других людей, живших в Киево-Печерском монастыре. В нем, как уже говорилось выше, не всегда указывались правдивые события, имели место, как преувеличения, так и придумки различных чудес, но для исследователей это лишь подчеркивает сущность правильных и неправильных поступков, идей и в данном случае смертей.

Смерть воспринималась как нечто неизбежное, поскольку речь идет о людях сильно религиозных, это был акт перехода души к Богу, призвание им к себе своих верных людей. Можно отметить, что как и в Европе смерть была ожидаемой или по терминологии Арьеса «прирученной». Святые заранее знали о приближении смерти, успевали отдать последние распоряжения, дать наставления и после в предначертанное время уйти из этого мира.

Так же как и в более поздних источниках болезнь являлась, посланным Богом предупреждением, напоминанием о смертности и недолговечности людей⁷. Она давала время и возможность исправить ошибки, закончить кон-

⁵ Там же. С. 127.

⁶ Гайденко П.И. Смерть древнерусских архиереев (X — середина XII вв.): обстоятельства и закономерности // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2014. № 1. С. 27.

⁷ Донской Г.Г. Переход в «иной мир» в духовной культуре средневековой Руси (XIV–XVI вв.): дис. ...канд. ист. наук. М., 2012. С. 195.

фликти и решить нерешенные дела. Самый яркий пример такого исправления ошибок упоминается в Слове о братьях Тите и Евагрии, которые жили в мире, но поссорившись, разошлись, а заболев, Тит решает просить прощения у брата: «Нѣкогда сему Титови разболѣвшуся велми и уже в нечаании быв, нача плакаться своего лишения. И посылает мольбу братови, глаголя: “Прости мя, брате, Бога ради, яко без ума гнѣвахся на тя”»⁸. Евагрий же не пожелавший мириться умирает сам. Для него смерть выступает в качестве наказания за не богоугодный поступок, а Тит напротив, выздоравливает и передает окружающим слова Господа, которые услышал: «Оставьте — оставится вамъ. Яко всяк, гнѣваяся на брата своего без ума, повинен есть суду»⁹.

Такое встречается в патерике несколько раз, монах считавшийся мертвым воскресает, выздоравливают тяжелобольные и в каждом случае священнослужители, с которым случается подобные чудеса, передают слова Бога, выступая его посланниками и глашатаями, неся поучения и советы другим монахам. Сами при этом становясь более возвышенными, почитаемыми и духовными людьми.

Так зачастую мощи святых людей по преданиям обретали целительную силу, к ним приносили больных, причем это могли быть самые различные недуги, и они не только исцелялись, но уже не беспокоили людей до самой смерти: «Нѣкто брат един, лядвиями боля от лѣт много, принесенъ бысть надо нъ; объем же тѣло блаженаго, — // се исцѣлѣ, от то го часа, до дьне смерти его никакоже поболѣвъ ни лядвиями, ни инѣмъ чим»¹⁰.

Священным становился в этом случае не только монастырь или церковь, захоронение тоже наделялось чудотворной магией и в сознании людей становилось местом сакральным, то есть несущим в себе связь с божественными силами, хранящим их отпечаток. Слово о Лаврентии — затворнике¹¹ демонстрирует и подтверждает этот момент. В нем человек одержимый бесом даже подойти не может к месту упокоения святых, не говоря уже о причинении какого либо вреда их останкам и людям, находящимся в непосредственной близости, что в свою очередь влияло на желание простых людей быть похороненными рядом с телами святых.

Можно сделать вывод, что смерть являлась механизмом воздействия Бога на верующих людей, само понятие было окружено чудесами, а упокоение или же болезнь к нему ведущая не становились окончательным при-

⁸ Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 35.

⁹ Там же. С. 35.

¹⁰ Там же. С. 28.

¹¹ Там же. С. 38.

говором. Это мог быть как урок, так и напоминание, испытание или поучение. Человек, прошедший эту проверку, подтверждал свою святость перед богом, признавался достойным откровений и нес их остальным, после чего в глазах окружающих становился более почитаемой и уважаемой личностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999.
2. *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992.
3. *Гайдено П.И.* Смерть древнерусских архиереев (X — середина XII вв.): обстоятельства и закономерности // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2014. № 1.
4. *Донской Г.Г.* Переход в «иной мир» в духовной культуре средневековой Руси (XIV–XVI вв.): дис. ...канд. ист. наук. М., 2012.
5. *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.
6. *Майзуль М.Р.* Древнерусский человек перед лицом смерти // Россия XXI. 2006. № 5–6.

A.M. Kharina
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

REPRESENTATIONS OF DEATH IN PUBLIC CONSCIOUSNESS OF ANCIENT RUSSIA XII–XIV CENTURIES (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE KIEV-PECHERSK PATERICON)

The article is devoted to representations of death in the public consciousness of Ancient Russia of the XII–XIV centuries. The transition from another world plays an important role in the worldview of any people, this article discusses the approach of Russian monks to this event, their attitude, as well as the sacred meaning that is embedded in the concept of death. The work is based on the materials of the Kievan Cave Patericon, using general scientific research methods and specialized — historical.

Keywords: death, Kievan Cave Patericon, perceptions of death.

В.А. Печенкина
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ВАСИЛИЙ III ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЧИНЕНИЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ АВТОРОВ)

Настоящая статья посвящена реконструкции образа Василия III в сочинениях западноевропейских авторов. Рассматриваются свидетельства западноевропейцев о внешнем виде Великого князя, манере поведения, характере его власти, титуле, церемониале приема посольств. Методологическими подходами послужили метод систематизации исторических данных, историко-сравнительный и историко-генетический методы.

Ключевые слова: Василий III, Ф. да Колло, А. Кампензе, П. Иовий, И. Фабри, С. Герберштейн.

На протяжении долгого времени Северо-Восточная Русь не обращала на себя взора стран Западной Европы. К концу XV в., когда завершился процесс образования Московского государства, появляются первые заметки о Московии от иностранцев. По мере роста могущества нового государства и активизации его международных контактов усиливается интерес к нему со стороны Европы, возникает достаточно обширный комплекс западноевропейских сочинений о Московии. Начало создания подробных описаний Московской Руси приходится на правление Василия III.

Россия вызывала интерес Западной Европы не только как новый политический субъект европейской политики. Были и сугубо практические интересы: во-первых, имела место идея объединения Западной и Восточной Церквей для борьбы с реформационным движением, как указывали в своих сочинениях А. Кампензе¹ и И. Фабри²; во-вторых, с середины 20-х гг.

¹ *Кампензе А.* Письмо к папе Клименту VII о делах Московии. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Kampenze/frametext.htm>

² *Фабри И.* Религия москвитов. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Fabri/frametext.htm>

XVI в. главной причиной для соискания союза католических государств с Василием III стала османская угроза.

Сведения иностранцев о Московском государстве стали использоваться как источник с сер. XIX в. Ф. Аделунг впервые систематизировал свидетельства иностранцев о России до XVIII в.³ Фундаментальным исследованием в области изучения сказаний иностранцев о России стал труд В.О. Ключевского⁴. В XX в. исследования представляли собой сборники текстов с комментариями авторов без проведения их анализа⁵. Исследования активизировались на современном этапе, что выражается в научном издании сочинений иностранцев, в работах, посвященных их сочинениям, в реконструкциях представлений западноевропейских авторов об отдельных сторонах жизни русского общества московской поры⁶. Настоящая статья посвящена реконструкции образа Василия III в сочинениях западноевропейских авторов.

Первое сочинение, в котором упоминается Василий III было написано в 1518 г. австрийским послом Ф. да Колло⁷. В нем есть сведения о титуле и характере власти Великого князя. В 1523 г. появился труд голландца А. Кампензе⁸. Он не был в Московском государстве, но составил сочинение из рассказов отца и брата, которые длительное время проживали в Москве. В письме он описал черты управления, упомянул титул Василия III. Вышедшее в 1525 г. произведение историка и епископа П. Иовия⁹ является ценным для изучения характера власти московского правителя, также в источнике имеется сведение о внешности государя. Тогда же немецкий гуманист и католический богослов И. Фабри составил трактат по сведениям русских послов и их переводчиков, так как сам не бывал в Московском государстве. В трактате имеются сведения о титуле Василия III и о характере его власти¹⁰.

³ Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. URL: <https://runivers.ru/lib/book3303/16773/>

⁴ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1918.

⁵ Лимонов Ю.А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978.

⁶ См., напр.: Бочкарев Н.В. Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. М., 2000.

⁷ Да Колло Ф. Доношение о Московии. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Kollo/frametext.htm>

⁸ Кампензе А. Указ. соч.

⁹ Иовий П. Посольство от Василия Иоанновича к Клименту VII. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Iovij/text.phtml?id=574>

¹⁰ Фабри И. Указ. соч.

В опубликованном в 1549 г. сочинении С. Герберштейна имеются сведения о титуле, характере власти, о приеме послов, развлечениях Великого князя¹¹.

В произведениях иностранцев о внешности государя содержится мало сведений. П. Иовий писал: «Василий находится теперь в сорок седьмом году жизни своей и красотой тела, величием души, воинскою славою, любовно и благосклонностию к подданным превосходит всех своих предшественников»¹². С. Герберштейн оставил любопытное известие, согласно которому Василий III сбрил бороду, когда женился вторично¹³. Он же описал внешний вид Великого князя во время охоты: на голове у него был белый колпак, украшенный со всех сторон золотыми вставками; кафтан расшит золотыми нитями; на поясе висели два продолговатых ножа и кинжал¹⁴.

Во всех сочинениях иностранцев присутствуют упоминания о титуле Василия III. Согласно Ф. да Колло, «Великий Господин Василий, император и Государь всея Руси и великий Князь»¹⁵. И. Фабри применял титул: «Светлейший и могущественный государь господин Василий, Божьей милостью император и повелитель всех рутенов, и Великий князь Владимирский, Московский»¹⁶. А. Кампензе использовал титул «Великий князь»¹⁷. С. Герберштейн отмечал: «Нынешний же Василий Иоаннович присвоил себе титул, как-то: великий господин Василий, божьей милостью царь и господин всей России и великий князь владимирский, московский, новгородский, псковский, смоленский, югорский, пермский, вятский, булгарский и проч.»¹⁸. Стоит отметить, что в договоре 1514 г. с Максимилианом I Василием III впервые был назван императором русов¹⁹.

С. Герберштейн о характере власти государя писал: «Всех одинаково гнетет он жестоким рабством, так что если он прикажет кому-нибудь быть при дворе его или идти на войну или править какое-либо посольство, тот

¹¹ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. 1. М., 2008.

¹² Иовий П. Указ. соч.

¹³ Герберштейн С. Указ. соч. С. 563.

¹⁴ Там же. С. 571.

¹⁵ Да Колло. Ф. Указ. соч.

¹⁶ Фабри И. Указ. соч.

¹⁷ Кампензе А. Указ. соч.

¹⁸ Герберштейн С. Указ. соч. С. 99.

¹⁹ Договорная грамота императора Священной Римской империи Максимилиана I к Великому князю московскому Василию III об условиях союза между государствами. URL: <http://elible.shpl.ru/ru/nodes/8983-ch-5-dogovory-rossii-s-evropeyskimi-i-aziatskimi-gosudarstvami-1326-1584-1894#mode/inspect/page/116/zoom/6>

вынужден исполнять все это за свой счет»²⁰. В подчинении Василия III находились князья провинций, при этом Великий князь отнял у них все крепости и замки²¹. Но все удельные князья всегда были готовы исполнить приказ государя «яко повеление Божье»²². Поэтому за короткий период времени государь мог собрать большое количество воинов, как указывали все иностранцы. В работах иностранцев отмечалось, что свою власть Василий III применял по отношению и к духовенству, распоряжаясь их жизнью и имуществом²³. Контролировал он и торговлю. Великий князь был богат, так как получал ежегодную дань, а все средства копил и мало тратил на войны и охрану городов²⁴.

Сведения о приеме послов содержатся в сочинении С. Герберштейна. Подъезжая к Московскому государству, посол обязан известить о себе в ближайший город наместнику. Наместник далее отправлял известие о посольстве правителю. По приезде в Москву, по приказу Великого князя, толпа народа собиралась в городе для встречи послов, чтобы показать им свое величие. Не доезжая до дворцового крыльца, послы должны были сойти с коней; только государь имел право подъезжать на лошади к дворцу. Во время приема Василий III сидел на более высоком, почетном месте, а рядом находился таз с двумя рукомыйниками, поверх которых лежало полотенце. Подавая руку послу католической веры, государь считал, что подает ее оскверненному и нечистому человеку, поэтому отпустив его, сразу мыл руки. При государе во время трапезы находился человек (стольник), который предварительно пробовал еду перед тем, как ее попробует Великий князь. Когда правитель принимал послов, то интересовался у них о чем-либо, «выказывая себя весьма любезным и обходительным»²⁵.

По окончании посольства государь даровал щедрые подарки: «Каждому из нас пожаловано было по почетному платью, подбитому собольим мехом. В первое посольство он дал мне еще сани с превосходной лошадей, шкурой белого медведя и еще одним удобным покрывалом. Наконец, он подарил мне много рыбьих балыков и отпустил меня весьма ласково»²⁶. После обеда важными делами государь не занимался. Василий III любил приглашать послов на охоту: «Всякий раз, как он пожелает насладиться такой забавой,

²⁰ Герберштейн С. Указ. соч. С. 89.

²¹ Там же.

²² Фабри И. Указ. соч.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Герберштейн С. Указ. соч. С. 563.

²⁶ Там же. С. 581.

он велит свозить зайцев из разных мест, ибо чем больше он их поймает, тем с большим, по его мнению, весельем и честью окончит дело»²⁷.

П. Иовий также отмечает радушие и гостеприимство Василия, который «часто с особенной пышностью и небывалым радушием пирует посреди бояр и иностранных послов»²⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что иностранцев мало интересовал внешний вид Василия III, их внимание было сосредоточено на титуле государя, характере власти, приеме послов, а также на манерах поведения правителя, свидетелями которых они являлись. Иностранцев поражала обходительность, любезность, гостеприимность и щедрость Великого князя. В то же время им не нравилось его пренебрежительное отношение к католицизму.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договорная грамота императора Священной Римской империи Максимилиана I к Великому князю московскому Василию III об условиях союза между государствами. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/8983-ch-5-dogovory-rossii-s-evropeyskimi-i-aziatskimi-gosudarstvami-1326-1584-1894#mode/inspect/page/116/zoom/6>

2. *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. М., 2008.

3. *Иовий П.* Посольство от Василия Иоанновича к Клименту VII. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Iovij/text.phtml?id=574>

4. *Кампензе А.* Письмо к папе Клименту VII о делах Московии. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Kampenze/rametext.htm>

5. *Колло да Ф.* Доношение о Московии. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Kollo/rametext.htm>

6. *Фабри И.* Религия московитов. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Fabri/rametext.htm>

7. *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. URL: <https://runivers.ru/lib/book3303/16773/>

8. *Бочкарев Н.В.* Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. М., 2000.

9. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1918.

10. *Лимонов Ю.А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978.

²⁷ Там же. С. 569.

²⁸ *Иовий П.* Указ. соч.

V.A. Pechenkina

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

VASILYIY III BY THE EYES OF CONTEMPORARIES
(BY THE MATERIALS OF WORKS OF WESTERN EUROPEAN AUTHORS)

This article is devoted to the reconstruction of the image of Basil III in the writings of Western European authors. The evidence of Western Europeans about the appearance of the Grand Duke, behavior, the nature of his power, the title, the ceremony of receiving embassies is examined. The methodological approaches were the systematization of historical data, historical-comparative and historical-genetic methods.

Keywords: Vasily III, F. da Collot, A. Campensee, P. Job, I. Fabry, S. Herberstein.

С.С. Грозов
г. Нижний Новгород (Россия)
Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского

ГРАНИ ФАНТАСТИЧЕСКОГО В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛАТИНСКИХ БЕСТИАРИЯХ

В докладе рассматриваются описания животных в ранних латинских бестиариях. Поднимается вопрос о границах фантастического в описаниях и изображениях мифических существ. Ставится задача проанализировать терминологию и миниатюры с целью поиска их внутренних особенностей и взаимосвязей.

Ключевые слова: бестиарий, Абердинский бестиарий, Санкт-петербургский бестиарий, мифические существа, средневековая литература.

Бестиарии как жанр достаточно широко известны в настоящее время. Популярности бестиариев способствовали подобные реминисценции в современной художественной литературе¹ и современная индустрия видеоигр. Именно благодаря последней, возможно, закрепилось мнение о существовании в рамках бестиариев достаточного числа фантастических существ, однако это не так однозначно, как может показаться.

Целью нашего исследования представляется **анализ содержания** ранних латинских бестиариев (Первой и Второй семьи) с целью поиска и определения границ фантастического в источниках такого типа.

Источниковую базу нашего исследования составили два манускрипта — Абердинский и Санкт-Петербургский бестиарий.

Абердинский бестиарий является одним из самых узнаваемых бестиариев Второй семьи. Во многом, это связано с посвященном манускрипту интернет-проектом Абердинского университета «Aberdeen bestiary». Проект позволяет ознакомиться не только с цифровыми копиями страниц рукописи, но и прочесть латинский текст в транслитерации, а также его английский перевод. Сама рукопись была создана в нач. XIII в. в Англии и, к настоящему моменту, является одной из самых хорошо сохранившихся и богато

¹ Имеется в виду «Книга вымышленных существ» Х.Л. Борхеса и «Бестиарий» А. Сапковского.

иллюстрированных, что крайне важно при привлечении не только нарративной части источника, но и иллюстративной.

Санкт-Петербургский bestiарий, находящийся в настоящее время в Российской национальной библиотеке (Далее — РНБ), избран нами по многим причинам, среди которых его слабая изученность при большом потенциале, а также слабое внимание со стороны отечественных исследователей. Его путь также прослеживается с Британских островов и относится к концу XII — нач. XIII в., как и Абердинского bestiария, однако его содержание несколько отличается. Причина этому — принадлежность к более ранней Первой семье. Кроме того, bestiарий содержит некоторые статьи, не присутствующие в Абердинском (к примеру, про мантикору).

В bestiариях действительно содержится ряд существ, называемых в настоящее время фантастическими или мифическими (к примеру: дракон, василиск, феникс, единорог и т.п.). Однако было бы ошибкой переносить современное восприятие таких существ на сознание средневекового человека. Более того, в тексте источников мы не находим аналога привычного термина «мифические существа», объединяющего разных, но фантастических существ в единую группу. Для bestiария они в первую очередь такие же животные, располагающиеся в мире согласно Божественному замыслу. На наш взгляд, восприятие таких «мифических» созданий непосредственной аудиторией bestiариев поможет нам приблизиться к мироощущению той эпохи в целом. В среднем, в отношении абердинского bestiария будет справедливо назвать около 30 фантастических существ; для Санкт-Петербургского — около 20. И все эти существа относятся нами к фантастическим по причине невозможности их существования, однако важно понимать, что помимо «нереальных» существ, в bestiариях занимают важное место и настоящие животные, но имеющие «нереальные» способности².

На наш взгляд, является достаточно обоснованным и подходящим мнение Ж. Ле Гоффа: «Подход к определению роли чудесного в культуре и обществе следует искать, прежде всего, на лексическом уровне, который, не будучи основным, является, тем не менее, первоочередным. Уверен, что ни одно серьезное исследование невозможно без определения семантического поля чудесного»³. Именно поэтому важным критерием для определения «фантастического» является терминология, используемая при описании различного рода существ, в том числе важно обращать внимание на терминологию, наделенную семантикой «чудесного», являющуюся важной для определения «фантастического».

² Наиболее очевидным примером может выступать лев, как известно, оживляющий рыком свое потомство.

³ *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 41.

Нам важно обратить внимание не только на синонимы *bestia*, но и на различные эпитеты, характеризующие описываемые объекты, а также предложенные Ле Гоффом показательные латинские слова: *mirabilia* (чудесное, скорее положительное), *magicus* (сверхъестественное, скорее отрицательное)⁴.

Обратимся к источникам. Слово *mirabilia* в бестиарии встречается достаточно редко: в Абердинском всего 4 раза:

I. В описании скорости тигра: «Это зверь, отличающийся разнообразием пятен, его смелостью и **чудесной** скоростью»⁵.

II. В дидактической части описания голубя: «Ибо Бог вознаградит своих святых за их труды и поведет их по **чудесному** пути»⁶.

III. В дидактической части описания петуха: «Кто дал петуху его понимание? Если не я кто создал из ничего разумы учителей как только через чудо, и научил их еще более **чудесно** понимать скрытое?»⁷.

IV. В описании камня адамаса — в части, сравнивающей свойства камня с жизнью Христа: «В конце концов, когда он совершил все свои **чудеса** для искупления рода человеческого и вознесся на небо...»⁸.

Важно, что лишь раз слово *mirabilia* использовалась как существительное, куда чаще оно характеризовало некие свойства. Следовательно, это слово может являться маркером для выделения в тексте «примечательного» или вернее «замечательного», на что обращалось внимание: скорость, путь, способности к восприятию. Однако сомнительно, чтобы это слово воспринималось как нечто «фантастическое» или «нереальное».

Аналогично предыдущему, слово *magicus* встречается в бестиарии четырежды:

I. При описании повадок гиены, которая, трижды обойдя любое животное, может его обездвигить: «По этой причине люди установили, что гиена имеет **магические** способности»⁹.

II. При характеристике звука инструмента заклинателя змей: «...она прижимает одно ухо к земле, а другое закрывает своим хвостом и, глухая к этому **магическим** звукам, не выходит к человеку, который очаровывает ее»¹⁰.

III. При описании частей дерева; о ветке: «**Маги** используют их, чтобы успокоить змей, дерущихся между собой, поддерживая их, свернувшихся

⁴ Там же. С.42–52.

⁵ Aberdeen University Library. MS 24. Liber de naturis bestiarium (Bestiary). f.8r. URL: <https://www.abdn.ac.uk/bestiary/ms24>

⁶ Ibid. f.27v.

⁷ Ibid. f.40v.

⁸ Ibid. f.95r.

⁹ Ibid. f.12r.

¹⁰ Ibid. f.68r.

вокруг ветви; философы, короли, магистраты, герольды и послы используют их для этой цели»¹¹.

IV. В разделе, описывающем географию происхождения адаманта: «Он встречается в Индии, Греции и на Кипре, где им пользуются **маги**»¹².

Мы видим, что *magicus* также используется для характеристики чего-либо: способностей или звуков, однако эти характеристики имеют другое смысловое наполнение. В отличие от *mirabilia*, мы можем отнести *magicus* к тем словам-маркерам, которые свидетельствуют о понимании описываемого как «сверх-реального» — на наш взгляд, это абсолютно справедливо по отношению к первым двум примерам.

Помимо предложенных французским историком категорий, нам кажется важным рассмотреть и другие показательные слова. К примеру, наиболее употребляемое на многих современных языках слово монстр (от лат. *monstrum*) находит свое отражение и в манускриптах. В Абердинском bestiарии можно встретить не больше десятка упоминаний различных производных этого слова. Приведем наиболее показательные:

I. При описании потомства союза гиены и львицы: «В Эфиопской части от встречи гиены со львицей, от их союза, рождается **монстр**, именованный крокотой»¹³.

II. В описании внешности единорога: «Единорог — это **монстр**, ужасающе мычаший, с телом лошади, ногами слона и хвостом, очень похожим на олений»¹⁴.

III. При описании способностей попугая: «Ибо когда он молод, до двух лет, он очень быстро учится тому, что **показывают [ему]**, и твердо держит это в уме; когда он немного старше, он забывчив и его трудно научить»¹⁵.

IV. При описании способностей вороны: «Прорицатели утверждают, что ворона может знаками проявлять заботу о людях, **показывать** устроенные засады и предсказывать будущее»¹⁶.

На этих примерах видно, что слово *monstrum* лишено современного негативного смысла. Вероятно, что оно использовалось не для выделения «ужасающего облика», а подчеркивания причудливости образа, его необычности. Нельзя не отметить также тот факт, что тексты Санкт-Петербургского bestiария и Абердинского неодинаково описывают единорога — Санкт-Петербургский называет существо просто *animal*. Причина этого заключается в том, что фактически описываются разные существа. Дело в том, что в средневековых

¹¹ Ibid. f.78r.

¹² Ibid. f.101r.

¹³ Aberdeen bestiary. f.12r.

¹⁴ Ibid f.15r.

¹⁵ Ibid f.47r.

¹⁶ Ibid. f.58r.

бестиариях включалось два текста о единороге: первый описывал гибридное существо (как в Абердинском бестиарии); второй — весьма невеликое по размерам животное со включением известной легенды про Единорога и деву (Как в Санкт-Петербургском бестиарии). Важно, что в манускриптах, содержащих оба варианта, единорог продолжает именоваться *monstrum* именно в «первом варианте» текста¹⁷. Таким образом, слово *monstrum* действительно фиксирует определенное отношение к существу, однако весьма поверхностное.

На наш взгляд, куда более привлекать и поражать предполагаемого читателя должно слово *belua* (с лат. *зверь, чудовище, страшилище*). Оно достаточно редко,

Илл. 1. Морские создания.
«Санкт-Петербургский
бестиарий». XIII в.
РНБ, Санкт-Петербург.
Q.v.V,1; л. 72 об. с.

но весьма показательно. Именно так именуется *серра*¹⁸ в обоих бестиариях; этим эпитетом характеризуется рыба-кит, а также описывается гиена в Санкт-Петербургском бестиарии и ее взгляд в Абердинском. Кроме того, важнее, что *belua* выделяется как подразряд «морских обитателей». В Абердинском бестиарии представлены следующие строки: «*Plinius ait divisa cum generibus beluarum serpentium communium terre et aque. Cancrorum, concarum locustarum, peloridum philopporum, solearum, lacertorum, ut luligo, et huic similia*»¹⁹. Санкт-Петербургский бестиарий не содержит этих строк (вместо них выдержка из Этимологий Исидора Севильского), однако представлена миниатюра (Илл. 1), свидетельствующая о верности наших суждений: на ней, помимо, привычных рыб мы можем подметить и гиппокампа, и других гибридных существ.

¹⁷ Это подтверждается, к примеру, Рочестерским бестиарием, содержащим оба фрагмента на f.9v и f.21r. См.: Рочестерский бестиарий. British library. Royal MS 12 F XIII. Rochester bestiary. 98 fol. URL: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Royal_MS_12_F_XIII

¹⁸ *Серра* — иногда называется летающей рыбой или рыбой-пилой. Происходит из Физиолога. Изображается или крылатой рыбой или драконом с рыбьим хвостом. Считается, что он любит гнаться за кораблями, а затем их топить.

¹⁹ «Плиний заверяет, что они разделены согласно родам: чудовища; змеи живущие в земле и воде. Крабы, моллюски, омары, мидии, полипы, камбалы, ящерицы, морские окуни и им подобные» (Перевод с лат. автора).

Таким образом, нам необходимо заметить, что, несмотря на присутствие определенных маркеров, подтверждающих наши догадки о восприятии тех или иных существ как «фантастических», средневековое сознание все-таки не говорило о невозможности их существования. Мы видим, как лексически источник описывает «оттенки» фантастического от просто удивительных вещей до действительно пугающих. На наш взгляд, наиболее близко к современному пониманию «фантастического» слово *belua*, и именно те животные, которые попали под это описание, составляют своеобразный верхний порог восприятия «фантастического» в животном мире, олицетворяя нечто действительно пугающее и опасное. Тем не менее, часть «фантастического» все-таки остается в поле изобразительном, где еще труднее подобрать какие-либо критерии. Сомнительно, что восприятие ужасающего грифона, держащего в лапах вдвое меньшую свинью, было бы лишено какого-либо оценочного значения, так же, как и отношение к христологичным птицам — фениксу, харадру.

Также сложно представить незаинтересованность в изображениях, демонстрирующих драконов и гибридов. Среди большого многообразия змей выделяется единственное двухголовое существо — амфисбена (Илл. 2). Безусловно, она поражала воображение ничуть не меньше «классического» дракона, а возможно и больше за счет двух голов. Позднее образ амфисбены как олицетворение Дьявола можно обнаружить в списке Апокалипсиса²⁰.

Илл. 2. Амфисбена.
«Абердинский bestiарий». XIII в.
Великобритания, г. Абердин,
Библиотека университета
MS 24; f.68v.

Илл. 3. Сирены. «Санкт-Петербургский
bestiарий». XIII в.
РНБ, Санкт-Петербург
Q.v.V. 1; л. 18 л.с.

²⁰ Druce G.C. Animals in English Wood Carving // The Third Annual Volume of the Walpole Society. 1913–1914. Vol. 3. P. 3.

Что касается гибридов, то нельзя не отметить интерес, с которым художники подходили к «конструированию» подобных «фантастических» существ (Илл. 3), выписывая не только образ невиданных сирен, но и эмоции и определенное действие, происходящее на миниатюре.

Именно это, на наш взгляд, можно назвать одной из искомых граней фантастического в изобразительном поле — подобные существа не просто существовали для средневекового воображения как символ, они жили и могли действовать вне зависимости от человека.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем отметить, что у составителей и художников bestiариев не было целей продемонстрировать «фантастических» существ в единой категории. Для них, на наш взгляд, они были реальны так же, как и волки, и лисы. «Фантастичность» существа для средневекового сознания не была привязана к какому-то одному признаку и иногда выражалась в его монструозности, иногда в экзотичности. Таким образом, средневековые тексты дают гораздо более сложные переходы между мифическим и реально существующим, гораздо более многообразные грани фантастического, которые поддаются градации и неоднозначному восприятию читателей bestiариев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Средневековый bestiарий: текст и миниатюры. М., 1984.
2. Aberdeen University Library. MS 24. Liber de naturis bestiarium (Bestiary). 103 fol. URL: <https://www.abdn.ac.uk/bestiary/ms24>
3. Рочестерский bestiарий. British library. Royal MS 12 F XIII. Rochester bestiary. 98 fol. URL: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Royal_MS_12_F_XIII
4. *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. М., 2001.
5. *Махов А.Е.* Средневековый образ: между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. М., 2011.
6. *Baxter R.* Bestiaries and their Users in the Middle Ages. L., 1998.
7. *Druce G.C.* The Amphisbaena and its Connexions in Ecclesiastical // Archaeological Journal. 1910. Vol. 67.
8. *Druce G.C.* Animals in English Wood Carving // The Third Annual Volume of the Walpole Society. 1913–1914. Vol. 3.
9. *James M.R.* The Bestiary // History: The Quarterly Journal of the Historical Association. 1931. Vol. 16. № 61.

S.S. Grozov

Nizhny Novgorod (Russia)

N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

FACETS OF THE FANTASTIC IN MEDIEVAL LATIN BESTIARIES

The paper explores animal descriptions of early Latin bestiaries. Author analyzes question of the facets of the fantastic in the descriptions and depictions of mythical creatures. The paper purposes to study the terminology and miniatures in order to find their internal features and relationships.

Keywords: bestiary, Aberdeen bestiary, St. Petersburg bestiary, mythical creatures, medieval literature.

*А.М. Шестаков
г. Пермь (Россия)*

Пермский гос. национальный исследовательский ун-т

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СТАТУСОМ ПАЛОМНИКА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

На материале средневековой Англии рассматриваются экономико-правовые и социальные аспекты паломничества, дававшие возможность использования правового статуса и привилегий пилигрима для извлечения личной выгоды.

Ключевые слова: паломничество, Средние века, средневековая Англия, привилегии, средневековое христианство.

Одной из важнейших сакральных практик христианства на протяжении всего западноевропейского средневековья оставалось паломничество. Стремление посетить культовые центры могло быть вызвано целым рядом разнородных причин.

Исконно христианские, душеспасительные мотивы богомолья, безусловно, превалировали. Параллельно с ними существовали и более традиционные формы общения со сверхъестественным миром, свойственные, в первую очередь, народной культуре. В силу достаточно мягкой и зачастую поверхностной христианизации, религиозные представления большинства мирян сохраняли многие элементы прежних языческих культов. Поклонение местным святым, хранившим черты старых богов и природных духов, обращение к ним за помощью для разрешения преимущественно проблем утилитарно-бытового характера — все это также могло стать причиной для совершения паломничества.

Но помимо религиозных мотивов, посещение святынь могло быть вызвано и причинами мирского происхождения. Рассмотреть основные формы такого рода «паломничеств», а также обосновать саму возможность их появления стоит в связи с экономико-правовыми и, отчасти, социальными аспектами средневекового «благочестивого путешествия».

С ростом в народной среде популярности паломничества связано формирование особого статуса его участников. В глазах светских и церков-

ных властей это позволяло хотя бы отчасти регламентировать движение, с X–XI вв. становившееся все более массовым. Постепенно странники «господа ради» выделились в особую группу, обладающую широкими, хотя и временными (до окончания паломничества)¹, привилегиями, призванными по возможности обезопасить благочестивое мероприятие. Они же делали статус паломника в целом привлекательным в определенный момент жизни для многих категорий людей, не стремившихся непосредственно к поклонению святыне.

Помимо охраны жизни и собственности, поручавшихся «светскому мечу» — королевской власти, стоит отметить переход самого паломника под юрисдикцию церкви². «Все преступления, совершенные паломниками или в отношении паломников, рассматривались церковными судами»³, отличавшимися в средневековой Англии большей, в сравнении со светскими, мягкостью приговоров, а также возможностью полноценного, а не формального (построенного на обычаях и судебных ритуалах), рассмотрения дела, что привлекало к ним «народные симпатии»⁴. Стремлением оказаться в статусе паломника в период возможных осложнений, например, отметил себя персонаж одной из новелл, включенных в «Кентерберийские рассказы» Д. Чосера⁵.

Статус паломника гарантировал также и ряд экономических привилегий. Позволялось временное уклонение от уплаты долгов и повинностей⁶, а также освобождение от любых дорожных пошлин. Иногда последнее было единственным, что на уровне закона отличало пилигрима от прочих «странствующих» категорий мирян, в частности — торговцев, также пользовавшихся защитой и покровительством⁷. Это порождало определенные опасения со стороны светских властей, считавших, что недобросовестные купцы

¹ Шуляк С.П. Статус паломников в средневековом социуме Западной Европы // Працы гістарычнага факультэта БДУ. 2013. № 8. С. 163. URL: <https://elib.bspu.by/handle/doc/509>

² Добиаш-Рождественская О.А. Западные паломничества в средние века. Пг., 1924. С. 65.

³ Яворский Д.Р. К вопросу о социокультурных функциях паломничества в средневековой западной Европе // Метаморфозы истории. 2016. № 8. С. 41. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27701662>

⁴ Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в Средние века. М., 1937. С. 99.

⁵ Чосер Д. Кентерберийские рассказы. М., 2012. С. 347.

⁶ Добиаш-Рождественская О.А. Указ. соч. С. 65–66.

⁷ Webb D. Medieval European Pilgrimage, c.700 – c.1500. Basingstoke; New York, 2002. P. 108.

не преминут воспользоваться возможностью выдать себя за паломника, чтобы избежать лишних трат в пути⁸.

Совмещение торговых дел и посещения святынь в принципе было довольно распространенным явлением. Часть жизни таким образом провел английский летописный святой XI–XII вв. Годрик⁹. Свидетельствует о подобной практике и автор трактата «*Elucidarium*» Гонорий Августодунский, относившийся к ней, впрочем, довольно критично¹⁰. Объяснение смысла подобного рода совмещения двояко. С одной стороны, по роду своих занятий купец далек от идеала праведного христианина: торговля с извлечением прибыли не являлась богоугодным делом. Находясь в движении, пользуясь возможностью посетить многие святыни, купец тем самым лишь заботился о своей душе доступным ему способом. Однако крупные центры паломничества, собиравшие толпы богомольцев, сами по себе являлись удачным местом торговли¹¹.

Другой категорией лиц, извлекавших выгоду из мнимого пребывания в паломничестве, были бродяги и нищие — все те, кто в поисках «лучшей доли»¹² покидал дом. Бродяжничество встречало наиболее ожесточенное сопротивление со стороны и церковных, и светских властей. Но выдавать себя за пилигрима в этом положении было наиболее удобным и простым способом существования. Можно было рассчитывать на «монашеское гостеприимство»¹³ — приют и пищу в монашеской обители или в одном из госпиталей, обустроенных вдоль паломнических маршрутов, и на радушный прием со стороны частных лиц. Как свидетельствуют судебные показания одного из лондонских бродяг, тот в течение шести лет существовал за счет подаяния, выдавая себя за отшельника и паломника, и не покинув при этом ни разу города¹⁴.

Побочным следствием коммерциализации отношений между человеком и церковью, свойственной преимущественно позднему (XIV–XV вв.) средневековью, стало появление категории «наемных» пилигримов, совершав-

⁸ *Шупляк С.П.* Указ. соч. С. 157; *Bartlett R.* Why Can the Dead Do Such Great Things? Saints and Worshippers from the Martyrs to the Reformation. Princeton; Oxford, 2013. P. 420.

⁹ *Roger of Wendover.* Flowers of history. Vol. 2. L., 1849. P. 1–3. URL: <https://archive.org/details/rogerofwendovers02rogeiala/page/n8>

¹⁰ *Гуревич А.Я.* Купцы // *Словарь средневековой культуры.* М., 2003. С. 248.

¹¹ *Webb D.* Op. cit. P. 108.

¹² *Шупляк С.П.* Указ. соч. С. 162.

¹³ *Добиаши-Рождественская О.А.* Указ. соч. С. 63–64.

¹⁴ *Memorials of London and London life, in the XIIIth, XIVth, and XVth centuries.* London, 1868. P. 584. URL: <https://archive.org/details/b2485881x/page/n5>

ших паломничество за деньги, для «духовной пользы» другого человека, и тем самым зарабатывая на хлеб¹⁵. В меньшей степени это характерно для еще живых нанимателей, хотя часть пилигримов, особенно отправлявшихся к далеким святыням, могла финансироваться «вскладчину» друзьями, родственниками, соседями, или просто заинтересованными людьми, никак не связанными с потенциальным паломником лично, но ожидавшими духовных выгод за свой пай¹⁶.

Более основательным источником для изучения подобного рода паломничеств могут служить завещания. Обычным фрагментом волеизъявления в этот период становится жертвование части состояния на организацию паломничеств во имя спасения души завещателя¹⁷.

Впрочем, на общем фоне все вышеперечисленные варианты паломничества, вызванные скорее причинами и возможностями правового или экономического толка, нежели действительной религиозностью, теряются, представляя собой лишь один, зачастую маргинальный аспект паломнической культуры Средних веков. Возможные злоупотребления статусом и привилегиями паломнического состояния максимально ограничивались или вообще пресекались властью, что вело к регламентации, а в некоторых случаях откровенной бюрократизации этого явления.

Но элементы обмирщения в массовых представлениях о смысле и форме паломничества в целом характерны для позднего средневековья. Религиозное почитание меняет форму: из тяжкого и осмысленного, приближающего к очищению труда, как его склонны были видеть теологи, паломничество превращается в разновидность досуга, способствуя, прежде всего, преодолению рутины, «мирской и плотской дружбе»¹⁸, и только после этого — пользе душевной, «дружбе бога и его святых»¹⁹. Наиболее очевидное свидетельство — «Кентерберийские рассказы» Д. Чосера, иронизирующего на этот счет. Но сходные черты можно обнаружить и в критике У. Ленгленда («Видение о Петре Пахаре»), приравнивающего пилигримов к лежцам, склонным привлекать внимание и завоевывать расположение рассказами о странствиях и небывлицах²⁰, и во взглядах лоллардов на современную им религиозность.

¹⁵ *Webb D.* Op. cit. P. 78.

¹⁶ *Duffy E.* The stripping of the altars. Traditional Religion in England c.1400 – c. 1580. New Haven; London, 2005. P. 193–194.

¹⁷ *Duffy E.* Op. cit. P. 193; *Bartlett R.* Op. cit. P. 422.

¹⁸ The Examination of Master William Thorpe, priest, Of Heresy, Before Thomas Arundel, Archbishop of Canterbury, In the Year of our Lord 1407. URL: <http://sites.fas.harvard.edu/~chaucer/special/varia/pilgrimage/thorpe.html>

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Ленгленд У.* Видение Уилльяма о Петре Пахаре. М.; Л., 1941. С. 47.

Таким образом, можно отметить сосуществование в паломнической культуре мотивов как религиозного, так и мирского происхождения, получивших наибольшее распространение в период позднего средневековья. Социальные аспекты пребывания в паломничестве (в основном общение и досуг) к XIV–XV вв., видимо, становятся обычным явлением, не противоречащим религиозным представлениям большинства.

Иные мотивы нерелигиозного происхождения, побуждавшие к посещению святынь или просто принятию статуса паломника, так или иначе были связаны с использованием правовых и экономических привилегий, гарантированных пилигриму, с получением материальной выгоды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ленгленд У.* Видение Уилльяма о Петре Пахаре. М.; Л., 1941.
2. *Чосер Д.* Кентерберийские рассказы. М., 2012.
3. *Memorials of London and London life, in the XIIIth, XIVth, and XVth centuries.* L., 1868. URL: <https://archive.org/details/b2485881x/page/n5>
4. *Roger of Wendover.* Flowers of history. Vol. 2. L., 1849. URL: <https://archive.org/details/rogerofwendovers02rogeiala/page/n8>
5. *The Examination of Master William Thorpe, priest, Of Heresy, Before Thomas Arundel, Archbishop of Canterbury, In the Year of our Lord 1407.* URL: <http://sites.fas.harvard.edu/~chaucer/special/varia/pilgrimage/thorpe.html>
6. *Гуревич А.Я.* Купцы // *Словарь средневековой культуры.* М., 2003.
7. *Добиаи-Рождественская О.А.* Западные паломничества в средние века. Пг., 1924.
8. *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории английского государства и общества в Средние века. М., 1937.
9. *Шупляк С.П.* Статус паломников в средневековом социуме Западной Европы // *Працы гістарычнага факультэта БДУ.* 2013. № 8. URL: <https://elib.bspu.by/handle/doc/509>
10. *Яворский Д.Р.* К вопросу о социокультурных функциях паломничества в средневековой западной Европе // *Метаморфозы истории.* 2016. № 8. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27701662>
11. *Bartlett R.* Why Can the Dead Do Such Great Things? Saints and Worshippers from the Martyrs to the Reformation. Princeton; Oxford, 2013.
12. *Duffy E.* The stripping of the altars. Traditional Religion in England c. 1400 – c. 1580. New Haven; London, 2005.
13. *Webb D.* Medieval European Pilgrimage, c.700 – c.1500. Basingstoke; New York, 2002.

A.M. Shestakov

Perm (Russia)

Perm State National Research University

MISUSE OF PILGRIM'S STATUS IN MEDIEVAL ENGLAND

Based on materials of medieval England, the article considers economic, law and social aspects of pilgrimage, which made it possible to use the special status and privileges of the pilgrim for personal benefit.

Keywords: pilgrimage, Middle Ages, medieval England, privileges, medieval Christianity.

Е.С. Иванов
г. Минск (Беларусь)
Белорусский гос. ун-т

РОЛЬ АНГЛОСАКСОНСКИХ МИССИОНЕРОВ В ХРИСТИАНИЗАЦИИ СКАНДИНАВИИ

В статье на основе комплекса письменных источников рассматривается роль англосаксонских миссионеров в процессе христианизации Скандинавии. Также в исследовании предпринята попытка установить взаимоотношения между представителями английской церкви и Гамбург-Бременским архиепископством. Хронологические рамки исследования затрагивают нач. VIII — сер. XI в.

Ключевые слова: Скандинавия, христианство, эпоха викингов, католичество, англосаксы.

Проникновение христианства на территорию Скандинавии начинается еще в VIII в. Изначально проводниками христианских идей здесь были миссионеры-энтузиасты, но позже обязанность проповедовать в Скандинавии берет на себя Гамбургское архиепископство, которое было главным церковным учреждением, отвечающим за дела Севера. Не последнюю роль в обращении скандинавов в христианство сыграли выходцы из Британских островов. В данной статье мы рассмотрим деятельность этих миссионеров, а также их взаимоотношения с Гамбургским архиепископством. Источниками в этом исследовании послужат материалы скандинавских саг, жития святых, такие как «Житие Святого Ангария» и «Житие святого Сигфрида». Хронологические рамки исследования охватывают VIII–XI вв.: начиная от первых христианских миссий в Скандинавию и заканчивая нормандским завоеванием в 1066 г.

Первым достоверно известным миссионером, достигшим Скандинавии, а именно Дании, является Виллиборд (ок. 658–739 гг.). Его житие сообщает нам о том, что Виллиборд родился на «острове Британия, в королевстве Нортумбрия», а также что его отец «был по происхождению сакс»¹. Таким

¹ *Алкуин*. Житие Святого Виллиборда, архиепископа утрехтского. URL: <https://pravoslavie.ru/32751.html>

образом, его житие дает нам прямое указание о происхождении Виллиброрда. Виллиброрд обучался в Райпонском монастыре, где он проникся идеями кельтской церкви. В 20 лет он направляется в Ирландию, где продолжает свое обучение, после чего, чувствуя миссионерский порыв, отправляется проповедовать язычникам в Германию. Поддержку в этом ему оказывает франкские майордомы. Около 700 г. Виллиброрд посещает Данию. Там он, «узнав, что жители датского королевства настолько прилепились к бесовским языческим обрядам и грубому идолопоклонству, что, казалось, и не имели возможности обратиться с ложного пути, поспешил взять 30 мальчиков из их числа и вернуться в избранное им королевство франков. По дороге он наставил мальчиков в вере и совершил над каждым таинство крещения, чтобы, если кто-нибудь из них случайно погибнет в пути или от диких языческих племен, он не лишился бы по смерти небесных благ. Ожидая хитрых козней дьявола, Виллиброрд решил подкрепить юные души мальчиков таинством Тела и Крови Господних»². Таким образом, миссия Виллиброрда пусть была и первой, однако особых успехов она не достигла и своего продолжения не получила.

С нач. IX в. ведущие позиции в деле христианизации Скандинавии занимают франкские миссионеры, особенно эта тенденция усиливается при оформлении Гамбург-Бременского архиепископства в 848 г. В этот период в Скандинавии проповедовали миссии во главе с Эбоном Реймским, Ансгарием, прозванным «Апостолом Севера», а также его учеником Римбертом. Все они были франками. Тем не менее, не исключено, что в составе их миссий находились и выходцы из Британии.

Миссионерская деятельность приобретает централизованный характер и с течением времени Гамбург-Бременское архиепископство устанавливает монополию на право проповедовать в Скандинавии. Об этом свидетельствует, например, отношение Гамбург-Бременской церкви к датскому конунгу Свейну Виллобордому, которого Адам Бременский называет язычником, не смотря на то, что он оставался христианином, но проводил более независимую от германской церкви политику. В то же время Адам Бременский сообщает что: «другие говорят, что тогда или еще раньше некоторые епископы и священники, покинув Англию, отправились проповедовать слово Божье; они-то и крестили Олафа и прочих. Наиболее известным среди них был епископ Иоанн; другие же будут названы позже. Если это и правда, то я заявляю, что Гамбургская мать-церковь без всякой зависти относится к тому, если ее сыновей благословляют чужаки, говоря вместе с апостолом: “Некоторые проповедуют по зависти и любопрению, а другие — с добрым намерением и ради любви. Но что с того? Как бы ни проповедовали

² Там же.

Христа, притворно или искренне, я и тому радуюсь и буду радоваться»³. Таким образом, мы видим, что присутствие британских миссионеров в Скандинавии имело место. Особенно их влияние усиливается в конце X в., когда в Скандинавии наблюдаются тенденции к централизации и созданию сильных государств. Более того, Адам говорит об англосаксонских миссионерах в положительном ключе, однако, как мы считаем, только в тех случаях, когда они признавали верховенство Гамбург-Бременской церкви в регионе. Так, датский конунг Кнуд Великий, завоевав Англию, пригласил оттуда английских священников и поставил их на епископские кафедры в Дании без соизволения архиепископа Гамбурга, что вызвало недовольство последнего. Это событие у Адама Бременского носит явно негативный характер, и он высказывает свое порицание действиям Кнуда⁴.

Английские священники сыграли решающую роль в христианизации Норвегии. Проникновение англо-саксонских проповедников впервые можно связать с правлением в Норвегии конунга Хакона Доброго (935–961 гг.). Хакон получил свое образование при дворе короля Этельстана и по вероисповеданию был христианином. После избрания его конунгом и стабилизации обстановки в государстве, Хакон «послал в Англию за епископом и другими учителями христианства»⁵. Политика христианизации, проводимая Хаконем, вызывала недовольство норвежской языческой знати, что, в конечном итоге, привело к гибели Хакона и поражению христианства в Норвегии. Тем не менее, при конунге Олафе Трюгвассоне (995–1000 гг.) христианство вновь возвращается в страну и на этот раз окончательно. Крещеный на Британских островах, он «имел при себе многих епископов и священников из Англии, по совету и наставлению которых он «расположил свое сердце к Богу», поручив им управление подчиненным народом. Среди них ученостью и добродетелями отличались Зигфрид, Гримкиль, Рудольф и Бернгард. По приказу короля они посещали Швецию, Готию и все острова, расположенные за Норвегией, проповедуя варварам слово Божие и царствие Иисуса Христа. Олаф отправил также послов с дарами к нашему архиепископу, прося его с радостью принять этих епископов и прислать ему своих собственных ради укрепления в христианстве грубого народа норманнов»⁶. В этом фрагменте своего сочинения Адам Бременский в очередной раз подчеркивает верховенствующую роль Гамбург-Бременского архиепископства в церковных делах Скандинавии. Касаясь упоминаемого Зигфрида, сохранилось его житие, в котором содержатся подробности его миссии в

³ Славянские хроники. М., 2011. С. 48.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Там же. С. 74.

⁶ Там же. С. 53.

Швецию. Житие это, однако, довольно фантастично и переполнено разного рода небылицами. Так, например, в житии говорится о том, что Зигфрид был йоркским архиепископом, что, однако, не подтверждается английскими источниками. Достоверно известно лишь то, что именно Зигфрид крестил шведского конунга Олафа Шетконунга около 1008 г.

Говоря о Швеции, нельзя пройти мимо личности Осмунда — «некого епископа-схизматика»⁷ при дворе шведского конунга Эдмунда III Негодного, который вступил в противостояние с послами Гамбург-Бременского архиепископства и добился у конунга их изгнания. В научном сообществе до настоящего времени ведется полемика об его личности: одни исследователи склоняются к тому, что Осмунд был уппландским рунографом Асмундом Карасуном, другие полагают что он был православным священником, рукоположенным в Киеве, третья версия гласит, что Осмунд являлся представителем некоего «реформистского» крыла католической церкви, еще одна версия свидетельствует, что Осмунд мог быть представителем английской церкви⁸.

Проникновение христианства в Скандинавию проходило двумя путями: через Германию и через Британские острова. Первое направление смогло институализироваться раньше в виде Гамбург-Бременского архиепископства, за счет чего, по праву первого, оно рассматривало земли Скандинавии как сферу исключительно своего влияния. Британские миссионеры активно начинают проникать в Скандинавию лишь в конце X в. Это можно связать с тем, что сами скандинавские конунги видели в христианской религии способ к укреплению собственной власти, однако, опасаясь укрепления влияния германской церкви, они призывали священников из Англии. Это, в свою очередь, порождало недовольство Гамбург-Бременских архиепископов, которые имели большое влияние на императоров Священной римской империи и могли убедить их предпринять поход против скандинавов-язычников, что они и делали. Часто, дабы достичь компромисса, конунги и архиепископы шли на «соглашение» — конунги оставляли у себя английских священников, только если те соглашались принять верховенство над ними Гамбург-Бременской церкви.

Таким образом, англосаксонские миссионеры играли довольно важную роль в деле крещения Севера. Даже действуя под контролем Гамбург-Бременского архиепископства, они привели к христианству две страны Севера: Норвегию и Швецию, что, несомненно, является большим вкладом в дело христианизации Скандинавии.

⁷ Там же. С. 68.

⁸ Рыбаков В.В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008. С. 166

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алкуин*. Житие Святого Виллиброрда, архиепископа утрехтского. URL: <https://pravoslavie.ru/32751.html>
2. *Саксон Грамматик*. Деяния данов. В 2-х т. Т. 1. Книги I–X. М., 2017.
3. *Славянские хроники*. М., 2011.
4. *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. М., 1980.
5. *Рыбаков В.В.* Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008.
6. Швеция и шведы в средневековых источниках. М., 2007.

E.S. Ivanov

Minsk (Belarus)

Belarusian State University

THE ROLE OF ANGLO-SAXONS MISSIONARIES
IN CHRISTIANIZATION OF SCANDINAVIA

Based on a set of written sources, the article examines the role of Anglo-Saxon missionaries in the process of Christianization of Scandinavia. The study also made an attempt to establish what relations the representatives of the English church had with the Hamburg-Bremen Archbishopric. The chronological framework of the study affects the beginning of the VIII – mid XI centuries.

Keywords: Scandinavia, Christianity, Viking Age, Catholicism, Anglo-Saxons.

М.А. Несин
г. Санкт-Петербург (Россия)

АРХИМАНДРИТЫ ВЕЧЕВОГО ПСКОВА

Данная работа посвящена такой малоизученной теме, как архимандриты вечевого Пскова. Автор уточняет время первого упоминания псковских архимандритов и рассматривает все известия источников об архимандритах Псковской республики.

Ключевые слова: Псков, Псковская республика, архимандрит, наместник.

Данная работа является продолжением исследований архимандритов вечевого Новгорода¹ и посвящена архимандритам другого крупного и значимого города Новгородской епархии — «меньшого брата» В. Новгорода, Пскова, в период независимости.

Институт псковских архимандритов мало изучен. В историографии даже не выяснено, к какому времени относится наиболее раннее упоминание псковских архимандритов. В 1866 г. Макарий (Булгаков), пожалуй, первый исследователь, упомянувший о них в историографии, сослался на грамоту митрополита Фотия псковичам от 22 июня 1427 г, в числе адресатов которой фигурируют архимандриты². Однако последующие исследователи не приняли во внимание наблюдение предшественника и зачастую относили

¹ Несин М.А. К вопросу о времени возникновения в Новгороде должности новгородского архимандрита, и сочетаемости должностей архимандрита и игумена Юрьева монастыря в период Новгородской независимости // Европа в средние века и раннее новое время: общество. Власть. Культура. Материалы VI Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых. Ижевск, 4–5 декабря 2018 г. Ижевск, 2019; *Его же*. Архимандриты вечевого Новгорода // Novogardia. № 4. 2019.

² Макарий (Булгаков). История русской церкви. Т. 4. СПб., 1866. С. 212. При этом, однако, Макарий дал неверную ссылку на 58 стр. 1 тома «Актow исторических, собранных и изданных археографической комиссией». На ней архимандриты не упоминаются. Кроме того, Макарий не совсем точно отнес послания Фотия Псковичам второй половины 1420-х гг. к началу XV в.

учреждение псковской архимандритии к 1438 г., когда митрополит Исидор оставил в Пскове наместником местного архимандрита Геласия, дав ему судебные полномочия новгородского архиерея³. Разве что Т.В. Круглова рассматривала назначение псковского архимандрита Геласия митрополичьим наместником «не как создание особой архимандритии с функцией наместничества митрополита Киевского, а лишь как «изменение значения должности архимандрита», который теперь был подчинен власти митрополита и стоял во главе псковской церковной организации»⁴. Следует отметить, что из летописного упоминания новых полномочий псковского архимандрита Геласия никак не следует, что оно связано с учреждением самой архимандритии. Также было отмечено, что Макарий (Булгаков) обнаружил более раннее упоминание архимандрита в активном материале⁵.

По мнению А.Е. Мусина, архимандритов в Пскове не могло быть в 1267–1270 гг., поскольку Довмонта благословил на битву с ливонцами игумен Сидор, а «это достаточно красноречиво свидетельствует о том, что главой черного духовенства являлся игумен»; игумен Сидор «обычно связывается историографией со Спасо-Мирожским монастырем»⁶. Действительно, в некоторых списках Сказания о Довмонте, на которое сослался исследователь, Сидор назван игуменом этой обители⁷, что, впрочем, является недоразумением, поскольку согласно Сказанию, игумена «святого Спаса» звали Василием⁸. А Сидор благословлял князя Довмонта в главном псковском соборе Св. Троицы⁹. Не исключено, что Сидор был настоятелем этого храма. Поскольку Псков не имел своей кафедры и в церковном отношении подчинялся Новгороду, духовенство Троицкого собора (реже вместе с духовенством других значимых псковских храмов Свв. Софии и Николая) нередко выступало в митрополичьих посланиях в Псков на первом месте среди категорий псковского населения, занимая в Пскове более высокое положе-

³ *Никитский А.И.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873; в дальнейшем, не ссылаясь ни на Никитского, ни друг на друга, аналогичные выводы высказывали В.Л. Янин и А.Е. Мусин. *Янин В.Л.* Из истории высших государственных должностей в Новгороде // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 124; *Его же.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 148; *Мусин А.Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб., 2010. С. 286.

⁴ Цит. по: *Мусин А.Е.* Указ. соч. С. 286.

⁵ *Несин М.А.* Архимандриты вечевго Новгорода.

⁶ Цит. по: *Мусин А.Е.* Указ. соч. С. 270, 286.

⁷ Библиотека литературы древней Руси. Т. 6. СПб., 1999. С. 252.

⁸ Там же. С. 60.

⁹ Там же.

ние, чем архимандриты и игумены — высшие иерархи местного черного духовенства. Таким образом, указанный эпизод с Сидором не свидетельствует об отсутствии в Пскове архимандритов в XIII в.

Не исключено, что первое упоминание псковского архимандрита относится к 1331 г. — хиротонии новгородского архиепископа Василия Калики. В опубликованных В. Васильевским греческих записях о поставлении архиерея при митрополите Феогносте упоминается, что 25 августа 1331 г. на священном соборе при поставлении на новгородскую кафедру иеромонаха Василия были выдвинуты еще две кандидатуры — неких архимандрита Лаврентия и иеромонаха Афанасия¹⁰. В историографии иногда встречаются не подтвержденные источниками утверждения, что этот архимандрит Лаврентий — одно лицо с новгородским архимандритом Лаврентием, фигурирующим в новгородском летописании начиная с 1333 г.¹¹ Но поскольку согласно известию новгородского летописания Афанасий представлял псковское духовенство и стремился возглавить псковскую кафедру¹², возникает резонный вопрос — а с каким городом был связан архимандрит Лаврентий — с Новгородом или тоже с Псковом?¹³

¹⁰ *Васильевский В.* Записи о поставлении русских епископов при митрополите Феогносте в Ватиканском греческом сборнике // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Ч. 255. Февраль. С. 452.

¹¹ Иногда постулируется (*Мацуки Ейзо*. Избрание и поставление Василия Калики на новгородское владычество в 1330–1331 гг. // Великий Новгород в истории Средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М., 1998. С. 210; *Печников М.В., Турилов А.А.* Василий Калика // Православная энциклопедия. 2009. Т. 7. URL: <http://www.pravenc.ru/text/150805.html>), а порой — подкрепляется некорректными ссылками. Например, А.Е. Мусин в указанной монографии пишет, что «из акта избрания на новгородскую кафедру в 1331 г. известно, что среди баллотировавшихся в тот раз были архимандрит Лаврентий, очевидно, упоминающийся летописью в 1330-е гг. настоятель (!? — М.Н.) Юрьева монастыря в Новгороде»... и дает ссылку на статью В.Л. Янина об истории новгородских монастырей, в которой, однако, Янин не только не подтверждает этого, но и пишет нечто противоположное: «об архимандрите Лаврентие впервые сообщается под 1333 г.» (ср.: *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977; *Его же*. Монастыри средневекового Новгорода в структуре государственных институтов // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1999. С. 914; *Мусин А.Е.* Указ. соч. С. 277). Кстати, в новгородском летописании Лаврентий за 1330-е гг. не назван игуменом, а только архимандритом (Полное собрание русских летописей [Далее — ПСРЛ]. Т. 3. М., 2000. С. 99–100, 345, 349).

¹² ПСРЛ. Т. 3. С. 344.

¹³ *Несин М.А.* Указ. соч.

Наиболее раннее однозначное упоминание псковских архимандритов обнаружил Макарий (Булгаков) в послании митрополита Фотия псковичам 22 июня 1427 г. В своем послании Фотий, наряду со светскими и духовными категориями псковского населения, обращался к «архимандритомъ»¹⁴. Но первыми представителями духовенства, указанными в грамоте, являлись не архимандриты, а служители трех главных псковских церквей — Свв. Троицы, Софии и Николая¹⁵. Интересно, что архимандриты здесь указаны во множественном числе.

Следующий раз архимандриты упоминаются в послании митрополита Фотия псковским посадникам и духовенству от 4¹⁶ января 1430 г, и там они тоже фигурируют во мн. ч.¹⁷ Это не значит, что их было в Пскове несколько. В митрополичьих посланиях в Новгород новгородские архимандриты тоже упоминаются во мн. ч., хотя до нач. XVII в. там был только один архимандрит, глава Юрьева монастыря. Просто архиепископиям на Руси в церковном отношении подчинялись не только Новгородская и Ростовская земли, и помимо новгородских и ростовских архимандритов известны псковские и ярославские, и по этому митрополиты в своих посланиях к новгородским архиепископам это могли подчеркивать для того чтобы отличить их от епископов, у которых в епархии бывало по одному архимандриту¹⁸. Видимо, на входивший в состав новгородской епархии вечевой Псков эта традиция тоже распространялась.

В 6946 (1438) г. митрополит Исидор оставил в Пскове своего наместника архимандрита Геласия, дав ему полномочия, земли и печать новгородского владычного наместника¹⁹. Впрочем, этот прецедент уникален и специально отмечен новгородским хронистом²⁰. Про преемника Геласия, Григория, не сообщается, что он имел какие-либо архиерейские привилегии и не подчинялся новгородскому святителю. Видимо, полученные Геласием

¹⁴ Цит. по: Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841. С. 63.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В конце послания ясно указано, что «писана сия грамота на Москве месяца генваря въ 4 день», однако публикаторы почему-то датировали ее «прежде» этой даты (Там же. С. 67, 69). Полагаю, что такая датировка неправомерна, и документ надо датировать именно 4-м января 1430 г. — в полном соответствии с датой его написания, указанной в его заключительной части.

¹⁷ Там же. С. 67.

¹⁸ Несин М.А. Указ. соч.

¹⁹ Псковские летописи (Далее — ПЛ). Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 45; ПЛ. Вып. 2. М., 1955. С. 46, 133.

²⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 419.

полномочия были нонсенсом, достойным отдельного упоминания. Но они не могли долго оставаться у псковских архимандритов при условии сохранения Пскова в составе Новгородской епархии²¹. 7 августа 6948 (1440) г. в псковском пригороде Вороначе явилось чудо иконы Св. Николая — из левого уха стала течь кровь. Икону торжественно привезли в Псков 29 числа на день усекновения головы Иоанна Предтечи. В Пскове ее торжественно встретил архимандрит Геласий со всеми священниками²² (по Псковской I и III летописям — священниками трех соборов²³ — Свв. Троицы, Софии и Николая). Интересно, что и на этот раз священники трех соборов упоминаются перед архимандритом, хотя этот архимандрит был главным духовным лицом в Пскове, наместником самого митрополита с полномочиями прежних новгородских владычных наместников. В день Николы осеннего, 6 декабря 6949 (1440) г., митрополит Исидор отозвал из Пскова к себе архимандрита Геласия и на день св. Петра зимнего (16 января 1441 г) в Псков прибыл от Исидора новый наместник и архимандрит Григорий²⁴. Григорий, по-видимому, пользовался уважением в Пскове. Он оставался архимандритом и после того, как его покровитель митрополит Исидор вынужден был уехать в Литву. Летом 6950 (1442) г. он и священники трех соборов заложили церковь Похвалы Богородицы²⁵. Интересно, что Григорий вопреки традиции упомянут в летописании перед последними. Видимо, он в Пскове обладал особенно сильным авторитетом, хотя не был наделен Исидором такими полномочиями, как прежний псковский архимандрит Геласий. В указателе 2 выпуска Псковских летописей псковский архимандрит Григорий отождествлен с умершим зимой 1472/73 г. литовским митрополитом Григорием²⁶. Того же мнения придерживается А.Е. Мусин, хотя оговаривается, что это только гипотеза и предположение²⁷.

Позднее новгородский архиепископ тоже отправил в Псков своего ставленника, назначив его одновременно собственным наместником и псковским архимандритом. Только эта попытка кончилась неудачей.

Согласно Псковской II летописи, осенью 6994 (1485) г. новгородский архиепископ Геннадий Гонзов отправил в Псков архимандритом своего ставленника, новгородского игумена Евфимия, назначив его по совместительству своим наместником и велев переписать все псковские монастыри,

²¹ Несин М.А. Указ. соч.

²² ПЛ. Вып. 2. С. 46.

²³ ПЛ. Вып. 1. С. 45; ПЛ. Вып. 2. С. 46, 134.

²⁴ Там же.

²⁵ ПЛ. Вып. 1. С. 46; ПЛ. Вып. 2. С. 135.

²⁶ ПЛ. Вып. 2. С. 314.

²⁷ Мусин А.Е. Указ. соч. С. 287.

церкви и попов. Евфимий приехал в Псков в сопровождении владычного боярина по прозвищу Безсон. Но псковичи не приняли нового архимандрита: дело в том, что Евфимий происходил из Пскова, и в городе его помнили как «ларника» (хранителя «ларя» с государственными документами) по имени Есип (Иосиф), сделавшего много «зла» горожанам — по требованию Есипа было разорено много дворов псковичей. В конце концов, его самого приговорили к наказанию, но он бежал и постригся в монахи, очевидно, сменив имя и найдя себе пристанище в Новгороде²⁸. Но псковичи не забыли своего бывшего чиновника.

И Геннадию пришлось уступить псковичам. Может быть, он осознал, что их претензии резонны, а может быть, решил, что полностью задавить псковские вольности время еще не пришло. Это последнее упоминание архимандритов вечевого Пскова.

При изучении института архимандритов вечевого Пскова возникает больше вопросов, чем ответов. Когда он возник и с каким монастырем был связан? Являлись ли псковские архимандриты по совместительству игуменами той обители, или, по примеру Новгорода²⁹, не всегда одновременно совмещали эти должности? Ясно только, что псковские архимандриты, несмотря на то, что по чину были выше священников трех псковских соборов, как правило, занимали более низкое положение. Возможно, исключение составлял архимандрит Григорий, пользовавшийся, по-видимому, в Пскове большим авторитетом.

Список архимандритов вечевого Пскова

1. Лаврентий (?) — 1331 г.
2. ? — 1427 г., 1430 г.
3. Геласий — 1438–1440 гг.
4. Григорий — 1441 г., был на должности и летом 1442 г.
5. Евфимий — 1486 г. (не принят псковичами)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841.
2. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., 1999.

²⁸ ПЛ. Вып. 2. С. 68

²⁹ Несин М.А. К вопросу о времени возникновения в Новгороде должности новгородского архимандрита...; *Его же*. Архимандриты вечевого Новгорода.

3. *Васильевский В.* Записи о поставлении русских епископов при митрополите Феогносте в Ватиканском греческом сборнике // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Ч. 255. Февраль.

4. Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000.

5. Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941.

6. Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.

7. *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Т. 4. СПб., 1866.

8. *Мусин А.Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб., 2010.

9. *Несин М.А.* К вопросу о времени возникновения в Новгороде должности новгородского архимандрита, и сочетаемости должностей архимандрита и игумена Юрьева монастыря в период Новгородской независимости // Европа в средние века и раннее новое время: общество. Власть. Культура. Материалы VI Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых. Ижевск, 4–5 декабря 2018 г. Ижевск, 2019.

10. *Несин М.А.* Архимандриты вечаево Новгорода // *Novogardia*. 2019. № 4.

11. *Никитский А.И.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873.

12. *Печников М.В., Турилов А.А.* Василий Калика // Православная энциклопедия. 2009. Т. 7. URL: <http://www.pravenc.ru/text/150805.html>

13. *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977.

14. *Янин В.Л.* Монастыри средневекового Новгорода в структуре государственных институтов // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1999.

М.А. Nesin

St. Petersburg (Russia)

ARCHIMANDRITES OF VECHEVY PSKOV

This work is devoted to such a little-studied topic as archimandrites of Veche Pskov. The author clarifies the time of the first mention of the Pskov archimandrites and considers all the news from sources about the archimandrites of the Pskov Republic.

Keywords: Pskov, Pskov Republic, archimandrite, governor.

А.Л. Новосёлов
г. Казань (Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

СЕМАНТИКА «ЧУДА ОБ УМЕРШЕМ ОТРОКЕ» В СОФИЙСКОЙ ВТОРОЙ ЛЕТОПИСИ

В статье оценивается информативный потенциал «чуда об умершем отроке» 1460 г., читаемого в Софийской второй летописи. Интерпретация чуда базируется с одной стороны на текстологическом анализе жития Варлаама Хутынского, проведенном Л.А. Дмитриевым, с другой — на результатах изучения Софийской второй летописи, представленных в работах Я.С. Лурье и Б.М. Клосса. Анализ внутренних связей текста чуда 1460 г. с другими частями Софийской второй летописи и выявление в нем явных и неявных отсылок к вне-летописным источникам позволили установить основной замысел чуда: реальное доказательство возможности воскресения. На основе этого выдвигается гипотеза, что протограф Софийской второй и Львовской летописей, свод 1489 г., создавался как комплекс свидетельств чудес, направленный против ересей. Доказывается, что «чудо об умершем отроке» обладает эсхатологической окраской и может рассматриваться как свидетельство характера общественных настроений во второй пол. XV в.

Ключевые слова: чудеса, Софийская вторая летопись, Родион Кожух, ереси, эсхатология, московское летописание XV–XVI вв.

В Софийской второй летописи под 1460 г. помещено «Сказание чудеси великаго чудотворца Варлаама, новеешее чудо о умершем отроце», странное произведение митрополичьего дьяка Успенского собора Родиона Кожуха¹. Историки не уделяли должного внимания данному эпизоду, как и сюжетам о чудесах вообще. Подробный анализ «чуда об умершем отроке» провел литературовед Л.Д. Дмитриев². Соглашаясь с тем, что данное произ-

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 131–142.

² *Дмитриев Л.А.* Житийные повести русского севера как памятник литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 25–28.

ведение является выдающимся и своеобразным литературным памятником, хотелось бы оценить его информативный потенциал для историка.

Чудо воскресения отрока, постельника Василия II Григория Тумгана, произошло, по словам Родиона Кожуха, у гроба преподобного Вралаама Хутынского, главного новгородского святого. Вопрос о происхождении чуда 1460 г. разрешил Л.А. Дмитриев. Он показал, что первоначально оно было записано Кожухом вскоре после событий. Далее, в 1470-е гг. агиограф Пахомий Логофет переработал летописный рассказ и включил его в новую редакцию «Жития Варлаама Хутынского»³. Вне-агиографическое происхождение чуда о Тумгане, свободное отступление автора от житийных канонов, надо полагать, во многом определили его специфику и конъюнктуру.

Родион Кожух уверяет, что был свидетелем этого чуда⁴, чему вполне можно верить, т.к. его рассказ очень подробен и внимателен к деталям. Вероятнее всего, сказание о чуде было записано им сразу после событий. Само собой напрашивается предположение, что заказчиком был митрополит Иона, новгородец по происхождению. С другой стороны, в тексте немало внимания уделено Василию II и его сыновьям. Но исследование происхождения текста Софийской второй летописи (а сказание Кожуха есть только в ней и во Львовской летописи, в новгородских летописях — краткое сообщение), предпринятое Я.С. Лурье, показывает, что источник летописи — свод 1489 г., вышедший из митрополичьей среды⁵. В свою очередь, свод 1489 г. базируется на «Московском своде конца XV в., Сокращенном своде 1491 г., материалах митрополичьего архива, компиляции, включавшей Ермолинскую летопись типа Троицкой и Соф. I, и, наконец, оригинальном источнике, своеобразно освещавшем некоторые события 50-х — 80-х годов XV в.»⁶. Подробный анализ содержания позволяет предположить, что в свод 1489 г. сказание Кожуха попало благодаря своей тематике: чудо воскресения могло служить идеологическим аргументом на соборе 1490 г. против жидовствующих, которые отвергали веру в воскресение.

Перейдем к анализу содержания Сказания. Сюжет развивается по плану:

1. Прибытие Василия II в Новгород и тяжелая болезнь его постельничего Григория Тумгана.

³ Там же. С. 31.

⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 140.

⁵ Лурье Я.С. Независимый летописный свод конца XV в. — источник Софийской II и Львовской летописей // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27. Л., 1973. С. 164–165.

⁶ Клосс Б.М., Назаров В.Д. Летописные источники XV века о строительстве московского Успенского собора // История и реставрация памятников Московского Кремля. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 6. М., 1989. С. 30.

2. Явление во сне Григорию Варлаама Хутынского, призвавшего его в Хутынский монастырь для исцеления.

3. Смерть и воскресение отрока вблизи монастыря.

4. Рассказ Григория о загробном мире.

5. Похвала Варлааму Хутынскому.

Литературный стиль Родиона Кожуха, судя по другим его произведениям, также вошедшим в состав свода 1489 г., предполагает плотное, насыщенное деталями изложение событий. Ему свойственен частый отход от агиографических клише. Однако основным способом передачи смысла произошедшего чуда и его оценки является характерный для древнерусских книжников прием: отсылка к авторитетным текстам Священного Писания и другим церковным произведениям.

Среди явных источников, которыми пользовался Кожух при написании чуда, следует отметить «Житие семи отроков Эфесских». В этом произведении рассказывается о т.н. семи эфесских отроках, христианских мучениках, убитых в III в. по приказу императора Деция. Из жития известно, что в V в. во время правления Феодосия Младшего отроки воскресли. Произошло это потому, что в это время в Церкви бытовала ересь, отрицающая воскрешение мертвых. Феодосий молил Бога явить истину. За веру императора, бог явил чудо воскрешения⁷.

Об этих событиях из жития эфесских отроков и вспоминает Кожух в тексте чуда: «Яко же и в прежебышая лета сдеяся чюдо дивное, яко благочестия ради и веры великаго царя Феодосия воздвиже богъ семь отрок, почивших 300 и семьдесят и два лета, скрывшихся о злаго мучителя Декия царя во Ефесе граде»⁸. Далее он продолжает, что и «сего отрока», т.е. Григория Тумгана, Бог исцелил через Варлаама во имя веры великого князя⁹.

Аналогии, проводимые Родионом Кожухом в этом примере, вскрывают политическую ангажированность автора: чудо о Тумгане интерпретируется как событие, произошедшее по вере Василия II.

Кроме того, эта отсылка выводит на возможную цель включения чуда в состав свода 1489 г. Дело в том, что в источнике Софийской второй и Львовской летописей насчитывается более десяти чудес, некоторые из которых весьма пространны. Учитывая этот факт и принимая во внимание митрополичье происхождение свода 1489 г., можно заключить, что его текст готовился как программное произведение Церкви в борьбе с еретиками. Осуждение ереси жидовствующих, которые скептически относились к яв-

⁷ *Иеромонах Макарий Симонопетрский*. Синаксарь: Жития святых Православной Церкви. URL: <https://pravoslavie.ru/55460.html>

⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 138–139.

⁹ Там же.

лению чудотворения, являлось актуальной повесткой для Церкви в конце XV в. Чудо о Тумгане, содержащее прямую отсылку к эфесским отрокам, должно было тем самым засвидетельствовать реальность воскресения.

Обратимся к неявным источникам текста чуда 1460 г. С большой вероятностью можно предположить, что эпизод чуда, в котором рассказывается о загробном суде души Тумгана, связан с «Житием Василия Нового». Исследователь жития Василия Нового и его древнерусских редакций С.Г. Вилинский отмечал, что «причиной интереса к Житию и распространенности его следует считать не житийный элемент, а содержащиеся в эпизодах Хождения Феодоры и видения Григория сведения эсхатологического характера»¹⁰. Описание мытарств Феодоры в житии Василия Нового и сцена загробного суда над душой Григория в чуде Кожуха содержат ярко выраженные сюжетные и стилистические сходства.

*Житие Василия Нового*¹¹

а бо егда приближихся к концу жития моего, видехъ се приидоша множество ефиопъ ко одру моему и молвы творяще и мятежи яко изуворъ образно взирающе на мя искривлены имуще лица и разращенны очи кровавы и черны паче смолы, и всякими образы устрашающе мя и похитити тщащеса, и к себе присвоюще мя и многа велика бремена принесоша написана на хартиях, и вся, иже от юности моя издеянная мною, отвивающи готовляху харатия, яко некоего одесную чающе приити. азъ же, сихъ зрящи, велми устрашихся и до конца конца изнемогохъ... (с. 757).

Софийская вторая летопись

... но сие видехъ при ногах моихъ стоящих некоторых множество тмообразных сицевъ и притужающе ми, их же не бе числа. Един же от темных держа в руку свиток великъ и рече: Зде суть написана дела его; и нача прочитати в нем написаная вся злая моя дела и помышления, еже здеяхъ от юности моеа. Аз же ничто же с ним смеяхъ противу рещи. Он же вся прочиташе, и о чемъ покаянна положих, та вся у нихъ заглаживаются на свиткахъ, а иная еще не загладятся, они же вельми притужаху ми о сихъ. Аз же от нихъ страхом одержим быхъ... (стб. 136).

Таким образом, чудо 1460 г. носит эсхатологический характер. Автор прямо в конце пишет, что создал это сказание «в последние времена, чтобы в последнем роду нашем просияла слава чудотворца»¹².

¹⁰ Вилинский С.Г. Житие св. Василия Новаго в русской литературе. Ч. 1. Исследование. Одесса, 1913. С. 320.

¹¹ Цит. по: Вилинский С.Г. Житие св. Василия Новаго в русской литературе. Ч. 2. Тексты жития. Одесса, 1911.

¹² Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 140.

Как уже отмечалось выше, в 1470-е гг. знаменитый агиограф и автор второй редакции жития Варлаама Хутынского Пахомий Логофет дополнил свой труд чудом о воскресении отрока. Опираясь на летописную версию, Пахомий Логофет сохранил основную последовательность событий чуда, однако исключил акцент на эсхатологию (нет сентенции про «последние времена») и убрал отсылку к житию Эфесских отроков¹³. Агиограф добавил примеры из Священной истории подобных чудес, демонстрируя тем самым, что цель его жития — прославить Вралаама, подтвердить повторение Священной истории. Если чудо 1460 г. в варианте Кожуха содержит глубокий и очень острый идеологический подтекст, то у Логофета он сводится к минимуму в целях адаптации жития Варлаама для богослужения.

Таким образом, «чудо об умершем отроке» 1460 г. в Софийской второй летописи является важным и ценным историческим источником. Во-первых, оно представляет собой яркий пример общественно-политической мысли второй пол. XV в. В произведении Родиона Кожуха нашла свое отражение московско-новгородская идеологическая борьба, накал которой сглаживается тем, что новгородский святой исцеляет москвича. Во-вторых, чудо о Тумгане наравне с другими чудесами Софийской второй и Львовской летописей позволяет пролить свет на активную летописную работу при митрополичьем дворе в Москве, одной из задач которой была борьба с ересью. В-третьих, эсхатологический характер чуда фиксирует общественные настроения накануне Конца Света, который ожидался в 1492 г. Наконец, несомненный литературный талант автора чуда о Тумгане Родиона Кожуха, его скрупулезность и подробность в описании деталей позволяет пролить свет на восприятие болезней: он подробно описал не только недуг отрока Григория, но и его эмоциональное состояние, переживание своей болезни. Последнее делает сказание Кожуха полезным источником для историков медицины.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вилинский С.Г.* Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 2. Тексты жития. Одесса, 1911.
2. Житие преподобного Варлаама Хутынского // Великие Минеи Чети, собранные Всероссийским Митрополитом Макарием. Ноябрь. Вып. 7. Дни 1–12. СПб., 1897.

¹³ Житие преподобного Варлаама Хутынского // Великие Минеи Чети, собранные Всероссийским Митрополитом Макарием. Ноябрь. Вып. 7. Дни 1–12. СПб., 1897. Стб. 215–222.

3. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. М., 2001.
4. *Вилинский С.Г.* Житие св. Василия Новаго в русской литературе. Ч. 1. Исследование. Одесса, 1913.
5. *Дмитриев Л.А.* Житийные повести русского севера как памятник литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973.
6. *Иеромонах Макарий Симонопетрский.* Синаксарь: Жития святых Православной Церкви. URL: <https://pravoslavie.ru/55460.html>
7. *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Летописные источники XV века о строительстве московского Успенского собора // История и реставрация памятников Московского Кремля. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 6. М., 1989.
8. *Лурье Я.С.* Независимый летописный свод конца XV — источник Софийской II и Львовской летописей // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27. Л., 1973.

A.L. Novoselov

Kazan (Russia)

Kazan (Volga region) Federal University

THE SEMANTICS OF THE MIRACLE OF THE DECEASED LAD IN THE SOFIA II CHRONICLE

The article assesses the informative potential of the “miracle of the deceased youth” of 1460, read in the Sofia Second Chronicle. The interpretation of the miracle is based, on the one hand, on the textological analysis of the life of Varlaam Khutynsky by L.A. Dmitriev and, on the other hand, on the results of the study of the Sofia Second Chronicle presented in the works of J.S. Lurieu and B.M. Kloss. The analysis of internal connections of the text of the miracle of 1460 with other parts of the Sofia Second Chronicle and revealing in it explicit and implicit references to the extra-letter sources allowed to establish the main idea of the miracle — the real proof of the possibility of resurrection. On the basis of it the hypothesis is put forward that the protographer of Sofia II and Lvov annals, the vault of 1489, was created as a complex of evidence of miracles directed against heresies. It is proved that the “miracle of the dead youth” has an eschatological color and can be considered as evidence of the character of public moods in the second half of the XV century.

Keywords: miracles, Sofia Second Chronicle, Rodion Kozhukh, heresies, eschatology, Moscow chronicle of XV–XVI centuries.

А.В. Ушаков
г. Великий Новгород (Россия)
Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
МИТРОПОЛИТА ИОСИФА БОЛГАРИНОВИЧА
И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА КАЗИМИРОВИЧА
В КОНТЕКСТЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЛИТВЫ
НА РУБЕЖЕ XV–XVI ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ
ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ**

Конфессиональная политика в Великом княжестве Литовском на рубеже XV–XVI вв. — явление крайне противоречивое. Во главе проводимой политики стоял митрополит Иосиф Болгаринович, за которым закрепилось клеймо изменника православию. Его деятельность на посту митрополита отвечала запросам великого князя Александра Казимировича, но не была столь бескорыстной, насколько ее привыкли видеть исследователи данного вопроса. Материалы Литовской Метрики дают возможность понять, что взаимоотношения великого князя и митрополита были взаимовыгодными.

Ключевые слова: Иосиф Болгаринович, Великое княжество Литовское, православие, уния.

С именем митрополита Иосифа Болгариновича связана третья попытка введения унии в Великом княжестве Литовском (Далее — ВКЛ), закончившаяся неудачей¹. Г.Я. Киприанович прямо называет его изменником православию², видимо, опираясь на Первую Софийскую летопись³. Более взвешенную точку зрения можно найти у Н.В. Трофимовского, который приводит ряд положений, по которым митрополит предстает защитником Церкви, истребовавшим у великого князя известную автономию духовной

¹ *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Т. 9. СПб., 1879. С. 94.

² *Киприанович Г.Я.* Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. Минск, 2006. С. 85.

³ Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийская Первая летопись. СПб., 1853. С. 45.

власти в ВКЛ⁴. Стоит предположить, что митрополит Иосиф, отправляя великокняжескую конфессиональную политику в Литве, стремился извлечь из своего положения максимальную выгоду для себя и для клира, а не был исключительно «послушным исполнителем “заказа” унии», коим его считает А.В. Карташев⁵, с которым в свою очередь полностью соглашается В. Боровой⁶.

В конце XV в. ВКЛ оказалось в тяжелой геополитической ситуации. Обострение отношений с Московской Русью, Молдавией, Венгрией привело к необходимости поиска союзников, способных оказать финансовую поддержку государству в случае возможной войны. В связи с этим А.Л. Хорошкевич пишет о формировании очередной антигеллонской коалиции⁷. Союзник был найден в лице римского папы Александра VI, с которым великого князя Александра Казимировича связывала небольшая переписка. Рим видел в ВКЛ потенциального защитника Европы от турецкой угрозы и к тому же — плацдарм для распространения католичества в Восточной Европе. Известно две письма папы Александра VI к князю Александру Казимировичу, в которых тот требует скорейшего склонения великой княгини Елены к католичеству, предполагая ослабление позиций православия в ВКЛ⁸. Но шестью годами ранее при сватовстве Александр Казимирович обещал Ивану Васильевичу, что не будет принуждать жену свою к католичеству⁹. В то же время конфессиональная политика ВКЛ в указанной период отличалась притеснением православия и насаждением католичества и проводилась от лица митрополита Иосифа Болгариновича. На острие деятельности Иосифа оказалась именно великая княгиня Елена, с которой митрополит вел продолжительные беседы на тему религии. Именно в несоблюдении условий брачного договора С. Гербенштейн видит повод к войне, которую Иван III начал против своего зятя в 1500 г.¹⁰ При этом А.В. Карташев приводит слова Ивана Сапеги, утверждавшего, что сам великий князь Александр к католичеству жену

⁴ Трофимовский Н.В. Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864. С. 84.

⁵ Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви // Собр. соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1992. С. 559.

⁶ Боровой В. Судьбы Флорентийской унии в Польше и Великом княжестве Литовском (в Белоруссии и на Украине) // Церковь и время. 2018. Т. 82. № 1. С. 90.

⁷ Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI веков. М., 1980. С. 95.

⁸ Theiner A. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. Romae, 1861. P. 266–267.

⁹ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической Комиссией. Т. 1. СПб., 1846. С. 137.

¹⁰ Герберштейн С. Записки о Московии. СПб., 1866. С. 20.

свою не принуждает¹¹. Но в свою очередь известно письмо подьячего Федора Шестакова и, по его мнению, в митрополита Иосифа «*дьявол вселился*»: он заставляет великую княгиню принять католицизм и хочет всех православных Литвы крестить по католическому обряду¹². Иван Сапега, по всей видимости, был прав: его мнение подтверждает сама великая княгиня Елена в письме матери, говоря о том, что никаких притеснений в браке со стороны мужа нет¹³. Таким образом складывается определенная система взаимоотношений между Александром Казимировичем и Иосифом Болгариничем: проводимая митрополитом конфессиональная политика, ориентированная на введение унии, была необходима Александру в связи со сложившейся геополитической ситуацией. При этом самолично проводить ее он не мог — это осложнило бы отношения с тестем. Митрополит Иосиф был нужен Александру, но вряд ли их взаимоотношения были выгодны лишь одной из сторон.

До избрания на пост митрополита в Литовской Метрике епископ Иосиф фигурирует лишь единожды — в 1494 г.¹⁴ Великий князь Александр Казимирович отвечает на его прошение и требует невмешательства со стороны светских властей в церковные дела, упоминая при этом смоленского наместника¹⁵. Суд над служителями церкви могли отправлять только церковные иерархи. Также великий князь подтверждает право смоленского епископа призывать иностранцев для службы и селить их на церковных землях, которые были пожалованы смоленскому епископату великим князем Казимиром с двадцатью крестьянами для работ¹⁶. За три года до избрания на митрополичью кафедру епископ Иосиф заявляет о себе, как о защитнике интересов церкви, демонстрируя себя при этом хватким феодалом.

Привилей владыке Иосифу от 17 марта 1497 г. определяет отношение смоленской паствы к своему епископу. Александр Казимирович отмечает, что жители Смоленска не раз били челом с просьбой дать в управление епископа сто двадцать человек для работ на благо Пречистенского храма и поселить их на землях епархии, чтобы жили они там, не платя налогов¹⁷.

¹¹ *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. С. 565.

¹² Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической Комиссией. Т. 1. СПб., 1846. С. 177.

¹³ Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.

¹⁴ Русская историческая библиотека (Далее — РИБ). Т. 27. СПб., 1910. С. 528–530.

¹⁵ Там же. С. 528.

¹⁶ Там же. С. 529.

¹⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1(6). Собрание документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской Метрики. СПб., 2012. С. 149.

И великий князь повелевает наместнику исполнить указанную просьбу. Со словный состав просящих достаточно широк: князья и бояре, окольниковы, городской староста, смоленские мещане¹⁸. По всей видимости, Иосиф Болгаринович добился уважения среди разных слоев прихожан и те отвечали благодарностью за его труды.

В тот же день митрополит Иосиф получает привилей на право устроить свою резиденцию в селе Чуриловичи с крестьянами и двором на землях епархии. При этом он жалуется Александру на князей Горских, которые охотятся в его угодьях и более того — не дают ему возможности там обосноваться. Приехав в Смоленск, Александр Казимирович разбирает эту тяжбу в пользу митрополита, запретив князьям Горским охотиться в пределах вотчины Иосифа, указывая на то, что митрополит имеет право распоряжаться своими владениями так, как ему заблагорассудится¹⁹. Двумя годами позднее ситуация повторяется. Иосиф снова бьет челом Александру относительно того, что князья Горские «ему великие кривды поделали в имени его церковном»²⁰. Князья продолжали охотиться в его угодьях, не давали пользоваться дорогой до Смоленска и ремонтировать мост на той дороге. Александр вновь вступает за митрополита и требует уплатить за повторное нарушение штраф в размере двухсот рублей²¹.

13 апреля 1497 г. великий князь Александр разбирает очередную тяжбу с участием митрополита Иосифа. Некий мещанин Карп Моточкович претендует на владение Дедковским садом, перешедшим ему после смерти смоленского епископа Иоакима²², предшественника Иосифа²³. Смоленский наместник указывает на то, что Иоаким не мог завещать Карпу указанный сад, так как сам им не владел. В то же время у Иосифа Болгариновича имеется купчая на сад на имя боярина Пахома, у которого Иосиф и купил этот сад. Таким образом, претензии Карпа Моточковича были признаны несостоятельными и Дедковский сад остался во владении действующего митрополита.

Грамотой от 6 октября 1497 г. Александр Казимирович признает покупку села Ярковичи владыкой Иосифом «в дворянина нашего Федора Шостова»²⁴. Должно быть, митрополита поддерживала и формирующаяся

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 152.

²⁰ Там же. С. 201.

²¹ Там же. С. 203.

²² РИБ. Т. 27. С. 672.

²³ Трофимовский Н.В. Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864. С. 83.

²⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1(6). С. 162.

литовская шляхта. Спустя два года Иосиф продает Ярковичи и покупает село Ханютино, которое Александр жалует ему в вечное владение с правом продать, подарить и приписать к церкви²⁵. Примечателен тот факт, что село Ярковичи Иосиф продал смоленскому боярину Богдану Григорьевичу и у него же купил село Ханютино, следовательно, сделка была взаимовыгодной и в плане землевладения между светским и церковным феодалом большой разницы не было.

26 марта 1499 г. Александр Казимирович жалует митрополиту Иосифу пустые земли — Матюнинское, Перегудовское и Козычину — в пожизненное владение и приписывает к Иосифу для плотницкой службы человека по имени Зенька с семьей и братьями²⁶.

М.Г. Долгая справедливо указывает на то, что в ВКЛ Православная церковь активно наследует за светскими феодалами²⁷. 29 марта 1499 г. великий князь Александр подтверждает, что Сысоевские бортные земли и село Волньных переходят во владение Иосифа Болгариневича и смоленской епархии после смерти боярина Андрея Сытого, завещавшего указанные земли Пречистенской церкви²⁸.

Грамота Александра Казимировича от 6 апреля 1499 г. сообщает о другом церковном владении Иосифа Болгариневича — имении на Соце. Митрополит жалуется, что князь Юрий Шишовский нарушает границы его имения и просит соблюдать решение князя Олехно Глазынича и пана Богдана Сопеги, полюбовно размежевавших соседних феодалов. Более того — люди князя Шишовского грабят и бьют крестьян митрополита на дороге и однажды выкрали у него коней и скот. Александр Казимирович приводит в грамоте ответные слова князя Шишовского, но все же признает его виновным и обязывает его возместить убытки митрополиту в размере ста рублей²⁹.

Ко всему вышеперечисленному стоит добавить подтверждение «свитка Ярослава» грамотой от 20 марта 1499 г., жалованной Александром Казимировичем митрополиту Иосифу. По данному указу представители светской власти не только не могли вмешиваться в судебную систему Православной церкви, но и оставляли претензии на церковные финансы и имуще-

²⁵ Там же. С. 200.

²⁶ РИБ. Т. 27. С. 746–747.

²⁷ Долгая М.Г. Некоторые аспекты правового регулирования имущественного положения православной церкви в ВКЛ до сер. XVII в. // Христианское чтение. № 4. С. 129.

²⁸ РИБ. Т. 27. СПб., 1910. С. 750–752.

²⁹ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1(6). С. 203–204.

ство³⁰. Иосиф добивается полной автономии церкви от вмешательства в ее дела представителей светской власти.

Проводимая Александром Казимировичем конфессиональная политика в Литве нуждалась в представителе Православной церкви, который будет полностью ее поддерживать, от чьего лица, собственно, она и будет проводиться. Таким человеком стал смоленский епископ Иосиф Болгаринович, за которым закрепился статус изменника православию. Материалы Литовской Метрики дают возможность понять, что сотрудничество великого князя и митрополита было взаимовыгодным. Александр Казимирович щедро предоставлял Смоленской епархии все новые земли в вечное владение, жалобы митрополита Иосифа на притеснения со стороны соседних феодалов разрешались исключительно в пользу митрополита, Православная церковь в Литве при нем получила солидные привилегии. Иосиф Болгаринович отнюдь не был послушным исполнителем княжеской воли: он действовал крайне расчетливо и умело пользовался всеми выгодами своего положения, что характерно для деятельного средневекового представителя церкви: политика и феодала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической Комиссией. Т. 1. СПб., 1846.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1(6). Собрание документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской Метрики. СПб., 2012.
3. *Герберштейн С.* Записки о Московии. СПб., 1866.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 6. СПб., 1853.
5. Русская историческая библиотка. Т. 27. СПб., 1910.
6. Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882.
7. *Theiner A.* Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. Romae, 1861.
8. *Боровой В.* Судьбы Флорентийской унии в Польше и Великом княжестве Литовском (в Белоруссии и на Украине) // Церковь и время. 2018. Т. 82. № 1.
9. *Долгая М.Г.* Некоторые аспекты правового регулирования имущественного положения православной церкви в ВКЛ до сер. XVII в. // Христианское чтение. 2011. № 4.
10. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви // Собрание сочинений в 2-х т. Т. 1. М., 1992.

³⁰ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической Комиссией. Т. 1. СПб., 1846. С. 189–192.

11. *Киприанович Г.Я.* Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. Минск, 2006.
12. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Т. 9. СПб., 1879.
13. *Трофимовский Н.В.* Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864.
14. *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI веков. М., 1980.

*A.V. Ushakov
Veliky Novgorod (Russia)
Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University*

RELATIONSHIPS BETWEEN METROPOLITAN JOSEPH BOLGARINOVICH
AND GRAND DUKE ALEXANDER KAZIMIROVICH IN THE CONTEXT
OF LITHUANIAN CONFESSIONAL POLICY AT THE TURN
OF THE XV–XVI CENTURIES ON MATERIALS
OF THE LITHUANIAN METRICA

Lithuanian confessional policy at the turn of XV–XVI centuries is a quite controversial phenomenon. Metropolitan Joseph Bolgarinovich has been at the head of the policy who was called an orthodox abjurer. His guidance as a metropolitan responded the Alexander Kazimirovich's needs but it was not as selfless as it used to be supposed by researchers on this question. The materials of the Lithuanian metric gives an opportunity to recognize that relationships between the grand duke and metropolitan were mutually beneficial.

Keywords: Joseph Bolgarinovich, Grand Duchy of Lithuania, Orthodoxy, union.

В.А. Якунина
г. Великий Новгород (Россия)
Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого

ГЕНРИХ ФОН ХОЕНБЕРГ: К ВОПРОСУ О РОЛИ НАЕМНИКОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В ЛИВОНИИ XV В.*

В борьбе за власть в Ливонской конфедерации ландсгерры стремились к наращиванию военной мощи, хотя фактически этим правом обладал лишь Орден. Епископы и архиепископы прибегали к помощи наемников, всячески стараясь легитимировать данное право. Статья посвящена вопросу роли наемнических войск и их командиров в событиях последней трети XV в. — борьбе Ливонского ордена с Рижским архиепископством за власть.

Ключевые слова: Генрих фон Хоенберг, Сильвестр Штодеवेशер, Берндт фон дер Борх, Старая Ливония, наемничество.

Говоря о Старой Ливонии (*Alt-Livland*) необходимо понимать, что это история сложных взаимоотношений четырех ландсгерров: отделения Тевтонского ордена в Ливонии (Ливонского ордена), Рижского архиепископства, епископств Дерптского (Тартуского) и Эзель-Викского (Саареляэненского)¹. В отличие от архиепископов и епископов, являющихся лицами духовными, орден — это мощная корпорация, обладающая одновременно и светскими и духовными привилегиями. Уже в нач. XV в. начинается борьба между ландсгеррами за распределение светской власти и прерогатив (*Herrschaft*)². Эта вражда являлась неотъемлемой частью истории региона вплоть до гибели ливонского государственного сообщества в 1558–1562 гг.³

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 19-18-00183.

¹ Бессуднова М.Б. Россия и Ливония. М., 2015. С. 53.

² Jähnig B. Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seiner Herrschaft in Livland. Berlin, 2011. S. 52–53, 80.

³ Баранов А. Магистр Ливонского ордена Бернд фон Борх и Псковская земля в контексте ливонских внутривосточных отношений (1471–1474) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2013. Вып. 58. С. 134; Jähnig B. Verfassung und Verwaltung... S. 12–57, 76–98.

Ливонские магистры стремились ограничить влияние епископата, поднимая вопрос секуляризации духовной власти в пользу Ордена. Епископы же, заявляя, что Орден не выполняет своей прямой функции (их защиты), стремились расширить свои светские полномочия и обеспечить себе мощную военную поддержку и обширные земельные владения.

Законами Ливонии использование наемных войск кем-то кроме Ордена было запрещено, т.к. Ливонский магистр являлся одновременно и главнокомандующим объединенных вооруженных сил Ливонии⁴ и, в случае серьезной опасности, имел право объявить мобилизацию («право первого послания»), а затем и всеобщее военное выступление («право второго послания»)⁵. Право принимать наемные войска на службу также принадлежало только магистру. Однако стремление епископов к усилению собственной власти заставляло их изыскивать способы легитимизации присутствия у них военных отрядов. Единственной законной возможностью обладать неким военным потенциалом для епископов был вассалитет. Однако нарушение вассальных обязательств в пользу Ордена было достаточной распространенной практикой в Ливонии⁶: зачастую вассалы руководствовались не своими обязательствами, а прямой выгодой⁷, поэтому, ищущие «надежной» поддержки, или, как минимум, контролируемой, архиепископы и епископы стремились к помощи наемных войск.

Орден же в XV в. не только не нуждался в наемниках, т.к. внешняя угроза не была столь сильной как стремились показать магистры, но и не мог позволить себе этого не мог по целому ряду причин, основной из которых, пожалуй, было то, что обращение Ордена к наемникам могло быть воспринято как признание его «профнепригодности» и ставило бы под вопрос смысл его существования. Возникнув как военная и духовная организация одновременно, Орден должен был бороться с врагами веры самостоятельно, не возлагая эту священную миссию на других.

Вопрос отношения к наемникам в Ливонии и их роли в политической борьбе можно проследить на событиях последней трети XV в. — борьбе Ливонского ордена с Рижским архиепископством за власть, в ходе которой епископства, города и вассалы постоянно лавировали между противоборствующими

⁴ Бессуднова М.Б. Россия и Ливония. М., 2015. С. 84.

⁵ *Sennig A.* Beiträge zur Heeresverfassung und Kriegsführung Altlivlands zur Zeit seines Untergangs. Jena, 1932. S. 120.

⁶ LEKUB 13. № 750. S. 688–690; *Kroeger G.* Erzbischof Silvester Stodewescher und sein Kampf mit dem Orden um die Herrschaft über Riga // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Bd. 24. Riga, 1930. S. 273.

⁷ Бессуднова М.Б. Россия и Ливония. С. 62.

щими сторонами. Следует отметить, что преимущественное число наемников в Ливонии было из Богемии⁸ и Швеции. При этом следует понимать, что богемцами называли не только выходцев с территорий Чехии, но и любых других наемников. Однако отношение к наемникам было принципиально различным: шведы воспринимались как равные соперники/союзники, движимые политическими интересами, пусть и противоречащими интересам ливонцев; богемцы же воспринимались как слуги, разбойники, беспринципные наемники, преследующие лишь финансовую выгоду и не знающие ничего о чести.

В 1448 г. архиепископом стал священник Тевтонского ордена Сильвестр Штодеवेशер (1448–1479 гг.) и, согласно Кирхгольмскому договору (21 августа 1452 г.), установил двойное господство (Ливонского ордена и архиепископа) над Ригой⁹. Весьма раздраженный переходом Риги на сторону магистра, поскольку считал себя единственным законным сеньором города, он начал искать союзников, отправив письма в Швецию архиепископу Упсалы Якобу Ульфссону и регенту Свену Стуре¹⁰, верховному магистру в Пруссию¹¹, епископу Дерпта, папе римскому Сиксту IV, а также в Литву, Данию и города Ганзы, требуя помощи и защиты в борьбе с орденом¹².

К 1477 г. ситуация накалилась настолько, что Рижский архиепископ предаёт анафеме Орден и город Ригу¹³, а уже в конце 1478 г. Сильвестр Штодеवेशер отправляет Генриха фон Хоенберга, выходца из Богемии и предводителя армии наемников, в Швецию, чтобы ратифицировать союз с рейхсратом¹⁴. Попытка, год назад не увенчавшаяся успехом¹⁵, на этот раз

⁸ *Арбузов Л.* Очерки истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912. С. 106.

⁹ *Arbusov L.* Grundris der Geschichte Liv-, Est-, und Kurland. Mitau, 1890. S. 91; *Kroeger G.* Erzbischof Silvester Stodewescher... S. 172–173, 176.

¹⁰ *Schirren C.* Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken. Dorpat, 1861–1868. № 504. S. 142; *Kroeger G.* Erzbischof Silvester Stodewescher... S. 234; *Баранов А.* Магистр Ливонского ордена Бернд фон Борх и Псковская земля в контексте ливонских внутривосточных отношений (1471–1474) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2013. Вып. 58. С. 136.

¹¹ LEKUB 13. № 127. S. 137–138.

¹² LEKUB 13. № 636. S. 570–589; *Kroeger G.* Erzbischof Silvester Stodewescher... S. 234.

¹³ LEKUB 13. № 551; *Kroeger G.* Erzbischof Silvester Stodewescher... S. 259.

¹⁴ *Monumenta Livoniae antiquae.* Riga; Leipzig, 1847. S. 39–40; LEKUB 13. № 710. S. 639–641; № 575. S. 525–528.

¹⁵ *Kroeger G.* Erzbischof Silvester Stodewescher... S. 269.

удалась¹⁶. Шведы заключили с Рижским архиепископом альянс, и уже до Рождества 1478 г. в Салис вошли 5 шведских кораблей во главе с капитаном Борхардом Хансеном¹⁷. Магистр Ливонского ордена Берндт фон дер Борх немедленно принял контрмеры — блокировал шведам переход через Кокенхузен и объявил ультиматум: если войска не очистят Салис, то он объявит им файду¹⁸.

Стараясь оправдать свои действия, Сильвестр Штодевешер объявил Ливонскому магистру, что он не имеет отношения к шведской интервенции, однако готов провести их через Ливонские земли, чтобы выступить против русских земель и остановить «русскую угрозу»¹⁹. Естественно, это был лишь предлог, чтобы позволить шведам занять стратегически важные точки страны. Разгадав намерения архиепископа, магистр отклонил это предложение²⁰. Шведы, чьих сил было недостаточно для наступления, оказались изолированы в Салисе. В поисках помощи Борхард Хансен решил связаться с гильдиями в Риге, но потерпел неудачу — рижане не хотели ничего знать о наемниках на своих территориях²¹.

По инициативе Сильвестра прелаты и рыцари были вызваны в Роннебург в конце января²². При этом архиепископ повелел рижскому рыцарству отказаться от своего соглашения с немецким орденом об оккупации крепости Салис²³. Примерно в это же время Борх собрался с ландтагом в Вендене, где рассказал, как архиепископ всячески нарушает положения о мире и даже призвал шведов в страну и попросил сословия оказать ему помощь и содействовать всеми силами в борьбе с интервентами²⁴. Учитывая, что шведы действительно были в стране, сословия единогласно заявили, что принимают сторону магистра.

Добившись поддержки гебитигеров, Борх мог взяться за оружие. Он дал понять прелатам, собравшимся в Ронненбурге, что не будет вести с ними переговоры до тех пор, пока не будут выполнены его условия. Магистр требовал, что бы шведы, угрожавшие мирной ситуации в землях Ордена,

¹⁶ LEKUB 13. № 710. S. 639–641.

¹⁷ Monumenta Livoniae antiquae. S. 39–40; LEKUB 13. № 750. S. 688–690.

¹⁸ LEKUB 13. № 710. S. 639; *Kroeger G. Erzbischof Silvester Stodewescher...* S. 269.

¹⁹ *Kroeger G. Erzbischof Silvester Stodewescher...* S. 269.

²⁰ LEKUB 13. № 710. S. 640.

²¹ Ibid.

²² LEKUB 13. № 716. S. 648–649.

²³ LEKUB 13. № 719. S. 650–653.

²⁴ LEKUB 13. № 716. S. 648–649; *Höhlbaum K. Urkundliche Beiträge zur Geschichte Livlands im 15. Jahrhundert. Dorpat, 1873. S. 14.*

были высланы из страны (как только позволит погода на море), а богемский слуга Сильвестра — Генрих фон Хоенберг, передан ему для справедливого суда²⁵. Также Борх объявил ложью заявление о том, что шведы в Салисе были послами с мирными намерениями²⁶. В качестве доказательства этого утверждения он привел письмо Эриха Аксельсона, адресованное судебному приставу в Нарве, в котором прямо упоминается посольство Хоенберга в Швеции и враждебные намерения Сильвестра и Рейхсрата, на которых оно основывалось²⁷. Напрасно Сильвестр Штодеवेशер вновь говорил о мирных и доброжелательных заявлениях шведов, напрасно он снова предложил провести их по всей стране и использовать против русских, предлагая поручиться за них²⁸. Борх был непоколебим.

Однако, вопреки ожиданиям магистра, поставленный им ультиматум не был моментально принят архиепископом, который отступил в Кокенхузен когда стало ясно, что большинство стояло за Борхом. Загнанный в угол, но не желавший признавать себя окончательно побежденным, Сильвестр 29 января обращается к своему рыцарству. Видя в представленном ультиматуме выражение глубочайшего недоверия, он потребовал от своих вассалов большей преданности: они должны дать ему новую клятву, которая должна была гарантировать честь и свободу его церкви²⁹. Этим он старался защитить себя от требований, которые должны были открыто разрушить его суверенные права. Хотя Сильвестр Штодеवेशер согласился с тем положением, что шведы должны покинуть территории страны, он занял однозначную позицию по вопросу Генриха фон Хоенберга, объявив, что готов защищать как его, так и остальных наемников от любых посягательств Борха³⁰. Одним из основных аргументов архиепископа было то, что Хоенберг должен был предстать перед королевским или духовным судом, но ни в коем случае не рыцарским.

Однако, вассалы архиепископа не исполнили свою клятву перед Сильвестром и даже в резкой форме отвергли ее³¹. Борх же решил атаковать немедленно, прежде чем архиепископ и его союзники опередили бы его. Ему удалось убедить вассалов архиепископа объявить о вступлении в альянс со

²⁵ Monumenta Livoniae antiquae. S. 39–40.

²⁶ LEKUB 13. № 710. S. 639–641; *Kroeger G. Erzbischof Silvester Stodewescher...* S. 269.

²⁷ Monumenta Livoniae antiquae. S. 39–40.

²⁸ LEKUB 13. № 720. S. 653–655.

²⁹ LEKUB 13. № 719. S. 650–653; Monumenta Livoniae antiquae. S. 39.

³⁰ LEKUB 13. № 720. S. 654.

³¹ LEKUB 13. № 750. S. 688–690.

Швецией по принуждению сеньора³². После этого Борх послал Штодеवेशеру письмо с объявлением войны (*Fehdebrief*), в котором он заявил, что больше не может видеть, как его деятельность будет угрожать Ливонии. Его поведение заставляет его взяться за меч и, наконец, «установить мир и порядок»³³.

Вероятнее всего, война была начата в середине или конце февраля, а к 10 марта она уже завершилась³⁴. Сконцентрировав основные силы против шведов в Салисе, Борх перешел в наступление. После восьмидневной осады, не сумев оказать сопротивления, шведские наемники эвакуировались из Салиса в Ригу³⁵, откуда они вскоре, вероятнее всего, вернулись на родину. Во всяком случае, в письменных источниках мы не находим последующей информации об их пребывании в Риге. Поскольку Сильвестр, оставленный его вассалами, не мог вступить в серьезный бой, один замок архиепископа за другим сдавались фактически без сопротивления. Без малейших потерь Борх смог стать единственным хозяином области аббатства в течение нескольких недель. В конце концов, он повернул к Кокенхузену, который немедленно сдался ему³⁶.

Сильвестр Штодеवेशер и его капитаны были заключены в тюрьму. До этого магистр неоднократно беседовал с ним, упрекал его за двуличность и коварную политику, но архиепископ остался верен себе. Несмотря на свое положение, он демонстративно отрицал все, в чем его обвиняли, и настаивал на том, что не он, а именно Орден проводил антигосударственную политику³⁷. В то же время, путем серьезных угроз Борх добился от Сильвестра отмены запрета богослужений. Уладив все эти вопросы, Борх отправился в Ригу, где его торжественно встретили и поздравили мэры. После этого слуга Сильвестра Генрих фон Хоенберг был казнен четвертованием³⁸. Смерть архиепископа в 1479 г. стала конечной точкой в завершении этого конфликта.

Так кем же был Генрих фон Хоенберг? Неграмотным наемником, верным слугой или опасным политическим игроком? Многие вопросы пока

³² LEKUB 13. № 740. S. 676–678.

³³ LEKUB 13. № 731. S. 668; *Höhlbaum K. Urkundliche Beiträge* № 17. S. 10–14.

³⁴ *Kroeger G. Erzbischof Silvester Stodewescher...* S. 273.

³⁵ LEKUB 13. № 731. S. 668.

³⁶ LEKUB 13. № 739. S. 674–676; *Kroeger G. Erzbischof Silvester Stodewescher...* S. 273; *Höhlbaum K. Urkundliche Beiträge* № 19. S. 14–15.

³⁷ LEKUB 13. № 740. S. 677.

³⁸ LEKUB 13. № 740, S. 678; *Kroeger G. Erzbischof Silvester Stodewescher...* S. 274; *Бессуднова М.Б. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Липецк, 2016. С. 97.*

остаются без ответа, но, учитывая, что уже в 1477 г. он выполняет политическую миссию в Швеции и появляется в документах как «*her Hinrick van Hoenperge, hovetman*»³⁹ (господин Генрих фон Хоенберг, главнокомандующий/капитан), мы можем предположить, что рассматривать его лишь как безропотного слугу Штодеवेशера было бы не верно. В пользу этого говорит и тот факт, что степень наказания, постигшая шведов и богемцев, была в значительной степени не эквивалентна. Так, шведские войска, а с ними и Борхард Ханссон, были высланы из страны, а Генрих фон Хоенберг казнен, причем более чем жестоким способом. Решение это было принято еще на Ландтаге в Вендене (24 января 1479 г.)⁴⁰, поэтому рассматривать его казнь как реакцию на сопротивление войскам Борха нельзя, и следует искать более глубокие мотивы.

В нач. 1480 г. Бернд фон дер Борх пишет магистру Немецкого ордена Мартину Трухзесу фон Ветцхаузену письмо, в котором описывает конфликт с Рижским архиепископством⁴¹. Конечно, письмо во многом искажает действительность, так как основная его цель — протест против решения папы Сикста IV об отлучении от церкви Ливонского ордена, однако интересно, что оправдывая свои действия Борх заявляет: «...*архиепископ призвал чужеземных солдат с их капитаном, который назывался Генрихом фон Хоенбергом и выдавал себя за странствующего военачальника, хотя являлся беглым серым монахом по имени Кристофер фон Голготц и долгое время был священником, который отрекся от нас и нашего окружения и хотел нас и наш орден совершенно изгнать из страны*»⁴². Правда это или сплетни — сейчас сложно судить, однако данный факт во многом может прояснить то негативное и пренебрежительное отношение к Хоенбергу в Ливонии, которое мы наблюдаем в источниках.

Пожалуй, уместным будет сравнение имеющегося образа Генриха фон Хоенберга с неизвестным всем Григорием Отрепьевым — личностью таинственной, окруженной загадками, одновременно являвшейся не последней фигурой на арене политических действий, оставшейся пешкой в руках более сильных игроков и в итоге заплатившей жизнью за свои и чужие ошибки.

³⁹ LEKUB 13. № 575. S. 526.

⁴⁰ LEKUB 13. № 717. S. 648–649.

⁴¹ Бессуднова М.Б. Первая Ливонская война. 1480–1481 годы. Документы. СПб., 2018. С. 56–65.

⁴² Там же. С. 56–65, 58.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Первая Ливонская война», 1480–1481 годы. Документы. СПб., 2018.
2. *Monumenta Livoniae antiquae*. Riga; Leipzig, 1847.
3. *LEKUB 13*. Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 1. Bd 13: 1472–1479. Köln, 2018.
4. *Арбузов Л.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912.
5. *Баранов А.* Магистр Ливонского ордена Бернд фон Борх и Псковская земля в контексте ливонских внутривосточных отношений (1471–1474) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2013. Вып. 58.
6. *Бессуднова М.Б.* Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М., 2015.
7. *Бессуднова М.Б.* Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Липецк, 2016.
8. *Вебер Д.И., Филюшкин А.И.* «От ордена осталось только имя...». Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике. СПб., 2018.
9. *Arbusov L.* Grundris der Geschichte Liv-, Est-, und Kurland. Mitau, 1890.
10. *Biskup R.* Preußische und livländische Domkapitel im Mittelalter — Forschungsstand und Perspektiven // Die Domkapitel des Deutschen Ordens in Preußen und Livland. Münster, 2004.
11. *Höhlbaum K.* Urkundliche Beiträge zur Geschichte Livlands im 15. Jahrhundert. Dorpat, 1873.
12. *Kroeger G.* Erzbischof Silvester Stodewescher und sein Kampf mit dem Orden um die Herrschaft über Riga // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Bd. 24. Riga, 1930.
13. *Nyberg T.* Schweden, Riga, Papst 1471–1480 // Prusy — Polska — Europa. Prace ofiarowane Profesorowi Zenonowi Hubertowi Nowakowi. Toruń, 1999.
14. *Sach M.* Hochmeister und Großfürst. Stuttgart, 2002.
15. *Schirren C.* Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken. Dorpat, 1861–1868.
16. *Sennig A.* Beiträge zur Heeresverfassung und Kriegsführung Altlivlands zur Zeit seines Untergangs. Jena, 1932.
17. *Jähnig B.* Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seiner Herrschaft in Livland. Berlin, 2011.
18. *Jähnig B.* Die Verfassung der Domkapitel der Kirchenprovinz Riga // Kirchengeschichtliche Probleme des Preussenlandes aus Mittelalter und früher Neuzeit. Marburg, 2001.

V.A. Yakunina

Veliky Novgorod (Russia)

Yaroslav-the-Wise

Novgorod State University

HEINRICH VON HOHENBERG:
REVISITING THE ROLE OF MERCENARIES
IN THE POLITICAL STRUGGLE IN LIVONIA IN THE XVth CENTURY

In the struggle for power in the Livonian Confederation territorial lords (Landsherren) were aiming for the military buildup although in reality only the Order had such right. Bishops and archbishops had recourse to mercenaries trying to legitimize this right in every possible way. This article concentrates on the role of mercenary troops and their battle commanders on the background of the last third of the XVth century — the struggle for power between the Livonian Order and the Archbishopric of Riga.

Keywords: Heinrich von Hohenberg, Silvester Stodewescher, Bernd von der Borch, Old Livonia, Borhardt Hansen, mercenarism.

М.А. Олейник

г. Москва (Россия)

Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

ВЕНГЕРСКОЕ НАСЛЕДСТВО В ДИПЛОМАТИИ МАКСИМИЛИАНА I ГАБСБУРГА

В данной работе говорится о политике римского короля Максимилиана I в отношении своего соседа Венгрии с 1491 г. по 1515 г., итоги которой были подведены на Венском конгрессе 1515 г. Это событие заметно повлияло на судьбу Центральной Европы на последующие 500 лет. В исследовании используются дневники Иоганна Куспиниана, дипломата Максимилиана I, который сыграл важнейшую роль в подготовке конгресса.

Ключевые слова: двойной брак, турецкая угроза, оппозиция, трехсторонние переговоры, Венский конгресс.

Фридрих III и его сын Максимилиан I¹ стремились обеспечить династии Габсбургов доминирующее положение в Европе, создав мощный комплекс своих наследственных владений. Это дало бы возможность обеспечить династии императорский титул на продолжительное время. Внешняя политика Максимилиана I без преувеличения охватила всю Европу; он продолжил политику Фридриха III в отношении своего восточного соседа — Венгрии, стремясь завладеть королевством. Для достижения поставленной цели Габсбурги использовали все доступные средства: войны, дипломатию, брачные династические союзы.

Огромное значение имела политика династических браков Габсбургов. Австрийским эрцгерцогам приписывают высказывание: «Пусть другие ведут войны, ты же, счастливая Австрия, заключай браки, ведь если другим дает Марс, то тебе царства дает Венера»². При помощи браков Габсбурги

¹ Фридрих III — римский король (1440–1493), император Священной Римской империи (1452–1493), эрцгерцог Австрийский (1457–1493). Максимилиан I — римский король (1486–1519), император (1508–1519), эрцгерцог Австрийский (1493–1519).

² *Воцелка К.* История Австрии. М., 2007. С. 166.

унаследовали Бургундию в 1477 г., Испанию в 1497 г.³ Позднее был подготовлен двойной брак внуков Максимилиана с детьми Владислава II Ягеллона (венгерского и чешского короля), обручение которых состоялось во время Венского конгресса 1515 г., что стало одной из предпосылок создания Дунайской монархии в 1526 г.

В зарубежной историографии уделяется много внимания внешней политике Максимилиана, но австро-венгерский вопрос освещен не так подробно. Между тем, Венский конгресс заслуживает большого внимания, так как он оказал значительное влияние на дальнейшие события в Европе. О нем и пойдет речь в данной статье.

Важнейшими источниками для изучения Венского конгресса являются дневники Иоганна Куспиниана (1473–1529 гг.), одного из участников данного конгресса. Этот выдающийся дипломат и гуманист часто представлял императора на переговорах с венгерским и польским королями. Именно Иоганн занимался подготовкой и организацией двойного брака внуков Максимилиана I и детей Владислава II (в 1510–1515 г.). Он посвятил конгрессу и его подготовке свое сочинение «*Diarium Iohannes Cuspiniani de Congressu Caesaris Maximiliani I*»⁴. Другой дневник Иоганна, «*Das Tagebuch Cuspinians*», датируемый 1501–1527 гг., имеет уже личный характер⁵ и дополняет содержание «*Diarium*». Тексты договоров, заключенных на Венском конгрессе, почерпнуты нами из исследования Ксаверия Лиске⁶.

О своих притязаниях на венгерский престол Габсбурги заявили в 1463 г., когда король Венгрии Матяш Корвин и Фридрих III подписали Шопронский договор, по которому Матяш I признал за Фридрихом III право наследования венгерского трона в случае отсутствия у него сына⁷. Договор 1463 г. создал основу для дальнейших шагов Габсбургов в этом направлении. Венгерский король умер в апреле 1490 г., так и не оставив законного наследника. Претендентов на престол объявилось немало и в их числе был сын Фридриха III Максимилиан, однако в июле 1490 г. сословия Венгрии избрали королем

³ *Vajda S.* Felix Austria: Eine Geschichte Österreichs. Wien, 1980. S. 210.

⁴ *Diarium Iohannes Cuspiniani de Congressu Caesaris Maximiliani I. et trium Regum, Hungariae, Bohemiae, Poloniae // Adpartus ad historiam Hungariae.* D. 1. M. IV. Posoniensis, 1735. P. 278–302.

⁵ *Ankwicz Hans.* Das Tagebuch Cuspinians. Nach dem Original herausgegeben und mit Erläuterungen versehen von Hans Ankwicz // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung.* № 30. Wien, 1909. S. 291–326.

⁶ *Liske X.* Der Kongreß zu Wien im Jahre 1515 // *Forschungen für deutschen Geschichte.* Göttingen, 1867. S. 465–558.

⁷ *Контлер Л.* История Венгрии: Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 122.

Владислава II Ягеллона⁸. Максимилиан I, ссылаясь на договор 1463 г. и получив поддержку магнатов Задунавья и Славонии, вторгся на территорию королевства с целью добиться короны, однако ему был оказан отпор. Эрцгерцог был вынужден покинуть страну. В итоге стороны договорились и заключили в 1491 г. Пресбургское мирное соглашение⁹. Владислав II также признал за Максимилианом и его наследниками право на венгерскую корону в случае отсутствия у него законных наследников мужского пола. Часть политической элиты Венгрии воспротивилась этим условиям, однако в итоге венгерское Государственное собрание ратифицировало договор, так как Владислав II в тот момент нуждался в мире со своим западным соседом.

Дальнейшую политику Максимилиана I в отношении Венгрии можно условно разделить на три периода: 1) 1491–1503 гг.; 2) 1504–1510 гг.; 3) 1510–1515 гг. В первый из названных периодов венгерский король и правящие группировки не желали видеть Габсбургов у себя на троне. Венгрия даже вступила в антигабсбургскую коалицию, организованную французским королем, у которого были давние счеты с Максимилианом I. Однако Владислав II и Максимилиан I не разрывали отношений и внешне поддерживали связь. Во второй период расклад сил поменялся: поводом стало ухудшение здоровья Владислава II в 1504 г. Положение венгерского короля и его семьи было очень уязвимо, так как у него не было наследника мужского пола, только трехлетняя дочь. В создавшейся ситуации Владислав II обратился за поддержкой к Максимилиану I. В 1505 г. были достигнуты первые договоренности о браке внука римского короля и дочери венгерского короля. Однако в октябре 1505 г. венгерское Государственное собрание на поле Ракосх постановило, что венгерский престол может занять только венгр по происхождению. Напряженность в стране спала только благодаря тому, что в июле 1506 г. у Владислава II родился наследник Людовик. 19 июля 1506 г. был подписан мирный договор в Вене, подтвердивший уже двойной брак внуков австрийского эрцгерцога и детей венгерского короля¹⁰. С 1506 г. по 1510 г. оба правителя обменивались регулярными посольствами для разработки брачных соглашений.

В третий период (1510–1515 гг.) антигабсбургские настроения усилились. Лидер т.н. «дворянской партии» Янош Запольяи, один из возможных претендентов на венгерский престол, усилил свои позиции в стране, став в 1510 г. воеводой Трансильвании. Поддержку венгерской оппозиции оказал польский король Сигизмунд I (брат Владислава II), не желавший усиления

⁸ Владислав II — король Венгрии (1490–1516), король Чехии (1471–1516).

⁹ История Венгрии. Т. 1. М., 1971. С. 222.

¹⁰ *Wiesflecker H. Kaiser Maximilian I.: Das Reich, Osterreich und Europa an Der Wende zur Neuzeit. Bd. 3. Wien, 1977. S. 334.*

Габсбургов в Центрально-Восточной Европе¹¹. Помимо этого, возрастала турецкая угроза для Венгрии: пришедший к власти в Османской империи в 1512 г., воинственный Селим I отверг все прежние перемирия с Венгрией и венгерскому посольству не удалось добиться заключения нового мирного договора. Понимая опасность сложившегося положения, император и Владислав II заторопились официально оформить брак детей. С октября 1510 г. началась активная подготовка к этому событию, ключевую роль в подготовке которого сыграл дипломат Максимилиана Иоганн Куспиниан¹².

В ответ на действия антигабсбургской коалиции Максимилиан I собрал вокруг себя тех правителей, кто мог оказать большое влияние на Польшу и Трансильванию¹³. Это оказало нужный эффект на польского короля, который в конце концов решил примириться с императором. В октябре 1514 г. император согласился на перемирие¹⁴, после чего последовали трехсторонние переговоры правителей.

Сначала переговоры вели доверенные лица трех государей. Представителем императора был Иоганн Куспиниан. В своем дневнике он пишет, что дипломаты самостоятельно не смогли разрешить все вопросы, для чего требовалась совместная встреча Максимилиана I, Владислава II и Сигизмунда I¹⁵. Император же не торопился вступать в переговоры с польским королем: он хотел нейтрализовать Сигизмунда I, предложив собраться в более широком составе и пригласить Великого князя Московского, а также Великого магистра Тевтонского Ордена (врагов Польши). Однако польский и венгерский короли настояли на том, чтобы встретиться только втроем.

Первый съезд состоялся в Пресбурге (2 апреля — 20 мая 1515 г.) Атмосфера на нем была довольно напряженной. Максимилиан I не смог присутствовать, его представлял Матиас Ланг, кардинал Гурка¹⁶. После того, как были составлены предварительные соглашения о двойном браке и мире с Ягеллонами, три стороны договорились о следующей встрече, где уже в присутствии императора они подпишут подготовленные документы.

¹¹ Более того, причина давней вражды императоров и польских королей крылась в Тевтонском Ордене и ганзейских городах, которые не желали подчиняться Польше и часто находили поддержку и защиту у империи.

¹² *Das Tagebuch...* S. 305; *Ankwicz-Kleehoven H.* Der Wiener Humanist Johannes Cuspinian: Gelehrter und Diplomat zur Zeit Kaiser Maximilians I. Graz-Köln, 1959. S. 50.

¹³ Были привлечены Дания, Тевтонский Орден, Саксония и Бранденбург, Папа Римский, княжества Молдавия и Валахия, Великий князь Московский.

¹⁴ *Das Tagebuch...* S. 312.

¹⁵ *Diarium...* P. 282.

¹⁶ *Ibid.* P. 283.

16 июля 1515 г. трое правителей съехались на поле Харт (на территории Австрии), после чего отправились в Вену. 17 июля состоялся торжественный въезд монархов в город. Венский конгресс длился с 17 июля по 3 августа 1515 г. 22 июля, после принятия окончательных решений, состоялась церемония обручения детей. 28 июля договоры были обнародованы, и на торжественном заключительном собрании были подведены итоги съезда.

На открытии и закрытии конгресса в императорском дворце Максимилиан I несколько раз выступал с речью, призывая заинтересованные стороны к гармонии и единству. По его мнению, без мира среди христианских государств невозможно противостоять главной угрозе христианского мира — Османской империи¹⁷. Однако в тот момент истинной целью Габсбурга было обретение короны Св. Стефана. Венгрия была нужна Максимилиану в том числе и для создания буферной зоны, которая защитила бы от турок наследственные земли Габсбургов в Австрии. Владислав II же хотел обезопасить положение своих детей в случае своей смерти, а также с помощью императора защитить Венгрию от турок. Благодаря Венскому конгрессу 1515 г. часть этих планов удалось осуществить.

На конгрессе был заключен ряд договоренностей: договор об усыновлении Максимилианом Людовика; брачные договоры между Людовиком Ягеллоном и Марией Габсбург, Анной Ягеллон и Максимилианом Габсбургом, который выступал в качестве представителя одного из своих внуков; договор о дружбе и мире императора с польским королем Сигизмундом; документ об отказе императора от покровительства Тевтонскому ордену. Обсуждался также вопрос, связанный с турецкой угрозой¹⁸.

Император обещал назначить Людовика II главным викарием в Империи, а также допустил возможность того, что в дальнейшем его кандидатура будет предложена курфюрстам для избрания императором. Этот шаг противоречил правовым нормам империи, о чем Максимилиан знал: главный викарий не мог быть назначен без одобрения курфюрстов. К тому же Максимилиан лукавил: он уже работал над тем, чтобы императором был выбран его внук Карл. Поэтому выдвинутые предложения и обещания выглядели скорее как способ сильнее привязать к себе венгерских Ягеллонов. Договор подписывался в строгой секретности от курфюрстов.

По условиям брачных договоров, внучка Максимилиана I Мария вышла замуж за сына венгерского короля Людовика, а Анна — дочь Владислава II — за одного из внуков Максимилиана. При этом Анна передавалась на воспитание Габсбургам (т.е. до замужества она должна была оставаться

¹⁷ Ibid. P. 295.

¹⁸ *Liske X. Op. cit. S. 491–547.*

в Австрии). Этим Максимилиан и Владислав хотели лишить антигабсбургскую оппозицию возможности помешать браку. Во время конгресса состоялась церемония обручения двух пар, сама же свадьба намечалась на более позднее время (в 1521 г.).

Максимилиан I пошел на уступки польскому королю: император отказался от роли защитника немецкого Ордена и также был готов оказать свои посреднические услуги для налаживания отношений между Сигизмундом I и Василием III. За такие уступки со стороны императора Польша обязывалась не вмешиваться в австро-венгерские отношения.

Что касается турецкого вопроса, то на конгрессе не было принято конкретных решений о создании военно-политического союза против османов. Император ограничился устным упоминанием о семи путях, с помощью которых можно было одержать победу над Портой. Он призывал к совместно-му крестовому походу против турок, но тот так и не был осуществлен.

Подводя итоги, мы можем сказать, что на протяжении 24 лет Максимилиан I вынашивал планы о наследовании венгерского престола домом австрийских Габсбургов. Хотя Максимилиану не удалось самому заполучить корону Св. Стефана, он создал в этом вопросе серьезную правовую основу для своих внуков, преодолев многочисленные препятствия на пути к реализации планов династии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ankwicz Hans*. Das Tagebuch Cuspinians. Nach dem Original herausgegeben und mit Erläuterungen versehen von Hans Ankwicz // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. № 30. Wien, 1909.
2. *Diarium Iohannes Cuspiniani de Congressu Caesaris Maximiliani I. et trium Regum, Hungariae, Bohemiae, Poloniae*// *Adpartus ad historiam Hungariae*. D. 1. M. IV. Poseniensis, 1735.
3. *Liske X*. Der Kongreß zu Wien im Jahre 1515 // *Forschungen für deutschen Geschichte*. Göttingen, 1867.
4. *Воцелка К*. История Австрии. М., 2007.
5. История Венгрии. В 3 т. Т. 1. М., 1971.
6. *Контлер Л*. История Венгрии: Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.
7. *Ankwicz-Kleehoven H*. Der Wiener Humanist Johannes Cuspinian: Gelehrter und Diplomat zur Zeit Kaiser Maximilians I. Graz; Köln, 1959.
8. *Vajda S*. Felix Austria: Eine Geschichte Österreichs. Wien, 1980.
9. *Wiesflecker H*. Kaiser Maximilian I.: Das Reich, Osterreich und Europa an Der Wende zur Neuzeit. Bd. 3. Wien, 1977.

M.A. Oleynik*Moscow (Russia)**Lomonosov Moscow State University*

HUNGARIAN INHERITANCE
IN THE DIPLOMACY OF MAXIMILIAN I OF HABSBURG

This work describes the policy of the Roman king Maximilian I in relation to his neighbor Hungary from 1491 to 1515, the results of which were summed up at the Congress of Vienna in 1515. The event significantly influenced the fate of Central Europe for the next 500 years. The study uses the diaries of Johann Cuspinian, the diplomat of Maximilian I, who played a major role in the preparation of the Congress.

Keywords: double marriage, the Turkish threat, the opposition, the tripartite negotiation, the Congress of Vienna.

*Н.А. Пронин
г. Пермь (Россия)*

Пермский гос. национальный исследовательский ун-т

ЭВОЛЮЦИЯ УТИЛИТАРНОГО ПРИМЕНЕНИЯ СУДОВ В РАННЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В БАССЕЙНЕ СЕВЕРНОГО МОРЯ

В статье изучается утилитарное использование судов в бассейне Северного моря в период раннего средневековья на материале англосаксонских и скандинавских письменных источников. Рассматривается возникновение и эволюция военных, торговых и социальных аспектов применения судов.

Ключевые слова: раннее средневековье, суда, англосаксы, викинги, Северное море.

Утилитарное использование судов у скандинавов и англосаксов в период раннего средневековья является не до конца изученной проблемой. В случае с англосаксами ощущается малая исследованность письменных источников в работах на английском языке. Из работ, раскрывающих данную тематику, можно выделить труды Дэвида Вильсона¹ и Бо Айстру², но данные работы лишь частично затрагивают рассматриваемую проблематику. В случае со скандинавами наблюдается недостаток использования письменных источников: данную проблематику демонстрируют работы И. фон Фиркса «Суда викингов», G. Ervan «History of Engineering and Technology», S. Rose «Medieval Naval Warfare».

Начать рассмотрение эволюции утилитарного применения судов следует с периода доминирования англосаксов в бассейне Северного моря в период V–VIII вв.³ По версии письменных источников судостроительная традиция англосаксов берет свое начало с технологий римлян⁴ и продолжает свою техническую номинацию до начала гегемонии скандинавов в бассейне Северного моря в эпоху викингов.

¹ Вильсон М.Д. Англосаксы. Покорители кельтской Британии. М., 2004.

² Ejstrud B. The Migration Period, Southern Denmark and the North Sea: A Workbook in Relationship to the Gredstedbro Find. Esbjerg, 2008.

³ Ibid. P.18.

⁴ Гильда Премудрый. О гибели Британии. Гл. 18. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Gildas_2/text1.phtml

Впервые судно англосаксов упоминается у Гильды Премудрого: «возникли наперегонки из курахов, которыми они были перевезены через долину Тефии... когда Титан пылает зноом... мерзейшие банды скоттов и пиктов»⁵. Данный отрывок описывает некоторые характерные черты использования легких судов в нач. V в.: курахи являлись легкими безмачтовыми рыбацкими судами, не приспособленными к использованию в штормовых условиях. В данном случае отрывок произведения описывает военное использование судов.

Другой отрывок из труда Гильды Премудрого описывает использование парусных судов для массового перемещения через Ла-Манш: «Многие из несчастных уцелевших, захваченные в горах, были массово уничтожены... Другие же стремились к заморским областям... под развевающимися парусами»⁶. В дополнение к этому можно добавить, что суда также использовались для перемещения с целью паломничества или распространения веры. Так, Беда Достопочтенный пишет: «Был созван большой собор, чтобы решить, кому отправиться туда для поддержки веры... они получили благословение и наставление святой церкви и вышли в океан»⁷.

Кроме транзита людей, корабли использовались и для транзита грузов. Так, в «Беовульфе» описывается процесс транспортировки грузов: «Я сокровищниц не закрою — // пусть из края в край... корабли кольцегрудые // перевозят дары!»⁸.

Из вышеперечисленных фактов утилитарного применения судов у англосаксов вытекает вопрос частоты разных видов утилитарного применения. На данный вопрос вполне может ответить контекстный анализ письменных источников. Большая часть упоминаний судов в культурно-историческом контексте сводится к их боевой эксплуатации, в качестве доказательства этому можно привести ряд фактов. В «Беовульфе» упоминания корабля в непосредственном взаимодействии с военизированными группами встречается шесть раз из одиннадцати общих упоминаний корабля в тексте. Все упоминания судов у Гильды Премудрого сводятся к их использованию в военных целях. В пяти эпизодах появления кораблей в «Церковной истории народа англвов» три раза судна используются для ведения военных

⁵ Гильда Премудрый. Указ. соч. Гл. 19. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Gildas_2/text1.phtml

⁶ Гильда Премудрый. Указ. соч. Гл. 25. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Gildas_2/text1.phtml

⁷ Беда Достопочтенный. Церковная история народа Англвов. Кн. 1. Гл. 17. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Beda_Dostopochtennyj/tserkovnaja-istorija-naroda-anglov/1_2#note56_return

⁸ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 117.

действий, два раза в миссионерских целях или целях паломничества и один раз для обычного перемещения. Все упоминания кораблей в Англосаксонской хронике описывают их в рамках военного применения. Из всего вышеописанного можно заключить, что преимущественным способом утилитарного применения судов в период до эпохи викингов являлось их использование в качестве военной единицы.

С начала эпохи викингов в 793 г.⁹ новым гегемоном в бассейне Северного моря становятся скандинавы. В культурном плане скандинавы были тесно связаны с этносом англосаксов. В период раннего средневековья до эпохи викингов мы находим множество материальных культурных маркеров указывающих на кросскультурные связи¹⁰. В период эпохи викингов культурные контакты англосаксов и скандинавов обеспечивались активными торговыми связями и военными столкновениями. Доминирование скандинавов в бассейне Северного моря длилось всю эпоху викингов.

В период эпохи викингов происходит расширение утилитарного применения судов вследствие таких причин, как новые способы плавания¹¹, начало средневекового климатического оптимума¹², усиление миграций внутри Скандинавии¹³, расширение зоны торговли¹⁴.

В сравнении с англосаксонскими источниками, повествующими об исторических событиях, и приведенными ранее материалами, основной свод скандинавских саг «Круг Земной», посвященный историческим событиям, предоставляет многочисленные сведения об утилитарном использовании водного транспорта.

Контекстный анализ «Круга Земного» позволяет заключить, что водный способ перемещения был доминирующим у скандинавов. Так, однокоренные слова, соотносящиеся с глаголом «плыть» встречаются в тексте 636 раз, тогда как подобные однокоренные слова относительно слова «ехать» зафиксированы 435 раз. Причем важно заметить, что в части фрагментов слова с корнем -ех- используются также с значением плавания: «Гудрёд конунг поехал по пирам. Он стоял со своим кораблем в Стивлусунде»¹⁵.

В дополнение к вышесказанному, контекстный анализ выявляет сравнительно высокую роль водной торговли, поскольку боевые суда упомина-

⁹ Англосаксонская хроника. URL: <http://www.ulfdalir.narod.ru/sources/Britain/Anglosaxon/750-919.htm>

¹⁰ *Ejstrud B.* Op. cit. P. 60.

¹¹ *Barrett H.B.* What caused the Viking Age? // *Antiquity*. 2008. № 82. P. 673.

¹² *Ibid.*

¹³ *Ibid.* P. 647.

¹⁴ *Ibid.* P. 648.

¹⁵ *Стурлусон С.* Круг Земной. М., 1980. С. 36.

ются в тексте 73 раза, в то время, как торговые суда 30 раз. Данный вывод подтверждается неоднократным упоминанием в тексте торговых городов: например, в «Круге Земном» говорится: «Харальд конунг велел построить торговый город на востоке в Осло и часто там жил»¹⁶, «...на другом берегу реки стоит большой торговый город, который называется Судвирки»¹⁷.

Анализ содержания «Круга Земного» позволяет сделать заключение о наличии двух типов кораблей, а именно торговых¹⁸ и боевых¹⁹ судов, и дополнительного их деления на большие и малые²⁰. Из содержания текста можно заметить, что большие суда в восприятии скандинавов начинались с 30 мест для гребцов, поскольку самый невместительный большой боевой корабль, называемый в тексте «Круга Земного», имеет именно такое количество мест: «Олав конунг велел построить... большой боевой корабль... В нем было тридцать скамей для гребцов». Возможно, профилизация судов могла зависеть не только от типа судна (*faering*, *knapt* или *longships*²¹), но и от сиюминутного использования, поскольку в тексте встречаются упоминания полноценных сражений на торговых судах, при которых в качестве атакующей стороны представлены именно торговые суда²². Вследствие чего, разделение на боевые и торговые суда могло производиться по типу периферийной оснастки и баланса груза и экипажа на корабле.

Параллельно с отделением боевых судов от торговых, в источниках часто начинают фигурировать не только водные сражения, но и случаи применения военно-морской тактики. Появляется описание скандинавского способа абордажа²³, скандинавский тип боевого построения судов²⁴. Данные тактики и способы ведения сражения в водном пространстве не являются уникальными и обусловлены техническим несовершенством судов²⁵, но, несмотря на это, их появление и высокая частота упоминания в сравнении с англосаксонскими источниками, говорит о резком возрастании роли морских сражений в бассейне Северного моря и, в частности, у скандинавов.

¹⁶ Там же. С. 417.

¹⁷ Там же. С. 167.

¹⁸ Там же. С. 105.

¹⁹ Там же. С. 228.

²⁰ Там же. С. 105.

²¹ *Ervan G. Garrison History of Engineering and Technology: Artful Methods.* Boca Raton, 1998. P. 111.

²² *Стурлусон С.* Указ. соч. С. 228.

²³ Там же. С. 378.

²⁴ Там же. С. 421.

²⁵ *Rose S. Medieval Naval Warfare 1000–1500. L., 2002. P. 24.*

Все вышеописанные изменения в утилитарном аспекте использования судов в период эпохи викингов привели к серьезным социальным изменениям. У скандинавов, в отличие от англосаксов, формируется феномен морских конунгов²⁶. Корабль становится доминирующим статусным атрибутом: данный момент описывается при описании значимости фигуры конунга Олава во время описании битвы у Свольдера, ключевая роль Олова демонстрируется нарративом за счет наличия у этого конунга самого большого судна²⁷.

Статус раскрывается не только через размер судна, но также через его положение в боевом порядке: «Скофти должен был ставить свой корабль рядом с кораблем ярла, и никто не смел ставить свой корабль между их кораблями»²⁸, «Когда они вечером становились на якорь, то Эйрик не позволял, чтобы рядом с кораблем ярла становился не их корабль, а другой»²⁹.

Таким образом, спектр утилитарного использования судов в бассейне Северного моря в период раннего средневековья расширился так же сильно, как и роль судов во всех аспектах жизни обществ. Основной скачок развития роли судов в повседневной жизни приходился на период эпохи викингов. К концу раннего средневековья торговля становится одним из основных утилитарных аспектов применения корабля, так же расширяется и боевое применение судов. Два вышеописанных аспекта начинают влиять не только на утилитарное применение корабля, но и на социальный аспект жизни его владельца, вызывая формирование специализированных социальных институтов и появление уникальных утилитарных практик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Англосаксонская хроника. URL: <http://www.ulfdalir.narod.ru/sources/Britain/Anglosaxon/rus.htm>
2. *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа Англов. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Beda_Dostopochtennyj/tserkovnaja-istorija-naroda-anglov/1_2#note56_return
3. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.
4. *Гильда Премудрый*. О гибели Британии. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Gildas_2/text1.phtml
5. *Стурлусон С.* Круг Земной. М., 1980.

²⁶ *Стурлусон С.* Указ. соч. С. 644.

²⁷ Там же. С. 155.

²⁸ Там же. С. 107.

²⁹ Там же.

6. *Вильсон М.Д.* Англосаксы. Покорители кельтской Британии. М., 2004.
7. *Barrett H.B.* What caused the Viking Age? // *Antiquity*. 2008. № 82.
8. *Ejstrud B.* The Migration Period, Southern Denmark and the North Sea: A Workbook in Relationship to the Gredstedbro Find. Esbjerg, 2008.
9. *Ervan G.* Garrison History of Engineering and Technology: Artful Methods. Boca Raton, 1998.
10. *Rose S.* Medieval Naval Warfare 1000–1500. L., 2002.

N.A. Pronin

Perm (Russia)

Perm State National Research University

THE EVOLUTION OF THE UTILITARIAN APPLICATION OF SHIPS
IN THE EARLIER MIDDLE AGES IN THE BASIN OF NORTH SEA

The article studies the utilitarian use of ships in the North Sea basin during the early Middle Ages on the basis of Anglo-Saxon and Scandinavian written sources. The emergence and evolution of the military, commercial and social aspects of the use of ships is considered.

Keywords: early Middle Ages, ships, Anglo-Saxons, Vikings, North Sea.

СЕКЦИЯ «ЕВРОПА И РОССИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ»

В.Е. Асафова

г. Казань (Россия)

Казанский (Приволжский) Федеральный ун-т

ИМПЕРИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЕ: СОВМЕСТНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ «ВАРВАРОВ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В постколониальных исследованиях XX в. в связи с выходом книги «Ориентализм» американского ученого Эдварда Саида, повествующего о сформированном Западом негативного образа Востока, который не соответствовал действительности, начинает развиваться идея «другого». Исследование имело огромное значение для многих дисциплин. И главный вопрос, который остается актуальным — объектом или субъектом ориентализма выступает Российская империя.

В статье рассмотрены подходы к проблеме как зарубежных исследователей (Адиба Халида, Натаэль Найта и Марии Тодоровой), так и отечественных историографов (А.М. Эткинда, Р.А. Тлепцогого, В.М. Шевырина, Г.М. Казаковой и В.Н. Кудряшева).

Ключевые слова: концепция ориентализма, самоориентализация, межцивилизационное взаимодействие, колонизация, просвещение.

В последние несколько лет в центре научно-исследовательских работ находится идея о переосмыслении исторического опыта, который был основан на географическом, этническом, религиозном разделении людей и культур. Появление так называемой системы стереотипных взглядов было не случайно, так как это является основополагающим инструментом человеческого познания в традициях французского структурализма. Каждое общество имеет образ «другого», описывая его в обобщающих терминах, сформулированных как противоположность представления культуры о себе самой¹.

В XX в. Эдвард Саид начинает исследовать проблему Запада и Востока и их отношений для того, чтобы объяснить формирование отличного от

¹ *Мария Тодорова.* Есть ли русская душа у русского ориентализма // Российская Империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. М., 2005. С. 357.

Запада негативного образа Востока, который не соответствует действительности. Книга «Ориентализм» отражает критический взгляд Саида на колониальные империи Запада. Исследование стало основополагающей работой для постколониальных исследований. Главный вопрос, который остается до сих пор — объектом или субъектом ориентализма выступает Российская империя.

По этому поводу у зарубежных исследователей — таких как Адиба Халида, Натаэль Найта и Марии Тодоровой — сформировались разные точки зрения к ориентализму в Российской империи как основной идеи для разделения империи на метрополию и колонии. Все эти подходы и сама книга Эдварда Саида легли в основу и отечественной историографии, представителями которой являются А.М. Эткинд, Р.А. Тлепцок, В.М. Шевырин, Г.М. Казакова и В.Н. Кудряшев.

Если Адиб Халид говорит об ориентализме Э. Саида, как о западном способе доминирования над Востоком, через создание образа «другого» и приписывание ему ряда отрицательных качеств, то Натаэль Найт вообще отрицает разделение мира на Запад и Восток: сложным по своему устройству регионам просто придается «восточных характер»². Однако ориентализм гораздо гибче к историческому контексту чем это было показано в книге Э. Саида.

Так, по мнению Н. Найта, русский ориентализм, частично из-за своей приверженности ограниченной концепции народности, был больше склонен признавать разнообразие мира, нежели разделять его на противоположные составляющие³. Это связано с особенностями колонизации Российской империи: Россия приобрела свои имперские владения почти исключительно по соседству, поглощая любые земли и народы, находящиеся рядом с ее границами⁴. Еще в 1904 г. великий историк В.О. Ключевский писал, что «история России есть история страны, которая колонизируется»⁵. Одинаковая по протяженности с самим Российским государством, колонизация была направлена внутрь страны. Все биполярные дихотомии в Российской империи функционировали одновременно и не всегда совпадали с делением на Запад и Восток⁶. И, следовательно, использование здесь классического ориентализма Э. Саида недопустимо.

² *Натаэль Найт*. О русском ориентализме // Российская Империя в зарубежной историографии... С. 337.

³ Там же. С. 333.

⁴ *Адиб Халид*. Российская история и спор об ориентализме // Российская Империя в зарубежной историографии... С. 316.

⁵ *Эткинд А.М.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2014. С. 20.

⁶ *Адиб Халид*. Указ. соч. С. 318.

Это понимал и отечественный историограф А.М. Эткинд, который, рассматривая колонизацию России, применяет ориентализм в качестве одного из типов знания — на каких условиях мы приступаем к изучению «Другого». Важно понять кто, когда и для чего использует смысловые категории для объяснения этого отличительного образа. Эта мысль звучала уже у болгарского историка М. Тодоровой в исследовании «Если ли русская душа у русского ориентализма».

Согласно суждениям А.М. Эткинда, империя, проводя политику колонизации, использует для разделения метрополии и колоний «культурную дистанцию» на основе географического, расового, этнического, религиозного материала, дабы создать единый образ «варваров»⁷, приписав ему ряд определенных исторических, психологических, негативных черт. То есть ориентализм, как тип знания, А.М. Эткинд подстраивает под исторические условия Российской империи.

Отправной точкой ориентализма в России, да и во всей Европе, считается XVIII в., когда идеология просвещения давала право цивилизованному «Западу» совершать миссионерские мероприятия для приобщения народов к «европейским благам», а полученные знания использовать в качестве господствующей силы.

Если учесть тот факт, что центры Российской империи располагались по географическим перифериям, откуда цивилизация распространялась в тульские, поморские, оренбургские деревни, то миссионерство, этнография и экзотические путешествия, характерные феномены колониализма, были обращены к собственному народу. Сам народ выступал как «другой», который подлежал изучению, контролю и покорению⁸.

Однако Р.А. Тлепцок, разбираясь в понятиях имперского времени по отношению к населению, говорит о том, что «просвещенный абсолютизм» Екатерины II выдвинул на первый план критерий жизненного уклада, что и обусловило возникновение термина «инородец». И только после путешествия Екатерины II в Крым стали формироваться стереотипы «инаковости» и образ «другого» «как отличного от норм европейской культуры». Также он упоминает, что к XIX в. возникает унификация терминологических понятий «туземцы», «инородцы», «иноверцы» и создается обобщенный термин «коренные народы»⁹. В пример Р.А. Тлепцок приводит этнографические

⁷ Могильнер М.М. Бремя бритого человека А.М. Эткинд // *Ab Imperio*. М., 2002. № 1. С. 271–274.

⁸ Там же. С. 282.

⁹ Тлепцок Р.А. Проблема «имперского расширения» России в понятиях и терминах // *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2010. № 3. С. 2–3.

инструкции Г.Ф. Миллера, которые он получил, когда отправился в экспедицию в Сибирь¹⁰. Инструкции базировались на принципе инвентаризации XVIII в. — «искусстве сведения, насколько это возможно, большего числа явлений к одному, которое можно считать их принципом»¹¹. То есть для описания определенной нации, исследователь должен был знать различия между ними, а значит и должен был найти этнический эквивалент, который бы отличал ее от всех остальных. Так политика колонизации распространяется на страны с коренным населением, которые входят в русское государство, становясь народами Российской империи.

Это также можно увидеть в статье Р.А. Тлептока, где он утверждает, что в отличие от европейских колониальных держав, политика Российской империи была направлена «не на уничтожение и искоренение населения колонизируемых земель, а на... превращение “чужих” в “своих”»¹². Этой точки зрения придерживаются М. Тодорова, В.М. Шевырин и В.Н. Кудряшев, что может свидетельствовать о достаточной распространенности этого мнения в зарубежной и отечественной историографии.

В.М. Шевырин, основываясь на исследовании А.М. Эткинда, делает вывод о том, что «Российская империя определяла “других” по сословным и религиозным критериям. И государство их кодифицировало, создавая правовую систему сословий, регулировавшую доступ подданных к собственности, образованию и карьере»¹³, поскольку именно «в аграрных обществах культурная дистанция между верхами и низами обеспечивала стабильность, проясняя классификацию общества»¹⁴.

Это проявлялось в разных формах: телесные наказания для низших слоев населения и тюремное заключение или штраф для высших; иноязычие верхов; раскольниковство, присущее низам; представление о народе-варваре в литературных произведениях, этнографических исследованиях, столичных коллекциях. На примере А.Н. Радищева А. Эткинд показывает, как воспринимались жители одной из колонизируемых территорий: «Сибиряки — русские поселенцы — хвастливы, лукавы, избегают новизны и всякого соседства, то же самое я вижу и у подмосковных крестьян»¹⁵. В отечествен-

¹⁰ Там же. С. 2.

¹¹ Там же. С. 3.

¹² Там же. С. 2.

¹³ Шевырин В.М. 2014. 03. 022. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. — М.: НЛЮ, 2013. — 448 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Реферативный журнал. 2014. № 3. С. 107.

¹⁴ Могильнер М.М. Указ. соч. С. 273.

¹⁵ Там же. С. 283–284.

ной литературе (у М.А. Булгакова) встречаются такие строки: «Не народ, а скотина, хам, дикая орда, душегубов и злодеев». В совокупности всех этих оценок и складывается негативный ориентализм по отношению к собственному народу.

Это все происходит в частности и потому, что, начиная с XIII столетия, российские мыслители получали образование, которое мало отличалось от того, что получали в остальной части Европы¹⁶, следовательно, по своей сущности оно было европейским с укоренившимися взглядами западноевропейских путешественников на Российскую империю.

«Пропаганда просвещения» планировалась властью для того, чтобы использовать знания для господства, т.к. культурная и академическая элита автоматически вступали в союзы со светской, продвигая имперскую политику. Натаэль Найт показывает это на примере того, как В.В. Григорьев¹⁷ хотел применить знание языков и культуры тюркских народов на службе империи, но генерал Безак был против и из этого ничего не получилось, следовательно, в России ученые участвовали в формировании государственной политики только на условиях господствующей власти.

Это явление, столь распространенное в русской мысли, Адиб Халид назвал «самоориентализация» — удрученное отношение к действительности¹⁸. Ему вторила и Г.М. Казакова, которая, проанализировав культурогенез регионов, сделала умозаключение, что каждый регион представлял собой Россию, но какую-то «иную»¹⁹. Если сравнить отношения в европейских колониях с местным населением, где это представлялось в таких категориях и терминах, как «резервация», «конфликт» «геноцид», то в России присоединение огромных территорий осуществлялось как «диалог» метрополии и колонизируемых народов.

Факт, который приводит Г.М. Казакова, подтверждается А.М. Эткиндо и В.М. Шевырином. На периферии люди жили лучше, чем в центральных губерниях. «Из всех народов империи только на русских и восточных славян распространялось крепостное право. Не прибыль, а порядок были главной задачей крепостной колонизации, не производство товаров, а воспроизводство населения и колонизация территории были ее целью, не развитие, а принуждение были ее методом»²⁰.

¹⁶ *Натаэль Найт*. Указ. соч. С. 319.

¹⁷ Там же. С. 327–330.

¹⁸ *Адиб Халид*. Указ. соч. С. 321.

¹⁹ *Казакова Г.М.* Колонизация как фактор регионализации русской культуры // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2009. № 11. С. 75.

²⁰ *Шевырин В.М.* Указ. соч. С. 107.

Таким образом, в русской историографии термин «колонизация» не носил негативного оттенка и был ближе по смыслу к термину «расселение»²¹. В данном случае зарубежные и отечественные историографы сходятся на мысли о более «мягком» империализме²², т.к. Российская империя руководствовалась интересами благополучия покоренных народов, в отличие от западных держав, которые преследовали свои имперские амбиции с кровавым азартом. Колонизация представляла собой приспособление и одомашнивание «других»²³. Так, Россия, постепенно колонизируясь, выстраивала каркас единого государства, с включенными колонизируемыми странами — государство, где на одном пространстве соединялись два противоположных и условных мира: Запад и Восток.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адиб Халид*. Российская история и спор об ориентализме // Российская Империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. М., 2005.
2. *Казакова Г.М.* Колонизация как фактор регионализации русской культуры // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2009. № 11.
3. *Кудряшев В.Н.* Восточная экспансия Российской империи в оценке Русских публицистов второй половины XIX века // Вестник ТГУ. История. 2015. № 1.
4. *Мария Тодорова*. Есть ли русская душа у русского ориентализма // Российская Империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. М., 2005.
5. *Натаэль Найт*. О русском ориентализме // Российская Империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. М., 2005.
6. *Могильнер М.М.* Бремя бритого человека А.М. Эткинд // *Ab Imperio*. 2002. № 1.
7. *Тлепцок Р.А.* Проблема «имперского расширения» России в понятиях и терминах // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 3.
8. *Шевырин В.М.* 2014. 03. 022. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. — М.: НЛЮ, 2013. — 448 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Реферативный журнал. 2014. № 3.
9. *Эткинд А.М.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2014.

²¹ *Могильнер М.М.* Указ. соч. С. 275.

²² *Кудряшев В.Н.* Восточная экспансия Российской империи в оценке Русских публицистов второй половины XIX века // Вестник ТГУ. История. 2015. № 1. С. 85.

²³ *Мария Тодорова*. Указ. соч. С. 358.

V.E. Asafova

Kazan (Russia)

Kazan (Volga region) Federal University

EMPIRE AND ENLIGHTENMENT: JOINT ENLIGHTENMENT
OF THE “BARBARIANS” IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

In post-colonial studies of the XXth century, the idea of the “other” begins to develop in connection with the publication of the book “Orientalism” by Edward Said, about the negative image of the East formed by the West, which did not correspond to reality. The study was of great importance for many disciplines. In addition, the main question that remains relevant — the object or subject of orientalism is the Russian Empire.

The article will consider approaches to the problem of both foreign researchers (Adib Khalid, Nathaniel Knight Maria Todorova) and russian historiographers (A.M. Etkind, R.A. Tleptok, V.M. Shevyrin, G.M. Kazakova and V.N. Kudryashev).

Keywords: concept of orientalism, self-orientation, inter-civilizational interaction, colonization, enlightenment.

П.С. Петрова
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРИЧИНЫ ЦЕРКОВНЫХ РЕФОРМ ПАТРИАРХА НИКОНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СЕР. XIX — НАЧ. XX ВВ.

Статья посвящена историографии церковных реформ сер. XVII в. Анализируются взгляды отечественных историков сер. XIX — нач. XX вв. на проблему. Выделяются основные концепции и точки зрения на предпосылки и причины преобразований, связанных с именем патриарха Никона.

Ключевые слова: историография, Алексей Михайлович, патриарх Никон, причины, раскол, церковная реформа.

История XVII в. в России была богата на судьбоносные для последующего развития страны события. К таковым, несомненно, относятся и церковные реформы патриарха Никона, которые неоднозначно воспринимались и обществом, и исследователями.

В изучении проблемы, можно выделить ряд наиболее актуальных вопросов, к числу которых, несомненно, относится вопрос о предпосылках и причинах церковной реформы. Серьезные научные изыскания в этой области начинаются в сер. XIX в. Именно на первом, дореволюционном, этапе оформились основные подходы в трактовке никонианских реформ, получившие развитие в последующей историографии.

Одним из первых исследователей, поставивших изучение истории Русской Церкви и реформы Никона на научную основу, был Митрополит Макарий (Булгаков). По его мнению, причины реформ заключались: во-первых — в необходимости устранить неточности в богослужебной литературе и чине; во-вторых — во влиянии греческих иерархов. Проведение реформ, считал Макарий, не было инициативой Никона. Он лишь продолжил дело, начатое патриархом Иовой, предпринимавшем попытки исправить расхождения в богослужебной литературе¹.

¹ *Макарий (Булгаков)*. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855. С. 139–153; *Его же*. Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов. М., 1881. С. 10.

Самый, пожалуй, известный историк раскола, А.П. Щапов, утверждал, что российское общество с нач. XVII в. находилось в состоянии кризиса. По этой причине было необходимо взаимодействие светских и церковных властей для «излечения народа». «Жестка, груба была нравственность в большей части духовенства и народа в XVII в.: потому жесткие, крутые иногда и меры употреблял этот высококравственный архипастырь для исправления современной нравственности»². Реформы и дальнейший раскол стал порождением морально-нравственных недостатков общества XVII в. Никон стал великим просветителем для погрязших в грехе и необразованности православных христиан. Кроме того, А.П. Щапов указал на важную роль земства в происхождении раскола.

Идеи А.П. Щапова воспринял В.В. Андреев. Но имеются и различия. А.П. Щапов вел речь о земстве, как источнике раскола, а не реформ. Земства, по его мнению, были «рассадником» оппозиционных движений. Раскол же идеологически объединил множество разрозненных движений в одно большое. В свою очередь, В.В. Андреев считал положение земств основной причиной начала реформ. Историк усматривал связь между церковной реформой и стремлением русского правительства к единой державии. Мероприятия, проводимые в правление Алексея Михайловича, преследовали цель всестороннего объединения страны через усиление центральной власти и ослабление местных вольностей: «Как судебник Ивана III и Ивана IV были предшественниками окончательно объединившего гражданскую Русь Уложения Алексея Михайловича, так исправления церковных книг Максима Грека, архм. Дионисия и патр. Филарета только предшествовали объединившему церковную Русь исправлению Никона». Окончательному объединению страны с точки зрения гражданских и церковно-административных отношений мешали местные особенности и порядки, которые были особенно сильны на окраинах³.

С.М. Соловьев считал XVII в. переломным в истории России. Согласно его концепции, в это время складывались необходимые предпосылки для осуществления реформ. Процесс преобразований и введения новшеств был запущен раньше, чем начались широкомасштабные реформистские мероприятия XVII в. Уже во второй пол. XV в. русское правительство и общество стало осознавать необходимость учиться у западных соседей. Взоры были обращены к Малороссии. «Представилось средство удовлетворить этой потребности без страха пред иноверством. Подле Великой России была Малая, и обе силою известных обстоятельств влеклись к соединению в одно политическое тело; Малая Россия благодаря борьбе с латинством раньше

² Щапов А.П. Русский раскол старообрядчества. Казань, 1859. С. 137.

³ Андреев В.В. Раскол и его значение в русской истории. СПб., 1870. С. 17.

почувствовала потребность просвещения и владела уже средствами школьного образования. Стало быть, великороссиянину можно было учиться безопасно»⁴. Но даже такой компромисс не был удачным решением. Обучившиеся в Малороссии и Греции привнесли в Россию разлад, настаивая на изменения в пользу греческого обряда. «Новообученные» стали конфликтовать со старыми порядками и со своими отечественными учителями. В вопросе о причинах и сущности церковных реформ С.М. Соловьев был вынужден отступить от своей концепции реформ, которая подразумевала единение власти и общества для осуществления необходимых преобразований. В данном вопросе понимание необходимости реформ было присуще лишь небольшому кругу лиц. Соответственно трудно вести речь о едином общенародном порыве к изменениям.

Ученик С.М. Соловьева, В.О. Ключевский, решающую роль отводил не царю, а патриарху Никону, который стремился к созданию теократии. Патриарх был недоволен внутренним состоянием дел в государстве, а именно финансовыми проблемами правительства и хозяйственным разорением народа⁵. Таким образом, В.О. Ключевский считал, что причиной реформ стало плачевно положение не столько церкви, сколько государства в целом, а также личные амбиции Никона.

Н.И. Костомаров вел речь о книгопечатании, как важном факторе реформ. Уже со времен Максима Грека было известно о разночтениях в богослужебной литературе. По этой причине появилась необходимость унификации текстов. Процесс ускорился благодаря распространению книгопечатания, поскольку «книгопечатание вообще, распространяя сочинения и расширяя круг читателей, давало последним побуждение доискиваться правильной передачи сочинений и возможность удобнее замечать и сравнивать разночтения. Печатное внушало к себе более доверия, чем писаное, так как предполагалось, что приступавшие к печатанию старались изыскивать средства передать издаваемое правильно». Таким образом, книгопечатание значительно ускорило приближение реформ⁶.

Крупный исследователь в области истории церкви, Н.Ф. Каптерев, в книге «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» писал, что Никон не начал, а продолжил книжную справу, начатую патриархом Иосифом. Необходимость исправления книг была известна уже достаточно давно, на это постоянно указывали разные справщики. Не довольные «справой» клирики

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. 13. СПб., 1896. С. 734.

⁵ Ключевский В.О. Русская история. Т. 2. СПб., 1902. С. 108.

⁶ Костомарова Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2007. С. 298.

образовали кружок ревнителей древнего благочестия. Стремясь избавить православную церковь от скверны, члены кружка требовали проведения широкомасштабных реформ сверху. Н.Ф. Каптерев предполагал, что сам царь оказал огромное влияние на проведение реформ. Алексей Михайлович преследовал идею всеправославного государства с центром в Москве, которое бы объединило православные народы: «Именно в качестве подготовки государственного объединения с греками русский царь сделал попытку устранить обнаруженные различия в богослужбной практике Греческой и Русской церквей»⁷. Эта идея получит продолжение во многих последующих исследованиях, в частности в работе известного историка церкви в эмиграции А.В. Карташёва⁸.

По мнению Д.И. Иловайского, еще при царе Михаиле Федоровиче начались процессы, которые впоследствии привели к реформам. В это время велись острые дискуссии с лютеранами по поводу сватовства принца Вальдемара. В дискуссиях приходило понимание превосходства южнорусских книжников и богословов в плане образованности. С одной стороны, все чаще и чаще стали обращаться к киевской книжной словесности и киевским ученым. С другой стороны, важную роль начинает играть кружок ревнителей древнего благочестия. В обоих случаях было понимание необходимости исправлений⁹.

Д.И. Иловайский также указывал на внешнеполитические причины реформ. Начиная с XV в. происходит постепенное утверждение идеи «Москва — третий Рим». В XVI в. учение достигает полного развития, но к сер. XVII в. вера в русскую непогрешимость и избранность подвергается сомнению. Это происходит, потому что приходит осознание своей слабой образованности и потребности в исправлении литературы¹⁰.

Е.Е. Голубинский считал, что нельзя приписывать исправление обрядов и книг единолично Никону. «Первая мысль об исправлении принадлежала вовсе не одному Никону... а сколько ему, столько же и царю Алексею Михайловичу с другими ближайшими советниками последнего, и не будь государь, подобно Никону, способен внять представлениям о несправедливости нашего мнения относительно позднейших греков, будто они утратили чистоту православия древних греков, не могло бы иметь места и самое никоново исправление обрядов и книг, ибо вето государя могло бы остановить дело в самом начале». Без одобрения и поддержки царя, по мнению Е.Е. Го-

⁷ *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. М., 2012. С. 214.

⁸ *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1992. С. 99.

⁹ *Иловайский Д.И.* История России. Т. 5. М., 1905. С. 264.

¹⁰ Там же. С. 266.

лубинского, Никона с его идеями попросту не допустили бы к Патриаршему престолу¹¹.

По мнению П.Н. Милокова, причиной реформ стала необходимость упорядочивания церковной жизни. Цель реформ — исправление накопившихся неточностей в богослужебной литературе. Исследователь придавал большое значение национальному характеру русской церкви. Национальная церковь подразумевала почитание старины и трепетное отношение к старым русским текстам и церковным традициям. Старые, многократно переписываемы книги считались безупречными и не подвергались критике, отсюда, по его мнению, возникали проблемы, связанные с накоплением ошибок и разночтением. Выход был простой, но противоречащий национальной идее — исправление и приведение к единому образцу¹².

Таким образом, в дореволюционной историографии можно выделить следующие подходы к трактовке предпосылок и причин церковной реформы Никона. Одни историки (митрополит Макарий, Н.И. Костомаров, П.Н. Милоков) основную причину реформ усматривали в накоплении неточностей и разночтений в богослужебной литературе и церковном чине. Другие (С.М. Соловьев, Н.Ф. Каптерев, Д.И. Иловайский) — главную роль отводили совокупности внешнеполитических обстоятельств, среди которых и идеи о всеправославном государстве, и осознание собственной отсталости от европейских стран. В.О. Ключевский и Е.Е. Голубинский вели речь о столкновении интересов государства и церкви в лице патриарха и царя. Наконец, представители демократического направления в отечественной историографии XIX в., А.П. Щапов и В.В. Андреев, считали, что церковные реформы были необходимы с точки зрения устранения вольностей на окраинах и для централизации государства. Особую роль они отводили земствам, как источникам оппозиционных настроений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев В.В. Раскол и его значение в русской истории. СПб., 1870.
2. Голубинский Е.Е. К нашей полемике с старообрядцам // Богословский вестник. 1892. № 3.
3. Иловайский Д.И. История России. Т. 5. М., 1905.
4. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. М., 2012.

¹¹ Голубинский Е.Е. К нашей полемике с старообрядцам // Богословский вестник. 1892. № 3. С. 66.

¹² Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб., 1897. С. 135.

5. *Кантерев Н.Ф.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. Сергиев Посад, 1913.
6. *Карташёв А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1992.
7. *Ключевский В.О.* Русская история. Т. 2. СПб, 1902.
8. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2007.
9. *Макарий (Булгаков).* История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855.
10. *Макарий (Булгаков).* Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов. М., 1881.
11. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб., 1897.
12. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. 13. СПб., 1896.
13. *Щанов А.П.* Русский раскол старообрядчества. Казань, 1859.

P.S. Petrova

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

REASONS AND PREREQUISITES FOR PATRIARCH NIKON'S CHURCH REFORMS IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article is devoted to the historiography of the causes and prerequisites of Church reforms in the middle of the XVII century. The works of domestic researchers devoted to this problem are analyzed. Various approaches to the study of the causes of Nikon's reforms are considered

Keywords: historiography, Alexey Mikhailovich, Patriarch Nikon, causes, schism, Church reform.

В.К. Хворенкова
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ПРОБЛЕМА ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ 1812 Г. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ЭТАПЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье рассматривается вопрос положения военнопленных войны 1812 г. в исторической науке. Выделены и охарактеризованы этапы развития историографии, описывается специфика исследовательских работ. Особое внимание уделено работам, написанным после 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 г. Статья также обозначает проблемы, которые станут объектом научных изысканий в будущем.

Ключевые слова: военнопленные, историография, иностранцы, 1812.

Данная проблема долгое время находилась вне поля зрения дореволюционных и советских историков. Началом разработки проблемы иностранных военнопленных можно считать 1974 г., когда была опубликована статья В.Г. Сироткина «Судьба французских солдат в России после 1812 г.»¹. Можно выделить 3 этапа в изучении данной проблемы отечественными историками:

- 1) 1974–2000 гг.
- 2) 2001–2009 гг.
- 3) 2010–настоящее время

На *первом* этапе происходило определение проблемных полей в пределах темы. В.Г. Сироткин поставил вопрос о необходимости исследования правового положения военнопленных, практик использования их труда и переход пленных в российское подданство². Впервые была затронута проблема численности пленных³.

¹ *Сироткин В.Г.* Судьба французских солдат в России после 1812 года // Вопросы истории. 1974. № 3. С. 129–136.

² Там же.

³ *Сироткин В.Г.* Судьба пленных солдат и офицеров Великой Армии в России после Бородинского сражения // Отечественная война. Источники. Памятники.

К.В. Иванов, чья работа появляется только в 1997 г., впервые поднял вопрос о финансировании пребывания военнопленных, рассматривая его на материалах архива Пензенской области⁴.

Активная разработка проблемы началась на *втором* этапе. Отличительной чертой этого периода стала разработка вопросов на региональном материале, стремление исследователей охватить все губернии.

В 2001 г. состоялась защита кандидатской диссертации В.А. Бессонова «Военнопленные Великой армии 1812 года в России (по материалам Калужской губернии)»⁵. Это было первое специализированное исследование по проблеме иностранных военнопленных. В нем автор предложил свою методику подсчета организованных военнопленных, находящихся во всех губерниях Российской империи. Также историк провел анализ нормативно-правовой базы по пребыванию военнопленных Великой армии, изучил вопрос пребывания военнопленных в Калужской губернии на основе делопроизводственных документов и мемуарных источников.

Также на региональном материале была основана диссертационная работа С.Н. Хомченко, который изучал данный вопрос на территории Среднего и Нижнего Поволжья и Южном Приуралье. Особое внимание С.Н. Хомченко уделил быту пленных, правонарушениям как со стороны иностранцев, так и местного населения в отношении военнопленных⁶. Одна из глав докторской диссертации С.В. Белоусова, защищенная в 2007 г., посвящена военнопленным на территории Среднего Поволжья. Новым аспектом его работы является анализ конвоирования военнопленных на примере Пензенской губернии⁷. Благодаря этим исследователям г. Самара стала центром изучения иностранных военнопленных Наполеоновской армии в России.

Проблемы: мат-лы VIII Всерос. науч. конф. (Бородино, 6–7 сентября 1999 г.). М., 2000. С. 246–265.

⁴ *Иванов К.В.* Система финансирования военнопленных 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 198–207.

⁵ *Бессонов В.А.* Военнопленные Великой армии 1812 года в России (по материалам Калужской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001.

⁶ *Хомченко С.Н.* Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812–1814 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007; *Его же.* «Находится во всегдaшнем пьянстве и делает ссоры и наглые поступки...» Правонарушения, связанные с военнопленными армии Наполеона в 1812–1814 годах на примере Поволжья и Приуралья // 1812 год: война и мир: мат-лы Всерос. науч. конф. Смоленск, 2009. С. 193–205.

⁷ *Белоусов С.В.* Конвоирование военнопленных армии Наполеона в Поволжье // Вестник СамГУ. 2005. № 4. С. 80–86.

Петербургский исследователь Б.П. Миловидов, опираясь на региональные архивы и привлекая иные источники, рассмотрел особенности обеспечения и передвижения военнопленных, отношения к ним местной власти и населения⁸ на примере нескольких губерний.

На *третьем* этапе исследователи продолжают развивать данную проблематику, но предмет изучения становится более узким и чаще привлекают мемуарные источники⁹. А.И. Попов и С.Н. Хомченко проделали колоссальную работу по переводу с немецкого воспоминаний военнопленных, устанавливали авторство некоторых из них¹⁰.

В.П. Тотфалушин изначально не специализировался на проблеме военнопленных, но он выпустил несколько статей об иностранцах в Саратовской губернии¹¹. Отметим, что данная проблематика стала крайне интересна для исследователей, которые изначально специализировались на Отечественной войне, но не рассматривали этот аспект.

Несмотря на то, что анализ положения военнопленных во многих губерниях был проведен на втором этапе, исследователи обошли стороной Вятскую губернию. Но позднее, Э.А. Цеглеев изложил в общих чертах вопросы количества и материального положения пленных, а С.И. Гурьянова разработала вопрос об организации медицинского обеспечения в Вятской губернии¹².

⁸ Напр.: *Миловидов Б.П.* Военнопленные в Ярославской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2003. С. 142–152.

⁹ *Хомченко С.Н.* Оренбургская губерния в мемуарах пленных военнослужащих Великой армии Наполеона // Уральский исторический вестник. 2012. № 1(34). С. 54–63; *Попов А.И., Хомченко С.Н.* Казанская губерния в 1812–1814 гг. в мемуарах военнопленных Великой армии Наполеона // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20. № 3–2. С. 399–406.

¹⁰ *Попов А.И., Хомченко С.Н.* Определение авторства анонимных мемуаров // Самарский научный вестник. 2014. № 4(9). С. 97–100; *Их же.* Из воспоминаний И.А. Второва о военнопленных 1812–1814 гг // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. № 3–2. С. 566–576.

¹¹ Напр.: *Тотфалушин В.П.* Саратов в воспоминаниях военнопленных 1812 года // История и историческая память. 2010. № 2. С. 133–147.

¹² *Цеглеев Э.А.* Размещение военнопленных Великой армии Наполеона в Вятской губернии в 1812–1813 гг. // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 2. URL: <http://human.snauka.ru/2014/02/6036>; *Гурьянова С.И.* Документы канцелярии вятского губернатора по организации в губернии медицинского обеспечения военнопленных Великой армии (1812–1814 гг.) // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 73–81.

Новым интересным направлением в изучении иностранных военнопленных является их влияние на различные сферы жизни российского общества. В экономике — это проблема использования труда военнопленных. Изначально ее поднимал В.Г. Сироткин, но потом из-за недостатка источников она отошла на второй план.

Возвратился к этому вопросу Б.П. Миловидов, выделив 2 тенденции правительственной политики: добровольное и принудительное привлечение военнопленных к труду, причем ко второму варианту прибегали чаще¹³. В.Н. Земцов крайне скептически относится к тезису о широком использовании труда военнопленных, отмечая их иное мировосприятие, социальное поведение¹⁴.

Влияние военнопленных на социокультурную сферу рассмотрено в работах Л.М. Артамоновой и М.Е. Захаровой¹⁵.

Таким образом, за 45 лет проблема присутствия иностранных военнопленных 1812 г. в российской исторической науке освещена достаточно широко, но остаются моменты, требующие детального изучения. Так, перспективным вопросом является уточнение численности военнопленных в т.ч. неорганизованных (т.н. «шаромыжников»), побеги и протесты военнопленных и взаимовлияние местного населения и иностранных военнопленных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артамонова Л.М.* Военнопленные армии Наполеона и русское провинциальное общество: проблемы изучения повседневности, социальных отношений, культурных контактов // Вестник СПбГУК. 2013. № 1(14).

2. *Белоусов С.В.* Конвоирование военнопленных армии Наполеона в Поволжье // Вестник СамГУ. 2005. № 4.

¹³ *Миловидов Б.П.* Использование военнопленных 1812 г. на работах: тенденции правительственной политики. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2011/Milovidov.pdf

¹⁴ *Земцов В.Н.* Военнопленные армии Наполеона на Уральских заводах, или история о том, как русские дважды наступили на одни и те же грабли // Французский ежегодник. 2013. «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013. С. 101–114.

¹⁵ *Артамонова Л.М.* Военнопленные армии Наполеона и русское провинциальное общество: проблемы изучения повседневности, социальных отношений, культурных контактов // Вестник СПбГУК. 2013. № 1(14). С. 152–164; *Захарова М. Е.* Отношение к пленным наполеоновской армии как характеристика культуры провинциального российского общества первой четверти XIX в. // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 407–410.

3. *Бессонов В.А.* Военнопленные Великой армии 1812 года в России (по материалам Калужской губернии): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Самара, 2001.
4. *Гурьянова С.И.* Документы канцелярии вятского губернатора по организации в губернии медицинского обеспечения военнопленных Великой армии (1812–1814 гг.) // Отечественные архивы. 2010. № 3.
5. *Захарова М.Е.* Отношение к пленным наполеоновской армии как характеристика культуры провинциального российского общества первой четверти XIX в. // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23.
6. *Земцов В.Н.* Военнопленные армии Наполеона на Уральских заводах, или история о том, как русские дважды наступили на одни и те же грабли // Французский ежегодник. 2013. «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М., 2013.
7. *Иванов К.В.* Система финансирования военнопленных 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997.
8. *Миловидов Б.П.* Военнопленные в Ярославской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция: События. Люди. Памятники. Малоярославец, 2003.
9. *Миловидов Б.П.* Использование военнопленных 1812 г. на работах: тенденции правительственной политики. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2011/Milovidov.pdf
10. *Попов А.И., Хомченко С.Н.* Из воспоминаний И.А. Второва о военнопленных 1812–1814 гг // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. № 3–2.
11. *Попов А.И., Хомченко С.Н.* Определение авторства анонимных мемуаров // Самарский научный вестник. 2014. № 4(9).
12. *Попов А.И., Хомченко С.Н.* Казанская губерния в 1812–1814 гг. в мемуарах военнопленных Великой армии Наполеона // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20. № 3–2.
13. *Сироткин В.Г.* Судьба пленных солдат и офицеров Великой Армии в России после Бородинского сражения // Отечественная война. Источники. Памятники. Проблемы: мат-лы VIII Всеросс. науч. конф. (Бородино, 6–7 сентября 1999 г.). М., 2000.
14. *Сироткин В.Г.* Судьба французских солдат в России после 1812 года // Вопросы истории. 1974. № 3.
15. *Тотфалушин В.П.* Саратов в воспоминаниях военнопленных 1812 года // История и историческая память. 2010. № 2.
16. *Хомченко С.Н.* «Находится во всегдашнем пьянстве и делает ссоры и наглые поступки...». Правонарушения, связанные с военнопленными армии Наполеона в 1812–1814 годах на примере Поволжья и Приуралья // 1812 год: война и мир: мат-лы Всерос. науч. конф. Смоленск, 2009.

17. *Хомченко С.Н.* Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812–1814 гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Самара, 2007.

18. *Хомченко С.Н.* Оренбургская губерния в мемуарах пленных военнослужащих Великой армии Наполеона // Уральский исторический вестник. 2012. № 1(34).

19. *Цеглеев Э.А.* Размещение военнопленных Великой армии Наполеона в Вятской губернии в 1812–1813 гг. // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 2. URL: <http://human.snauka.ru/2014/02/6036>

V.K. Khvorenkova
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

THE PROBLEM OF FOREIGN POWS OF 1812 IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY: STAGES AND PROSPECTS OF STUDY

The article discusses the situation of prisoners of war of 1812 in historical science. The stages of the development of historiography are highlighted and characterized, and the specifics of the research work are described. Particular attention is paid to the works written after the 200th anniversary of the victory of Russia in the Patriotic War of 1812. The article also identifies problems that will become the object of scientific research in the future.

Keywords: Prisoners of war, historiography, foreigners, 1812.

*А.Н. Мацевская
г. Томск (Россия)
Томский гос. ун-т*

ХОСЕ ОРТЕГА-И-ГАССЕТ И КРИСТОФЕР ЛЭШ: ВОССТАНИЕ МАСС VS ВОССТАНИЕ ЭЛИТ?

В докладе рассматривается проблема соотношения элиты и массы в работах Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» и Кристофера Лэша «Восстание элит и предательство демократии». Задача статьи — выяснить, является ли восстание масс и восстание элит одним и тем же процессом? Каким образом концептуализируется социальная реальность в работах Х. Ортеги-и-Гассета и К. Лэша? Описывают ли они один и тот же субъект власти и исходят из одного типа социальной реальности или речь идет о разных типах личности, которые являются субъектами власти в различных типах социальной реальности? Сделан вывод, что исследователи описывают один субъект власти и исходят из одного типа социальности, который в процессе исторического развития трансформируется из массового общества в информационное общество. Таким образом, между восстанием масс и восстанием элит ставится знак равенства.

Ключевые слова: восстание, массы, элита, общество, кризис, информация.

На протяжении истории человечества общество делилось и делится на элиту и массу. Элита — избранное меньшинство, которое имеет право осуществлять управление над массой. Масса же — это большинство, которое подчиняется элите. Разные типы обществ предполагают различные основания этого деления. Например, в традиционном обществе право на осуществление власти легитимировалось божественной волей и передавалось по наследству. С развитием общества менялись взгляды на социальное деление. Так, с конца XIII в. провозглашается свобода и равенство людей. Каждый человек свободен, имеет свои права и может за них бороться. Данные перемены проистекали из-за изменения общественного строя. Как правило, изменения в политической и социальной жизни общества связывают с кризисом прошлого режима. Под кризисом понимается неспособность политической системы или властных структур консолидировать и организовывать общество. Особенно ярко эти тенденции проявляются в нач. XX в., когда про-

блема соотношения масс и элит стала предметом интенсивной рефлексии как в контексте социально-философского, так и политического дискурса.

В нач. XX в. появляется работа Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс»¹. В данной работе Ортега-и-Гассет декларирует, что сформировался новый тип социальности, который сам философ именовал массовым обществом. Массовое общество как новое образование породило нового субъекта, новый тип личности, так называемого «среднего» человека или «человека-массу». Этот субъект олицетворяет экономическую, политическую власть. Ортега-и-Гассет отмечает, что на главную сцену мировой истории вышла посредственность, неспособная брать на себя ответственность и управлять обществом.

В конце XX в. Кристофер Лэш, американский историк и социолог, пишет книгу «Восстание элит и предательство демократии»². Он, в противовес испанскому философу Ортеги-и-Гассету, приписывает психологические характеристики человека-массы человеку элиты. В контексте его работы речь идет уже об информационном обществе. Американский исследователь описывает элиту как избранное меньшинство, которое заботится лишь о собственном благосостоянии и развлечении. При этом они яро поддерживают иллюзию равных возможностей продвижения человека по социальной лестнице, тогда как на самом деле социальные лифты отсутствуют. К. Лэш рассматривает особенности этого типа существования как причину разложения демократии.

Хосе Ортега-и-Гассет анализирует массовое общество, частью которого он является. По мнению испанского философа, субъект этого общества или человек массы актуализируется во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Ортега-и-Гассет выделяет три фактора, повлиявшие на формирование данного типа социума: либеральная демократия, экспериментальная наука и индустриализация. Либеральная демократия провозгласила права для каждого человека, но она же обязала всех и каждого подчиняться закону. Массы в XIX в. при установленном демократическом режиме пользовались правами, но не утверждали их. Для народа суверенность была своеобразным идеалом. Теперь этот идеал превратился в реальность, потеряв при этом свой ореол. Благородная идея демократии — уравнение в правах — на практике трансформировалась в удовлетворение желаний. Индустриализация вкупе с наукой повысила уровень жизни людей, продемонстрировав рост человеческих возможностей.

Испанский философ выделяет следующие особенности массового общества. Во-первых, это многочисленность или всеобщая переполненность как самое очевидное проявление массового общества. Во-вторых, условия

¹ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. Нью-Йорк, 1954.

² *Лэш К.* Восстание элит и предательство демократии. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5424>

жизни обычного человека стали приобретать все больший масштаб. Ему становятся известны события, которые происходят на разных континентах. Однако главная черта этого типа социальности — новый субъект власти или человек-масса. Он упраздняет меньшинство и становится главным персонажем на политической арене.

Новый субъект власти или масса берется в двух отношениях — количественном и качественном. Количественному отношению соответствует тот факт, что в XX в. происходит увеличение численности людей. Массы и раньше существовали, но как разбросанные по свету одиночки или маленькие группы. Сейчас же они вышли из-за кулис прямо на авансцену. В качественном отношении философ фиксирует значительные изменения, при которых масса — это не социальный слой как, например, пролетариат. Понятие «человек-масса» не означает принадлежность к определенной социальной страте. Испанский мыслитель связывает человека массы с его особой духовной организацией. Он интерпретирует массу как заурядного человека, лишенного индивидуальности.

Этот тип личности представляет субъект власти в этой социальной реальности. Философ выделяет следующие психологические особенности: неблагодарность, безответственность, самодовольство. Неблагодарность проявляется в равнодушном отношении к цивилизации, которая обеспечивает его существование. Желания и требования этого типа субъективности растут в геометрической прогрессии. Безответственность демонстрируется в неспособности ручаться за свои действия по отношению к другим. Драма, которая предстает перед ним в результате его поспешных решений, кажется ему несерьезной. Самодовольство выражается в уверенности в собственном совершенстве. Он довольствуется готовыми идеями и мыслями, не собираясь при этом дальше развиваться и познавать себя.

Таким образом, появление массового общества сопровождается таким процессом, который Ортега-и-Гассет обозначает как восстание масс. Восстание масс — это количественное и качественное изменение человека, причиной которого является рост жизни. К тому же, восстание масс является наиболее видимым симптомом европейского морального кризиса. Вышедший на свет человек массы отверг устаревшие заповеди, чтобы жить, не подчиняясь никаким правилам. Появление типа личности с особым «психическим складом» закладывает основы для общества потребления.

Кристофер Лэш уверен, что наблюдает другую картину, а именно восстание элит. Лэш критикует концепцию человека-массы Хосе Ортеги-и-Гассета. Он заявляет, что в современной ему исторической ситуации психологические особенности, которые испанский философ приписывал человеку массы, характеризуют человека элиты. Общество, в котором происходит данный процесс, можно назвать информационным. Субъектом власти в дан-

ном обществе является человек элиты. Кристофер Лэш не вводит нового понятия, а использует уже введенный до него термин (человек элиты). Американский историк не углубляется в причины возникновения информационного общества. Он работает в рамках определенной традиции, описывая вышеназванный тип социальности. Знание и информация — самые важные составляющие информационного общества. Также данное общество не может функционировать без определенного политического режима — демократии. Быстрое внедрение и распространение информационных и телекоммуникационных технологий и их доступность требует равенства прав граждан в государстве. Поэтому образование и развитие СМИ в Америке при демократическом режиме выходят на первый план. Но идеалы доступного образования и свободных СМИ на деле не воплотились. Американский исследователь выносит диагноз: мы запутались в понимании смысла демократии. Демократия — «правовой строй, дающий людям возможность уживаться при их различиях»³. К. Лэш считает, что демократия, провозглашая свободу, терпимость, культурный плюрализм, открытость взглядов, становится режимом двойных стандартов. Поэтому автор указывает, что демократическому обществу абсолютно необходимы общие нормы, критерии.

Американский историк утверждает, что Хосе Ортега-и-Гассет, опубликовав «Восстание масс», не мог предвидеть то время, «когда будет уместнее говорить о восстании элит». В эпоху распространения большевизма и зарождения фашизма происходил кризис западной культуры, спровоцированный человеком массы. Сегодня же именно человек элиты, который контролирует международные финансовые и информационные потоки, это тот, кто утратил веру в ценности. Получается, что массы, утратившие ценности люди, поменялись местами с элитами. Между ними можно поставить знак равенства. Описанный Ортегой-и-Гассетом «психический склад» неблагоприятного заурядного человека американский социолог приписывает привилегированному классу. Массы ушли с авансцены, потерпев крах. Современные социально-политические движения, например, движения за права тех же меньшинств, претендуют на легитимацию своих прав и включения в общую структуру государства, а не на радикальное изменение системы общественных отношений. В данном случае низший и средний слои общества обладают чувством меры и границ, отвергая аборты, держась за полную семью и т.п., в отличие от их руководства.

Испанский философ писал, что произошел подъем исторического уровня жизни, подразумевая изобилие вещей и их широкое распределение среди большинства. Ортега-и-Гассет не указывал напрямую на общество потребления, но указывал, что подъем исторического уровня вкупе с ростом

³ Лэш К. Восстание элит...

жизни породил восстание масс. Ортега-и-Гассет был уверен, что у каждого нового поколения качество жизни будет только улучшаться. Кристофер Лэш, напротив, заявляет, что запущен обратный процесс. Неравенство легитимируется и снова превращается в принцип, определяющий социальную структуру общества. Социальное неравенство увеличивается в геометрической прогрессии. Фашизм и большевизм не выдержали проверку временем, поэтому демократия стала наилучшим вариантом как политический режим.

Кристофер Лэш показывает черты «психического склада», присущие с точки зрения Ортеги-и-Гассета человеку массы, на примере образовавшейся новой творческой элиты (Голливуд). В ее ряды практически невозможно попасть, а блеск, пафос и сила избранных должны поддерживаться за счет мнимой опоры на интеллект. Поэтому Лэш называет этот процесс не «восстанием масс», а выступлением меритократии. Прототип массового человека — это человек науки. Однако это не просто внешняя подмена, а изменение во внутренней структуре человека и общества. Данный процесс присущ меритократии. Меритократия — это некая пародия на демократию, которая предлагает социальную мобильность как шанс на успех для всех талантливых. На деле она только укрепляет силу влияния элит, поддерживая иллюзию основополагающей роли личных заслуг. К сожалению, меритократия будет лишь усиливать безответственность элит перед обществом, которые не признают обязательств перед предшественниками. Не особо беспокоясь о собственном долге, элиты ускользают от обязательств перед государством.

Х. Ортега-и-Гассет и К. Лэш описывают одну и ту же социальную реальность на различных этапах ее развития и одного и того же субъекта власти. Тип социальности, отраженный в работах Ортеги-и-Гассета и Лэша, претерпел значительные изменения: массовое общество трансформировалось в информационное общество. Субъект власти, именуемый человеком массы в случае Х. Ортеги-и-Гассета или человеком элиты в случае К. Лэша имеет одни и те же характеристики и в сущности не изменился в процессе трансформации массового общества в информационное. Можно выдвинуть гипотезу, что неблагодарный заурядный человек или посредственность научилась приспосабливаться в быстро меняющихся условиях. Этот тип личности, изначально преобладающий в массе, слишком уверенный в своих возможностях, смог извлечь выгоду из сложившихся обстоятельств. Элитой стал определенный круг избранных, в который практически невозможно попасть обычному человеку. Остальные посредственности прибывают в покое, считая, что цивилизация — естественный продукт, который человечество больше может не поддерживать.

Таким образом, восстание масс и восстание элит, в сущности, один и тот же процесс, который просто принимает различные формы в процессе развития одного и того же типа общества. В первом случае, это вышедшие на мировую сцену массы, которые отвергли устаревшие заповеди, чтобы жить,

не подчиняясь никаким правилам. Восстание масс здесь является причиной кризиса европейской культуры, а также наиболее видным симптомом европейского морального кризиса. Во втором случае, восстание элит — это выступление меритократии. Человек элиты — это меритократ, который является субъектом власти благодаря своим личным заслугам. При этом он не чувствует себя обязанным обществу, поэтому заботится лишь о собственном социальном положении. Восстание элит здесь выступает основанием демократического кризиса. Восстание масс Ортеги-и-Гассета предполагает активную деятельность масс во всех сферах жизнедеятельности, которая им не присуща. Восстание элит Лэша описывается как формирование избранного меньшинства, которое подрывает демократические ценности, увеличивает разрыв между богатыми и бедными. Однако в основании этих процессов лежит один и тот же субъект власти, обладающий одним и тем же набором признаков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лэш К.* Восстание элит и предательство демократии. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5424>
2. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. Нью-Йорк, 1954.

A.A. Macievskaia
Tomsk (Russia)
Tomsk State University

JOSE ORTEGA Y GASSET AND CHRISTOPHER LASH: REVOLT OF THE MASSES VS REVOLT OF THE ELITES

The report examines the problem of elite-mass ratio in the works of Jose Ortega y Gasset “Revolt of the masses” and Christopher Lash “Revolt of the elites and betrayal of democracy”. The aim of the article is to find out whether the uprising of the masses and the uprising of the elites are the same process? How social reality is conceptualized in the works of H. Ortega y Gasset and K. Lash? Do they describe the same subject of power and come from the same type of social reality, or are they talking about different types of personality who are subjects of power in different types of social reality? It is concluded that the researchers describe one subject of power and proceed from one type of sociality, which in the process of historical development is transformed from a mass society into an information society. Thus, between the revolt of the masses and the revolt of the elites is put an equal sign.

Keywords: revolt, masses, elite, society, crisis, information.

Е.В. Огуренко
г. Екатеринбург (Россия)
Уральский федеральный ун-т
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

АРХИВНАЯ РЕФОРМА 1918 Г.: ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

В статье рассматриваются основные направления в советской и российской историографии, тенденции современной историографии архивоведческой мысли, посвященной подготовке и проведению архивной реформы 1918 г. Анализируются исследования разных авторов о дискуссии в среде профессиональных архивистов и мероприятия советской власти в области архивного дела в период подготовки и принятии Декрета СНК «О реорганизации централизации архивного дела в РСФСР», их репрезентация в учебной и научно-исследовательской литературе непосредственными участниками и исследователями. Предпринимается попытка выделить основные проблемы в современной историографии, которые на настоящий момент не решены.

Ключевые слова: архивное дело, история архивоведческой мысли, архивная реформа, тоталитарная школа, конфликт, согласие.

Февральская революция и последующие события серьезно повлияли на логику развития России. Это касалось также и архивного дела: интеллигенция была обнадежена исполнением «заветной мечты» — созданием централизованного национального архива и системы управления архивами в губерниях. Действия большевистских властей, казалось, покончат с ведомственным характером хранения архивных документов. Однако перед В.И. Лениным и Совнаркомом стояли иные цели, а задачи частично совпадали с ожиданиями интеллектуальных кругов. В этих условиях началось обсуждение проекта декрета о государственной архивной службе, в ходе которого должна была быть определена организация архивов России.

* Статья создана в рамках гранта РНФ «Концепции конфликта и согласия в российской общественной мысли в контексте европейских подходов (XVIII–XX вв.)», 2018–2020 гг.

Обсуждение, итогом которого стало издание Декрета СНК «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР»¹ в 1918 г., положило начало новому этапу в развитии архивов России. По истечении ста лет с момента его издания проблема изучения обстоятельств создания и обсуждения декрета до сих пор является для современной архивоведческой историографии дискуссионной.

Для истории архивоведческой мысли и на сегодняшний день характерна определенная «самоизоляция» от отечественной историографической мысли. Отсутствие междисциплинарного взаимодействия в данном вопросе затрудняет объективное понимание архивного строительства в России как для архивоведения, так и для истории.

Историография по архивной реформе в России 1918 г. может быть традиционно разделена на советскую и постсоветскую. Соответственно, к первой относятся исследования, вышедшие в период 1918 — кон. 1980-х гг., а ко второй — исследования с кон. 1980-х гг.

Одним из первых ученых свою позицию относительно реформы выразил историк А.Е. Пресняков. В своей работе, озаглавленной «Реформа архивного дела в России», он приветствовал реформу, однако, подробно разбирая сущность реформы, очертил круг стоящих перед созданной архивной отраслью проблем и выделил особую роль в принятии декрета «вступление в дело» Д.Б. Рязанова, который принял на себя ответственность и руководил реформой².

А.С. Николаевым, автором статьи «Главное управление архивным делом», вышедшей почти сразу после исследования А.Е. Преснякова также подчеркивается особая роль Д.Б. Рязанова в работе по организации архивной реформы. Подробно выделяя проблемы, решаемые на пути ГУАД, А.С. Николаев посвящает свою статью преимущественно описанию непосредственного проведения реформы: структуре секций, составу и характеру документов, их количеству, работе по оценке губернских коллекций, мерам по повышению квалификации архивистов, эвакуации архивов. Можно сказать, что данная работа — первый труд, обобщающий историю архивной службы Советской России³.

Обе работы дают подробное описание положений Декрета, организации архивов России и содержат оценку рисков, стоящих перед только что соз-

¹ О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР. Декрет СНК РСФСР от 01.06.1918 // Архив законодательства СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_297.htm

² Пресняков А.Е. Реформа архивного дела в России // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 210–211.

³ Чернов А.В. История и организация архивного дела в СССР. М., 1940. С. 5–7.

данной отрасли. Однако, по мере усиления влияния М.Н. Покровского попытки всесторонней оценки архивного строительства стали подвергаться все большей критике со стороны формирующейся школы советских историков.

В контексте марксистско-ленинской методологии установление контроля Советского правительства над историческими архивами, а в дальнейшем и над комплексами документального наследия большей части Российской империи, рассматривалось как прогрессивное явление и акт передачи ретроспективных информационных ресурсов от господствующего буржуазии рабочему классу. В рамках подобного взгляда выполнен ряд крупных советских работ.

А.В. Чернов в своем, в определенном смысле, первым систематическим учебнике для студентов Историко-архивного института, изобразил яркую картину борьбы пролетариата во главе с В.И. Лениным против контрреволюции в архивном деле. Работа наполнена кричащими лозунгами и клеймением разного рода «предателей», среди которых оказывается, например, и Д.Б. Рязанов. Исследование выполнено по лекалам «Краткого курса истории ВКП(б)» и безусловно с точки зрения официальной советской литературы 1930-х гг.

В.И. Вяликов в соответствии с традицией советской архивоведческой мысли кратко пишет о том, что архивы были взяты под охрану рабочей властью. Так, Вяликов описывает развернувшуюся в среде архивистов дискуссию как «сопротивление противников социалистической централизации архивного дела». Для этого в комиссию и был приглашен Покровский, под чьим руководством был разработан проект декрета⁴.

В.В. Максаков в учебнике за своим авторством⁵ солидаризируется с В.И. Вяликовым в большинстве положений. Он также умалчивает о деталях в тех местах, где это может быть истолковано как покушение на официальную линию. При этом по сравнению с трудами В.И. Вяликова и А.В. Чернова, данная работа написана с меньшим апломбом, в относительно нейтральном стиле.

К концу советского периода, по мере углубления исторических изысканий, появлялись исследования, ставящие цель по-иному рассмотреть особенности истории принятия Декрета. Так, в работах А.П. Пшеничного⁶

⁴ Вяликов В.И. Архивное строительство в СССР (1917–1945). М., 1976. С. 6–8.

⁵ Максаков В.В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М., 1969. С. 58–62.

⁶ Пшеничный А.П. О подготовке декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» // Советские архивы. 1987. № 6. С. 16–23; *Его же*. Из истории становления управления архивным делом в СССР. 1916–1941 гг. // Советские архивы. 1988. № 6. С. 18–26.

и А.В. Елпатьевского⁷ есть попытки оценить место декрета в контексте всей истории архивного строительства первых двадцати лет советской власти и известный скептицизм по поводу попыток переосмысления сложившихся трактовок⁸.

Таким образом, в рамках советского периода прослеживаются две тенденции: первая — «критическая» — представленная исключительно работами раннесоветского периода, в той или иной степени, скептически настроенных по отношению к архивной реформе; и вторая — «панегирическая» — воспевающая (хотя и в разных формах, вплоть до иносказательных) меры Советского правительства и значительно преувеличивающая роль В.И. Ленина в его разработке и принятии.

Отдельно можно выделить традиционные работы, приуроченные к юбилеям принятия декрета⁹. Первой работой периода российской историографии можно по праву рассматривать незаконченную статью В.Н. Автократова «Из истории централизации архивного дела в России (1917–1918 гг.)», помещенную в приложение к изданию «Теоретические проблемы отечественного архивоведения». Однако, несмотря на подробность изложения событий, статья не была закончена по причине смерти автора и не имела стройного вывода.

Современная историография представлена выдающимися работами Т.И. Хорхординой, представившей первый объективный взгляд на историю архивного дела в СССР в постсоветский период, чей труд долгое время был единственной альтернативой господствующему советскому наследию¹⁰ и О.Н. Копыловой¹¹, углубляющей ее изыскания.

⁷ *Елпатьевский А.В.* Из истории формирования нормативно-методических документов отечественного архивного дела (1918–1990 гг.) // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 9–16.

⁸ См., напр.: *Кузьмин Е.И., Селезнев М.С.* О «новом» толковании текста ленинского декрета об архивном деле от 1 июня 1918 г. // Советские архивы. 1989. № 5. С. 38–41.

⁹ *Банасюкевич В.Д., Старостин Е.В.* Глядя in medias res декрета об архивном деле 1918 г. // Отечественные архивы. 2008. № 2. С. 21–26; *Елпатьевский А.В.* Еще раз о декрете от 1 июня 1918 г. // Отечественные архивы. 2008. № 2. С. 26–27; *Митяев К.Г.* Ленинский декрет 1 июня 1918 г. и советское архивоведение // Советские архивы. 1968. № 3. С. 9–15; *Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Декрет об архивном деле 1918 года // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 41–52; *Старостин Е.В., Прокопенко А.С.* К 80-летию декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» // Отечественные архивы. 1998. № 2. С. 31–34.

¹⁰ *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы (1917–1980-е гг.). М., 1996.

¹¹ *Копылова О.Н., Хорхордина Т.И.* «Рязановский» Главархив: создание и деятельность в 1918–1920 гг. (по материалам заседаний совещательных органов) // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 7–20.

В их работах широко представлен архивный и историографический материал, а события излагаются в привязке к истории России. Эти исследования по зарубежным меркам легко вписываются в контекст тоталитарной школы. Здесь архивная отрасль становится жертвой тоталитарного государства, обрекающего ее на вынужденное сосуществование в атмосфере страха, оторванной от общества¹².

Однако неправильным будет обвинять советскую власть во всех проблемах архивного строительства в России. Нельзя отрицать существования конкретных людей, сообществ и отдельных институций (напр. ведомство внутренних дел), которым был выгоден именно такой порядок использования ретроспективной информации.

Полагаясь целиком на этические критерии в оценке места архивов в жизни общества можно, в известном смысле, завести дискуссию в тупик, который едва ли чем-то отличается от «глухого» марксистского взгляда на историю архивного дела в России, безраздельно господствовавшего совсем недавно.

Так, например, существующая архивная историография предполагает достаточно мало попыток использования методики истории понятий. Интересным может быть рассмотрение противостояния между группами, задействованными в подготовке декрета: каким образом столкновения и компромиссы в решениях работы комиссий по разработке проекта Закона об архивах повлияли на итоговый Декрет.

Хочется надеяться, что в будущем отечественная архивная наука предложит множество подходов для всестороннего анализа истории архивоведения в России, и, в перспективе, будет все сильнее связана с «магистральной линией» и другими немаловажными событиями в истории Отечества.

Также, несмотря на значительные успехи в осмыслении и интерпретации событий 1918 г., среди которых проработка фактологии, последовательности событий, учет биографического аспекта, в историографии современной архивоведческой мысли пока не проникли новые методологические практики отечественной и зарубежной исторической науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР. Декрет СНК РСФСР от 01.06.1918 // Архив законодательства СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_297.htm

¹² Хорхордина Т.И. Архивы и тоталитаризм (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 145–159.

2. *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001.
3. *Банасюкевич В.Д., Старостин Е.В.* Глядя in medias res декрета об архивном деле 1918 г. // Отечественные архивы. 2008. № 2.
4. *Вяликов В.И.* Архивное строительство в СССР (1917–1945). М., 1976.
5. *Елпатьевский А.В.* Еще раз о декрете от 1 июня 1918 г. // Отечественные архивы. 2008. № 2.
6. *Елпатьевский А.В.* Из истории формирования нормативно-методических документов отечественного архивного дела (1918–1990 гг.) // Отечественные архивы. 1998. № 4.
7. *Копылова О.Н., Хорхордина Т.И.* «Рязановский» Главархив: создание и деятельность в 1918–1920 гг. (по материалам заседаний совещательных органов) // Отечественные архивы. 2018. № 1.
8. *Кузьмин Е.И., Селезнев М.С.* О «новом» толковании текста ленинского декрета об архивном деле от 1 июня 1918 г. // Советские архивы. 1989. № 5.
9. *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М., 1969.
10. *Митяев К.Г.* Ленинский декрет 1 июня 1918 г. и советское архивоведение // Советские архивы. 1968. № 3.
11. *Николаев А.С.* Главное управление архивным делом (апрель — октябрь 1918 г.) // Исторический архив. 1919. № 1.
12. *Николаев А.С.* Реформа архивного дела в России // Исторические архивы. 1919. Кн. 1.
13. *Пресняков А.Е.* Реформа архивного дела в России // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5.
14. *Пиеничный А.П.* О подготовке декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» // Советские архивы. 1987. № 6.
15. *Пиеничный А.П.* Из истории становления управления архивным делом в СССР. 1916–1941 гг. // Советские архивы. 1988. № 6.
16. *Самошенко В.Н.* Архивное дело в период построения социализма в СССР, 1917–1937 гг. М., 1982.
17. *Старостин Е.В., Прокопенко А.С.* К 80-летию декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» // Отечественные архивы. 1998. № 2.
18. *Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Декрет об архивном деле 1918 года // Вопросы истории. 1991. № 7–8.
19. *Хорхордина Т.И.* Архивы и тоталитаризм (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Отечественная история. 1994. № 6.
20. *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы (1917–1980-е гг.). М., 1996.
21. *Чернов А.В.* История и организация архивного дела в СССР. М., 1940.

E.V. Ogurenko
Yekaterinburg (Russia)
Ural Federal University

ARCHIVE REFORM OF 1918:
PROBLEMS OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article discusses the main directions in Soviet and Russian historiography, the trends of modern historiography of archival thought dedicated to the preparation and implementation of the archival reform of 1918. The author analyzes the studies of various authors on the discussion among professional archivists and the events of the Soviet government in the field of archiving during the preparation and adoption of the Decree of the Council of People's Commissars "On the reorganization of the centralization of archival affairs in the RSFSR", their representation in educational and research literature by direct participants and researchers. An attempt is being made to highlight the main problems in modern historiography, which, at the moment, none of the authors have attempted to resolve.

Keywords: archival business, history of archival studies, archival reform, totalitarian school, conflict, consent.

В.С. Ившин
г. Екатеринбург (Россия)
Уральский федеральный ун-т
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф.-Р. ШАТОБРИАНА В ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Рассматривается жанровая тематика переводов произведений Ф.-Р. Шатобриана в России первой четверти XIX в., в связи с чем ставится вопрос о возможности рецепции его политико-культурного глоссария «партией старых русских». Исходя из анализа политико-культурного контекста, делается вывод, что переводы выдержек из его сочинений печатались даже в «пик» российских антифранцузских настроений 1807–1814 гг., но рецепция «шатобриановского» политико-культурного глоссария среди «старых русских» не произошла. Его творчество нашло отклик лишь в лице «младоархаиста» С.С. Уварова, но даже в этом случае прослеживается лишь сходство риторических стратегий, а не рецепция.

Ключевые слова: Ф.-Р. Шатобриан, «ранний» русский консерватизм, архаисты, культурный трансфер, рецепция, традиционализм, С.С. Уваров.

Если Эдмунд Бёрк стал синонимом понятия «консерватизм», а его *magnum opus* «Размышления о революции во Франции» — неотъемлемой частью почти каждого исследования, посвященного «раннему» консерватизму, то имя Ф.-Р. Шатобриана *de facto* вычеркнуто из современной отечественной историографии общественно-политической мысли конца XVIII — первой четверти XIX вв. Это кажется парадоксальным, учитывая тот факт, что Шатобриан был автором понятия «консерватор»¹.

Шатобриан был хорошо известен российской публике первой четверти XIX в., прежде всего, как французский литератор². Соответственно, его творчество изучалось под эгидой отечественной филологии. Особое звучание

¹ Валлерстайн И. Мир-система модерна. Триумф центристского либерализма 1789–1914. Т. 4. М., 2016. С. 4.

² Barratt R.G. Chateaubriand in Russia, 1800–1830 // Comparative Literature Studies. 1972. № 2. P. 153–154.

в советских «литературоведческих» исследованиях приобрела тема «Пушкин-Шатобриан», коей были посвящены многочисленные работы советских историков-филологов³. Такой же филологической «логики» придерживался канадский исследователь Р.Г. Баррат в своей обстоятельной статье, посвященной переводам произведений Шатобриана в России 1800–1830х гг., лишь частично упоминая многочисленные переводы его общественно-политических сочинений⁴. Поэтому в настоящем исследовании затрагиваются следующие вопросы: могли ли российские современники первой четверти XIX в. воспринимать Ф.-Р. Шатобриана как общественно-политического деятеля? Была ли возможна рецепция «консервативного» наследия Франсуа и могло ли оно повлиять на доктринальные сочинения адептов «раннего» российского консерватизма пер. четверти XIX в.? Насколько переводы его сочинений были представлены в Российской империи первой четверти XIX в. на фоне конфронтации с Наполеоном и начавшейся борьбой с галломанией просвещенной российской публики?

Ф.-Р. Шатобриан был свидетелем французских событий конца XVIII — первой четверти XIX в., в том числе начала «вихря» Французской революции 1789 г. — штурма Бастилии, и спустя десятилетия он сокрушался «кровавому празднеству» открывшему «новую эру»⁵. Открытие же «эры Шатобриана» в России началось с перевода на русский язык его художественного произведения «Атала, или любовь двух дикарей в пустыне» в 1801–1802 гг. смоленским издательством И. Мартынова и московским В. Измайлова сравнительно малыми тиражами⁶.

Другим «первооткрывателем» творчества Шатобриана на русском был Н.М. Карамзин, на тот момент главный редактор «Вестника Европы» — периодического журнала о европейской литературе, политике, философии и культуре современности. Именно он в 1802 г. опубликовал новость о выходе «Гения христианства», запустив «цепную реакцию» переводов произведений Шатобриана, а также сделал его популярным в России. Однако из 41 перевода отрывков и выдержек из его произведений в «Вестнике Европы» в 1802–1824 гг., лишь 9 были посвящены сугубо общественно-политической

³ Подробнее см.: *Грушкин А.* Пушкин 30-х годов о творческой независимости писателя: (Вольтер, Мильтон, Шатобриан) // Звезда. 1939. № 9. С. 156–159; *Гиллельсон М.И.* Статья Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе “Потерянного рая”» // Пушкин: исследования и материалы. Т. 9. Л., 1979. С. 231–240; *Мильчина В.А.* Пушкин и «Опыт об английской литературе» Шатобриана // Пушкин: исследования и материалы. Т. 15. СПб., 1995. С. 143–154; *Вольтерт Л.И.* Пушкин и Шатобриан // Четвертая международная Пушкинская конференция. СПб., 1997. С. 261–266.

⁴ *Barratt R.G.* Op. cit. P. 152–172.

⁵ *Шатобриан Ф.П. де.* Замогильные записки. М., 1995. С. 70.

⁶ *Шатобриан Ф.П. де.* Атала, или любовь диких в пустыне. Смоленск, 1803; *Его же.* Атала, или любовь диких в пустыне. М., 1802.

мысли, остальные по большей части были выдержками из различных художественных произведений Шатобриана: «Аталы», «Мучеников», «Гения христианства», а также многочисленных отрывков из путешествий, к примеру «Путешествия из Парижа в Иерусалим...» и «Воспоминаний об Италии, Англии, Америке». Большая часть общественно-политических выдержек относится к периоду 1815–1824 гг., когда сам Шатобриан уже отошел от литературы и занялся политической деятельностью, став пэром парламента при Людовике XVIII. Публикуемые в этот период выдержки в «Вестнике Европы» были посвящены речам Шатобриана, отражавшим состояние политической жизни Франции периода Реставрации. Кроме того, выдержки из «Гения христианства» хоть и имели общественно-политическую окраску, но в целом своей риторикой были направлены на «идейно-эстетическую антитезу литературе философов-просветителей»⁷, а также были обращением к средневековой культуре, что в целом было далеким от полупровиденциальной риторики «ранних» российских консерваторов, к примеру, А.С. Шишкова или Ф.В. Ростопчина.

В 1814 г. в «Вестнике Европы» был опубликован перевод доктринальной политической работы Шатобриана — политического памфлета «О Бонапарте и Бурбонах», который с большим успехом прогремел по всей европейской ойкумене⁸. Одним из откликов на памфлет было сочинение С.С. Уварова «Император Всероссийский и Бонапарте» сразу на французском и русском языках. Эта работа была своеобразным панегириком Александру I, но в то же время была историческим очерком, охватывая события от восхождения на французский престол «самовластного узурпатора» и «тирана» Наполеона до его закономерного краха от рук «ангела-хранителя» французов — императора Александра I — «Агамемнона Европы»⁹. Согласно Уварову, незаконное восхождение Бонапарта на французский престол нарушило «естественный»/«божественный» ход французской истории, а его падение было следствием божественного провидения¹⁰. Шатобриан в схожей провиденциальной риторике описывал падение Наполеона с французского пре-

⁷ Казакова Г.Х. Романтический историзм и проблема реабилитации средневековой культуры в творческом наследии Ф.Р. де Шатобриана. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2017. С. 98–99.

⁸ Шатобриан Ф.Р. де. Изображение Бонапарта [Извлечение из кн.: De Buonaparte et des Bourbons] // Вестник Европы. 1814. Ч. 75. № 12. С. 139–146; *Его же*. О Бонапарте и Бурбонах: [Второй отр. из кн.] // Вестник Европы. 1814. Ч. 75. № 14. 207–231; *Его же*. О Бонапарте и Бурбонах: (Продолжение) // Вестник Европы. 1814. Ч. 75. № 15. С. 299–314; *Его же*. О Бонапарте и Бурбонах: (Окончание) // Вестник Европы. 1814. Ч. 76. № 16. С. 41–61.

⁹ Уваров С.С. Император Всероссийский и Бонапарте // Сын отечества. 1814. № 28. С. 70–71.

¹⁰ Там же. С. 75.

стола в своем памфлете, писав, что «богу не угодно было...» его правление, нарушавшее исторический путь Франции¹¹.

В период расцвета антифранцузских настроений в российском социуме с 1805 по 1815 гг., особенно после заключения Тильзитского мира¹², выдержки и переводы из художественных произведений Шатобриана продолжали активно появляться на страницах отечественной периодики. Причем в таком количестве, что «литературная слава Шатобриана в России к 1811 г. была в зените»¹³. Однако, в противовес славам Р.Г. Баррата, эта слава Шатобриана как «патриарха французской литературы» не угасла и после 1815 г., выдержки из его трудов так же можно было встретить в отечественной периодике: «Вестнике Европы», «Сыне отечества», «Духе журналов», «Минервы», «Цветнике», «Ученых ведомостях», «Телескопе» и других. Только за период с 1806 по 1810 гг., в журналах «Минерва» и «Журнале для сердца разума» были напечатаны 13 статей. Важно, что после 1814 г. его «литературная слава» дополнилась политической, но вышедшие статьи в политических журналах, таких как «Сын отечества» или «Дух журналов» были посвящены насущным проблемам из политической жизни Франции периода Реставрации.

Только в 1817 г. на русском языке в двух частях появился один из главных общественно-политических трактатов Шатобриана — «Опыт о древних и новых революциях...». Среди подписавшихся на рассылку «новинки» были члены «старших архаистов» из «русской партии»: А.С. Шишков и Д.И. Хвостов¹⁴. Безусловно, просвещенная российская публика могла читать многочисленные сочинения Шатобриана и в подлиннике на французском¹⁵, но это может быть употреблено исключительно к художественным произведениям автора, таким как «Атала» или «Гений христианства», издававшихся большим тиражом на языке оригинала. Настоящий тезис малоприменим к «Опыту...», написанному в период лондонской эмиграции Шатобриана и вышедшему малым тиражом. Он задумывался как многотомное произведение в нескольких частях, но не встретил отклика в рядах французской эмиграции¹⁶. Этот

¹¹ Подробнее см.: *Шатобриан Ф.Р. де. О Бонапарте и Бурбонах* // Вестник Европы. 1814. № 12–13. URL: http://az.lib.ru/s/shatobrian_f/text_1814_o_bonaparte_oldorfo.shtml

¹² *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 109–119.

¹³ *Barratt R.G.* Op. cit. P. 157.

¹⁴ *Шатобриан Ф.Р. де.* Опыт исторический, политический и нравственный о древних и новейших переворотах. Ч. 2. СПб., 1817. С. I–II.

¹⁵ *Гиллельсон М.И.* Указ. соч. С. 152.

¹⁶ *Казакова Г.Х.* Взгляд молодого французского аристократа на великую французскую революцию (на примере «Опыта о древних и новых революциях» Ф.Р. Де Шатобриана) // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. 2013. № 3. С. 202.

факт подтверждают и мемуары самого автора: «“Опыт...” подвел итоги моего существования как поэта, моралиста, публициста и политика...»¹⁷. Кроме того, «Опыт...» был выдержан в философско-просветительской риторике, что в целом было чуждо в большей степени провиденциальным политико-культурным глоссариям «ранних» российских консерваторов. Поэтому говорить о какой-либо реакции на «Опыт...» не приходится.

Таким образом, на фоне борьбы с галломанией просвещенного русского дворянства, интерес к творчеству Шатобриана не исчез даже в самые «антифранцузские годы» с 1807 по 1815 г. Напротив, интерес к сочинениям «французского литератора» только увеличился, достигнув своеобразного «максимума» к 1811 г., чего нельзя сказать об интересе к «Шатобриану-консерватору». Подавляющее большинство выдержек и переводов из его сочинений до 1815 г. чаще всего относились к художественным произведениям. Тем не менее, начиная с 1814 г. на страницах отечественной периодики появляется смежная, политическая тематика, отражавшая в большей степени новую политическую деятельность самого Шатобриана, а потому после 1815 г. он воспринимается не как «Шатобриан-консерватор», а как «Шатобриан-политик». Говорить о рецепции «старшими архаистами» или в целом «ранними» российскими консерваторами так же не приходится — их программные сочинения писались и были закончены в канун и годы военной Фортуны 1812 г. на «пике» российских антифранцузских настроений. Поэтому рецепция магистральных идей и политических риторик Шатобриана не могла произойти в отношении «старых русских» (Шишков, Ростопчина, Державина, Карамзина), но встретила реакцию у «младоархаиста» Уварова, чье время придет на 1830–1840 гг., но даже здесь это лишь сходство риторических стратегий и описательных категорий, нежели конкретная рецепция.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уваров С.С. Император Всероссийский и Бонапарте // Сын отечества. 1814. № 28.
2. Шатобриан Ф.Р. де. Атала, или любовь диких в пустыне. Смоленск, 1803.
3. Шатобриан Ф.Р. де. Замогильные записки. М., 1995.
4. Шатобриан Ф.Р. де. О Бонапарте и Бурбонах // Вестник Европы. 1814. № 12–13. URL: http://az.lib.ru/s/shatobrian_f/text_1814_o_bonaparte_oldorfo.shtml
5. Шатобриан Ф.Р. де. Опыт исторический, политический и нравственный о древних и новейших переворотах. Ч. 1–2. СПб., 1817.
6. Валлерстайн И. Мир-система модерна. Триумф центристского либерализма 1789–1914. Т. 4. М., 2016.

¹⁷ Шатобриан Ф.Р. де. Замогильные записки. М., 1995. С. 162.

7. *Вольперт Л.И.* Пушкин и Шатобриан // Четвертая международная Пушкинская конференция. СПб., 1997.
8. *Гиллельсон М.И.* Статья Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе “Потерянного рая”» // Пушкин: исследования и материалы. Т. 9. Л., 1979.
9. *Грушкин А.* Пушкин 30-х годов о творческой независимости писателя: (Вольтер, Мильтон, Шатобриан) // Звезда. 1939. № 9.
10. *Казакова Г.Х.* Взгляд молодого французского аристократа на великую французскую революцию (на примере «Опыта о древних и новых революциях» Ф.Р. Де Шатобриана) // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. 2013. № 3.
11. *Казакова Г.Х.* Романтический историзм и проблема реабилитации средневековой культуры в творческом наследии Ф.Р. де Шатобриана: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2017.
12. *Мильчина В.А.* Пушкин и «Опыт об английской литературе» Шатобриана // Пушкин: исследования и материалы. Т. 15. СПб., 1995.
13. *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.
14. *Barratt R.G.* Chateaubriand in Russia, 1800–1830 // Comparative Literature Studies. 1972. № 2.

V.S. Ivshin

*Yekaterinburg (Russia)
Ural Federal University*

TRANSLATIONS OF WORKS F.-R. CHATEAUBRIAND
IN THE POLITICAL-CULTURAL CONTEXT OF RUSSIA FIRST QUARTER
OF THE XIX CENTURY

The paper deal with subject of translations of F.-R. Chateaubriand in Russia in the first quarter of the XIXth century, in this connection with which the question is raised about the possibility of reception of his political and cultural glossary by the «Party of old Russians». Based on the analysis of the political and cultural context, it is concluded that translations of excerpts from his works were printed even at the «zenith» of Russian anti-French sentiments of 1807–1814, but there was no reception of the «Chateaubrian's» political and cultural glossary among the «old Russians». The work of Chateaubriand found a response only in the person of the «young archaist» S.S. Uvarov, but even in this case only the similarity of rhetorical strategies can be traced, but not reception.

Keywords: F.-R. Chateaubriand, «early» Russian conservatism, archaists, cultural transfer, reception, traditionalism, S.S. Uvarov.

*Д.В. Сметанин
г. Москва (Россия)
Высшая школа экономики*

**ПАТРОН-КЛИЕНТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ
ПРАКТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ НОВОРОССИЙСКИМ
И БЕССАРАБСКИМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВОМ
НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ ПРАВИТЕЛЯ КАНЦЕЛЯРИИ
С.В. САФОНОВА К ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ М.С. ВОРОНЦОВУ**

В статье автор анализирует роль патрон-клиентских отношений в системе управления Новороссийским генерал-губернаторством на основе писем правителя канцелярии С.В Сафонова к генерал-губернатору М.С. Воронцову. Автор показывает, каким образом личные письма позволяют историку «восстановить» схему управления краем в целом, и устанавливает роль патрон-клиентских отношений в решении важных «кадровых» вопросов при формировании местной администрации. Исследователь приходит к выводу, что патрон-клиентские отношения позволяют М.С. Воронцову укреплять свое положение при дворе и в крае, сплачивая вокруг себя местный аппарат управления, а также защищать собственную власть от различных покушений. Выгода же неформальных связей для С.В. Сафонова заключается в получении новых материальных и престижных благ, приобретении новых связей при дворе.

Ключевые слова: патрон-клиентские отношения, М.С. Воронцов, С.В. Сафонов, патрон, клиент, двор, А.Х. Бенкендорф, неформальные связи, Новороссийский край.

При изучении формальных институтов государственной власти России первой пол. XIX в. и отношений между центральными ведомствами с генерал-губернаторствами, историки акцентируют внимание на «официальных» отношениях между институтами и бюрократией, которые регулируются указами¹

¹ *Злобин Ю.П.* Генерал-губернаторства и наместничества в структуре управления Россией в XIX — начале XX вв.: опыт имперского регионализма // Диалог культур: евразийский опыт и региональная специфика. Оренбург, 2009. С. 208–218.

и наставлениями монаршей власти². Из фокуса внимания пропадает параллельное развитие неформальных связей и формальных отношений не только между региональными и центральными институтами власти, но и внутри них. Это не позволяет комплексно проанализировать практику принятия управленческих решений и функционирование всей системы управления Российской империей первой пол. XIX в. Без изучения патрон-клиентских отношений затруднительно изучать практику управления генерал-губернаторством «в обход» специального законодательства, которое не дает им действовать легитимно и самостоятельно³. Данную проблему позволяет решить изучение патрон-клиентских отношений в России XIX в.⁴, где историки в качестве исторического источника используют личные письма⁵.

В этой статье будут рассмотрены и проанализированы отношения между генерал-губернатором Новороссийского края М.С. Воронцовым и правителем его канцелярии, личным секретарем С.В. Сафоновым с точки зрения патрон-клиентских отношений. Какую роль патрон-клиентские связи играют для генерал-губернатора М.С. Воронцова в управлении? Каким образом он использует свои неформальные связи и для выполнения каких задач? В чем была выгода от этих отношений для обоих лиц?

В 1838 г. М.С. Воронцов желает выехать в Англию для решения семейных вопросов — об этом мы узнаем из ответного письма С.В. Сафонова от 04 марта 1838 г.⁶ По действующим тогда указам Екатерины II о генерал-губернаторах и заместниках в Российской империи, начальник, находящийся в поездке, обязан так же полно исполнять свои обязанности, как если бы он находился в самом наместничестве⁷. По этой причине Воронцов посылает своего правителя канцелярии и личного секретаря

² Злобин Ю.П. Губернская реформа 1775 года и институт генерал-губернаторской власти в России // Социально-экономическое и политическое развитие России: проблемы и перспективы. Оренбург, 2010. С. 94–101.

³ Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. Омск, 1997. С. 79–85.

⁴ Ransel D.L. Character and Style of patron-client relations in Russia // Klientel-systeme in Europa der Fruehen Neuzeit. Muenchen; Oldenbourg, 1988. P. 211–233.

⁵ Лавринович М.Б. Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Федоровичем: патрон-клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII–XIX вв. // Российская история. 2016. № 3. С. 91–110.

⁶ Архив князя Воронцова. Кн. 38. М., 1892. С. 321–323.

⁷ Полное собрание законов Российской империи (Далее — ПСЗ). Собрание первое. Т. 21. СПб., 1830. С. 991–992.

С.В. Сафонова в Петербург для одновременного решения нескольких задач: 1) выхлопотать право и разрешение на отъезд из России в Англию; 2) согласовать с императором и министрами кандидатуру для временной замены М.С. Воронцова на посту генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабской области; 3) предоставить императору ежемесячный рапорт об управлении краем; 4) выяснить положение М.С. Воронцова при дворе — наладить связи с его «друзьями» и выстроить стратегию поведения графа для получения права выезда за границу⁸. По тому же екатеринскому законодательству о генерал-губернаторах, князь Воронцов имел полное право затребовать личной аудиенции у Николая I и решить все эти вопросы (за исключением 4-го) лично с государем. Кроме этого, по закону генерал-губернатор был подотчетен и подконтролен лично императору⁹. Однако, в этом эпизоде важно учесть, что полномочия и обязанности генерал-губернатора юридически были расплывчаты и все свои решения он был обязан согласовывать с центральными учреждениями и ведомствами. Поэтому любой донос министра или чиновника из администрации Воронцова о превышении или злоупотреблении полномочий мог подорвать влияние и авторитет наместника¹⁰.

4 марта 1838 г. С.В. Сафонов докладывает М.С. Воронцову: «...отдал рапорт камердинеру императора, как последний проснулся... я явился к графу Бенкендорфу, который полчаса расспрашивал о вас и прочих делах... Граф Бенкендорф спрашивал меня, действительно ли вам нужно и вы поедете в Англию?... Он меня спрашивал, кого вы полагаете на ваше место на время вашего отсутствия? Впрочем он мне сказал, что надеется завтра непременно лично видеть Государя и обо всем переговорить...»¹¹. Из данного письма видно, что Сафонов решает практически все задачи и вопросы, которые перед ним поставил Воронцов: с целью достижения поставленных целей Степан Васильевич связывается с Николаем I через «личных друзей» императора. Так, благодаря общению с Бенкендорфом — ближайшим другом Николая I — Сафонов обеспечивает активную проработку этого вопроса на самом высоком уровне. В том же письме С.В. Сафонов разрабатывает «план» для получения права на отъезд в Англию с двумя «друзьями» М.С. Воронцова при дворе — графом Браницким (родным братом жены М.С. Воронцова) и личным секретарем императрицы Н.М. Лонгиновым (который начал свою карьеру по протекции отца М.С. Воронцова)¹². Для

⁸ Архив князя Воронцова. Кн. 38. С. 322–323.

⁹ Архив князя Воронцова. Кн. 35. М., 1889. С. 396.

¹⁰ Ремнев А.В. Указ. соч. С. 97–99.

¹¹ Архив князя Воронцова. Кн. 38. С. 323.

¹² Там же. С. 322.

получения «отпуска» Сафонов советует Воронцову приехать с супругою на именины императрицы, которая «часто говорит о графине, как только можно говорить о своей близкой приятельнице или равной... Приезд сюда графини произвел бы самое лучшее действие...»¹³. Таким образом, можно увидеть, что С.В. Сафонов достаточно четко и точно исполняет данные ему поручения и является не только его секретарем и подчиненным, но и «другом» — клиентом, который преданно ему служит с целью получения новых материальных и статусных благ¹⁴. В качестве «награды» за исполнение поручений патрона он получает орден Св. Владимира лично из рук Николая I — как он сам пишет в письме 8 марта 1838 г. «...Позвольте мне принести вашему сиятельству чувство душевной благодарности за этот новый знак вашего ко мне доброго расположения...»¹⁵. Следовательно, Воронцов награждает своего клиента за верную службу — поэтому Степан Васильевич и благодарит графа за эту награду. Кроме этого, личное награждение подчиненного М.С. Воронцова можно считать и знаком расположения императора к фигуре генерал-губернатора. Таким образом, Сафонов устраивает личные дела М.С. Воронцова (ему предоставляют длительный отпуск в Англию) и укрепляет положение генерал-губернатора при дворе, согласовывая вопросы с «личным другом» Николая I — А.Х. Бенкендорфом и приближенным к императорской фамилии секретарем Н.М. Лонгиновым. Следовательно, налаживая связи с «друзьями» М.С. Воронцова и государя, С.В. Сафонов создает основу для «противодействия» клевете и доносам на политику и управление М.С. Воронцова при дворе, и, тем самым, защищает его администрацию и систему управления в Новороссийском крае.

Эти неформальные связи помогают генерал-губернатору Новороссийского края и Бессарабской области успешно защититься от доносов графа Толстого — военного губернатора Одессы в 1837–1840 гг.¹⁶ В январе 1839 г. Сафонов сообщает Воронцову, что градоначальник Одессы доносит на имя императора о злоупотреблениях властью и «неправильной» политики М.С. Воронцова в крае и намерен все рассказать государю на личной аудиенции¹⁷. Степан Васильевич сообщает в письме Михаилу Семеновичу 16 января 1839 г., что едет в Петербург по приказу П.И. Федорова для «защиты Новороссийского края от нападков гр. Толстого» и просит своего по-

¹³ Там же.

¹⁴ *Кром М.М.* Патронат и клиента в истории России: (материалы «круглого стола») // Новая политическая история. СПб., 2004. С. 255–287.

¹⁵ Архив князя Воронцова. Кн. 38. С. 324.

¹⁶ Там же. С. 360–361.

¹⁷ Там же. С. 360.

кровителя прислать инструкцию для решения данного вопроса¹⁸. В инструкции, если судить по письму Сафонова от 28 января 1839 г., говорилось, с кем нужно увидеться и поговорить для решения данного вопроса — так, там фигурируют лишь А.Х. Бенкендорф и граф Браницкий¹⁹. В этом же письме Степан Васильевич сообщает, что «Бенкендорф почти устроил дело»²⁰, а в письме от 29 января 1839 г. сообщает о положительном решении вопроса в пользу Воронцова²¹. В итоге, император требует от Толстого доказать факты злоупотребления полномочиями генерал-губернатора в управлении Одессой и публично высмеивает этот донос на ужине у графа Нессельроде на 40 персон, о чем С.В. Сафонов сообщает М.С. Воронцову в том же письме²². Следовательно, исход этого дела в пользу графа Воронцова был решен благодаря нескольким факторам: 1) наличию «друзей» при дворе и неформальных связей с близкими к Николаю I людьми; 2) благосклонностью императора к фигуре Воронцова, что проявилось в награждении его клиентов и даче отпуска; 3) умелому использованию патрон-клиентских неформальных связей для решения деликатных вопросов, связанных с управлением Новороссийским генерал-губернаторством и Бессарабской областью.

Таким образом, для М.С. Воронцова патрон-клиентские связи важны сразу в нескольких аспектах: 1) «легитимизация» решений генерал-губернатора через использование неформальных связей (так как практически все решения генерал-губернаторов, по законодательству, должны были согласовываться с центральными ведомствами и министерствами), чтобы иметь в дальнейшем защиту от законных доносов о превышении полномочий; 2) защита «своей» администрации, власти и политики в Новороссийском крае и Бессарабской области от доносов и посягательств; 3) решение личных деликатных (отъезд в Англию) и государственных вопросов (решение вопроса о назначении временно исполняющего обязанности генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабской области). Сами неформальные связи позволяют Воронцову не «подставлять себя под удар» и использовать для решения вопросов своих клиентов, сохраняя и укрепляя свое положение при дворе и в своем крае. Патрон-клиентские связи также помогают спланировать аппарат управления генерал-губернатора вокруг него, так как новые награждения, выгодные назначения и получение материальных благ зависят от близости к Воронцову и успешного выполнения его поручений.

¹⁸ Там же. С. 361.

¹⁹ Там же. С. 362–363.

²⁰ Там же. С. 362.

²¹ Там же. С. 364–366.

²² Там же. С. 366.

Выгода С.В. Сафонова заключается, прежде всего, в получении новых материальных и престижных благ после успешного выполнения поручений графа М.С. Воронцова — например, получение ордена Св. Владимира лично из рук императора, увеличение доверия со стороны генерал-губернатора и появление связей с влиятельными придворными. Из этих писем мы видим, что С.В. Сафонов играет роль «клиента при дворе», который активно использует связи с «друзьями-клиентами-посредниками» М.С. Воронцова (в качестве посредника можно считать А.Х. Бенкендорфа) для выполнения его поручений. Следовательно, патрон-клиентские отношения можно считать одной из органических составляющих отношений между центральными институтами власти в Российской империи и Новороссийским генерал-губернаторством, механизмом для «легитимации» действий генерал-губернатора и его политики в крае.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив князя Воронцова: в 40 кн. Кн. 35. М., 1889.
2. Архив князя Воронцова: в 40 кн. Кн. 38. М., 1892.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 21. 1781–1783 гг. СПб., 1830.
4. *Злобин Ю.П.* Генерал-губернаторства и наместничества в структуре управления Россией в XIX — начале XX вв.: опыт имперского регионализма // Диалог культур: евразийский опыт и региональная специфика. Оренбург, 2009.
5. *Злобин Ю.П.* Губернская реформа 1775 года и институт генерал-губернаторской власти в России // Социально-экономическое и политическое развитие России: проблемы и перспективы. Оренбург, 2010.
6. *Кром М.М.* Патронат и клиента в истории России: (материалы «круглого стола») // Новая политическая история. СПб., 2004.
7. *Лавринович М.Б.* Как поссорились Николай Петрович с Алексеем Федоровичем: патрон-клиентские отношения в русском обществе рубежа XVIII–XIX вв. // Российская история. 2016. № 3.
8. *Ремнев А.В.* Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. Омск, 1997.
9. *Ransel D.L.* Character and Style of patron-client relations in Russia // Klientel-systeme in Europa der Fruehen Neuzeit. Muenchen; Oldenbourg, 1988.

D.V. Smetanin

Moscow (Russia)

Higher School of Economics

PATRON-CLIENTS RELATIONSHIP IN RULING PRACTICE
OF NOVOROSIYSKY AND BESSARABSKY GENERAL GOVERNMENT
THROUGH LETTERS BETWEEN GENERAL-GOVERNOR M.S. VORONTSOV
AND HIS SECRETARY S.V. SAFONOV

In this article author researches the influence of patron-client relations in ruling system of Novorossiysk general-government through letters between M.S. Vorontsov and his secretary S.V. Safonov. Researcher shows, how did work the ruling system and which benefits duke Vorontsov got. Author conclude that informal social links allowed Vorontsov to protect his interests in Russian court and to keep his power in Novorossiysk general government.

Keywords: patron, client, patron-client relations, M.S. Vorontsov, letters, S.V. Safonov, benefits, Russian court.

П.Д. Урванцева
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ОТРАЖЕНИЕ ДИНАСТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1825 Г. В МЕМУАРАХ ДЕКАБРИСТОВ

В статье проанализирована оценка декабристами ситуации междуцарствия, имевшей место в России в ноябре-декабре 1825 г. В ходе исследования применялись следующие методы: историко-генетический подход и анализ литературных источников. Декабристы негативно оценивали действия Константина, повлекшие за собой династический кризис, осуждали Николая I за допущенное беззаконие. Восстание декабристов объясняется в мемуарах необходимостью борьбы с нарушениями закона и скрытностью со стороны власти.

Ключевые слова: декабристы, династический кризис, Александр I, Константин, Николай I, мемуары.

Внезапная кончина Александра I 19 ноября 1825 г. стала катализатором династического кризиса, который продолжался в течение семнадцати дней и вылился в восстание на Сенатской площади 14 декабря. Сложившаяся ситуация междуцарствия нашла отражение в мемуарах декабристов.

Тревога, связанная с грядущей переменой правителя, витала среди населения в последние дни жизни Александра, и в воспоминаниях декабристов также имеются строки, посвященные этому: «К владычеству Александра привыкли; мысль о наследнике пугала всех, тем более, что покрыто было неизвестностью, кто будет наследником»¹. Мемуаристы пишут, что, несмотря на недостатки, Александр почитался сильнее, чем его братья. В памяти сохранились его славные победы над Наполеоном, великодушие, отсутствие тщеславия; однако все это омрачалось тем, что император не оправдал надежд и не выполнил многих обещаний. «Он был привязан крепко к мысли о своем самодержавии и, довольный приобретенною славою, не радел о благоденствии своих подданных, словом сказать, обленился; хотя ко всему этому должно прибавить черты деспотизма против многих лиц и гонение на

¹ *Трубецкой С.П.* Записки // Мемуары декабристов. М., 1988. С. 4.

те идеи, совершенствования, которые сам прежде старался распространять, и, хотя даже он подвергся обвинению в чувстве презрения к народу, но при всем том смерть его почиталась истинным несчастьем», — пишет С.П. Трубецкой².

Наследовать власть после смерти Александра I должен был его брат Константин, однако российскому престолу была уготована иная судьба. «Те семнадцать дней, которые в Петербурге последовали за известием о кончине Александра I, и могут по сущей истине называться в истории смутными днями»³, — пишет В.И. Штейнгель. Морганатический брак с польской дворянкой Иоанной Грудзинской, согласно акту о престолонаследии 1797 г., лишил детей Константина прав на императорскую корону, поэтому 16 августа 1823 г. Александр составил манифест, в котором передавал престол своему следующему брату, Николаю. Однако отречение Константина и манифест не были обнародованы при жизни Александра и не получили силы закона, поэтому все население Российской Империи 27 ноября 1825 г. присягнуло Константину, а не Николаю.

Говоря о сложившейся ситуации, В.И. Штейнгель выражает свое изумление, касающееся издания закона, по которому дети от морганатического брака лишаются всех прав на престол: «Нельзя остановиться на странности этого презрения к неравным бракам в династии, которой родоначальник <...> был женат на барской барышне, дочери дворянина-землепашца, но эта бедняжка счастливица произвела на свет мудрого Алексея! И когда, в свою очередь, этот Алексей женился на бедной сиротке, и та родила беспримерного из царей гениального Петра; наконец, когда в самом Петре приписывают то величие, что женился на неизвестной — женщине или девице, не решено, и не только женился, оставил ее обладательницею империи!...»⁴.

Итак, население присягнуло Константину. Однако, как известно, сам Константин находился в это время в Варшаве, престола не принимал и не желал приехать в Петербург, чтобы объявить о своем отказе. По словам декабристов, в те непростые дни «судьбами отечества располагал один граф Милорадович»⁵, военный губернатор Санкт-Петербурга. Граф, рассматривая присягу Николаю как нарушение закона о престолонаследии 1797 г., отказал великому князю в содействии по реализации прав последнего на престол; он апеллировал к невозможности заставить присягнуть войско и народ «незаконному государю». Николай Павлович, опасаясь за наруше-

² Там же. С. 35.

³ Штейнгель В.И. Записки // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 215.

⁴ Там же. С. 216.

⁵ Трубецкой С.П. Указ. соч. С. 37.

ние спокойствия, согласился присягнуть старшему брату. Так, к присяге была приведена сначала армия, затем Сенат.

Декабристы показывают, что с появлением нового императора было решено на время прекратить деятельность тайного общества и ограничиться наблюдением за правлением Константина. Е.В. Оболенский пишет: «Грустно мы разошлись по своим домам, чувствуя, что надолго, а может быть и навсегда отдалилось осуществление лучшей мечты нашей жизни!»⁶. О том же самом говорит и И.Д. Якушкин: «Условились на некоторое время прекратить все действия между членами Тайного общества, находившимися тогда в Петербурге»⁷.

Значительную часть строк в своих мемуарах декабристы посвящают личностям претендентов на престол, указывая, что Константин, хоть и не оставил о себе хорошей памяти в столице, являлся более приемлемым кандидатом на императорскую корону, поскольку при нем можно было ожидать перемен в политике; тогда как Николай, известный «только грубым обхождением с офицерами и жестокостью с солдатами»⁸, не внушал доверия как будущий правитель государства. С.П. Трубецкой отмечает, что, надеясь на консервацию прежних порядков, российский двор хотел видеть на троне Николая, в то время как армия больше благоволила к Константину⁹.

И.Д. Якушкин пишет, что, в то время как Константин в Варшаве отказывался признавать себя императором, в Санкт-Петербурге портреты и статуи нового монарха, «даже самые уродливые», раскупались нарасхват, а «на снимки с прекрасного бюста Николая Павловича никто не обращал внимания»¹⁰. Большая часть общества просто покорно ожидала окончания междоусобия. «Они понимали свою незначительность, — пишут декабристы, — хотя, впрочем, были более склонны к Константину, но только потому, что предполагали в пожилом человеке более опытности, нежели в молодом, который до тех пор занимался единственно фронтальной службой. Народ был вообще равнодушен»¹¹.

С.П. Трубецкой на страницах мемуаров анализирует возможность присяги Николаю 27 ноября — то есть возможность исполнения воли Алексан-

⁶ *Оболенский Е.П.* Воспоминание о Кондратии Федоровиче Рылееве // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 89.

⁷ *Якушкин И.Д.* Из записок декабриста Якушкина // Русский архив. 1870. Изд. 2-е. С. 169. URL: <https://memoirs.ru>

⁸ *Трубецкой С.П.* Указ. соч. С. 36.

⁹ Там же. С. 36.

¹⁰ *Якушкин И.Д.* Указ. соч. С. 168.

¹¹ *Трубецкой С.П.* Указ. соч. С. 71.

дра, заключенной в манифесте 1823 г. Эту возможность декабрист находит несбыточной, приводя следующие аргументы: «Чиновники, дворянство и другие сословия присягнули бы назначенному наследнику, получив о том указ Сената, но это они сделали бы по привычке исполнять то, что предписано. Их легко можно было бы погнать к присяге, как загоняют баранов в хлев, но не так легко было бы заставить присягнуть армию, а гвардию, считаю, вовсе было бы невозможно к тому принудить»¹². Декабристы пишут, что Константин, слишком известный и любимый среди солдат, в народном понимании не мог быть отлучен от престола и «в уме каждого был законным наследником в случае кончины своего брата»¹³. Армия, внимающая лишь высочайшим приказам, не стала бы слушать Сенат, извративший своим указом право престолонаследия.

Так, расследование, проведенное тайным обществом, убедило, что солдаты не дадут новую присягу, и лишь устное объявление Константина об отречении заставит их поверить в происходящее. «План действия был основан на упорстве солдат остаться верными императору, которому присягнули», — пишет С.П. Трубецкой¹⁴.

М.С. Лунин удивляется непоследовательности действий правительства, повлекшей за собой не только восстание членов тайного общества, но и «недоверчивость и неудовольствие во всех сословиях народа»¹⁵. В.И. Штейнгель с волнением пишет, что правящие круги «дозволили себе не исполнить воли своего усопшего монарха и даже загаить самый акт, в котором она изъявлена. Правительствующий Сенат заставили провозгласить Константина, по закону Павла I, как бы назначения не существовало. От этой первой неправоты пролегла дорога к кровавой развязке. Цесаревич не поступил так, как следовало бы поступить при уважении к своему отечеству <...>. Должно было принять донесение Сената и отречься от престола манифестом от своего имени, поблагодарив Россию за преданность и разрешив ее от принесенной присяги. По строптивости характера, очень естественно, что мысль эта не могла быть обьята ни умом, ни сердцем его»¹⁶. Далее В.И. Штейнгель, подкрепляя свои размышления, приводит слова другого декабриста, чьего имени не называет: «Бедная Россия до того кажется презренной, что цесаревич не удостоил и спасибо ей сказать за присягу». С.П. Трубецкой также указывает, что если бы это «было объявлено всенародно, то не было бы ни-

¹² Там же. С. 69.

¹³ Там же. С. 70.

¹⁴ Там же. С. 70.

¹⁵ Лунин М.С. Взгляд на русское тайное общество // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 287.

¹⁶ Штейнгель В.И. Указ. соч. С. 236.

какого повода в сопротивлении в принятии присяги Николаю и не было бы возмущения в столице»¹⁷.

Слухи о возможном отречении Константина, раскрытие существования манифеста, а затем назначение дня переприсяги — все это побудило декабристов вновь обратиться к активным действиям: «Тут все пришло в движение, и вновь надежда на успех блеснула во всех сердцах», — пишет по этому поводу Е.П. Оболенский¹⁸. С.П. Трубецкой соглашается с ним в своих мемуарах: «Никакой другой случай не мог быть благоприятнее для приведения в исполнение намерения тайного общества»¹⁹. В мемуарах декабристов приводятся следующие причины, заставившие членов тайного общества воспользоваться ситуацией для достижения своих целей. Декабристы отмечают, что добровольный отказ законного наследника от престола не имел прецедентов в истории России, поэтому можно было полагать, что население с трудом поверит этому отказу. Кроме того, они учитывали негативное отношение к молодым великим князьям (имеются в виду Николай и Михаил) в народе, особенно среди военных²⁰.

Исходя из этих соображений, декабристы решились на выступление 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, которое, ввиду его малой организованности, было обречено на неудачу и повлекло за собой множество жертв. В.И. Штейнгель пишет: «Так обагрилось кровию и это восшествие на престол. В окраине царствования Александра стали вечными термины ненаказанность допущенного гнусного злодеяния и беспощадная кара вынужденного благородного восстания»²¹.

После преодоления сопротивления вся знать, государственные чины и верховные правительственные места беспрекословно признали Николая новым императором: «Никто не осмелился изъявить мнения, что неправильность принятия в новые руки скипетра могла быть причиной бывшего сопротивления. Все приписано было злонамерению тайного общества»²².

Декабристы осуждают не только правительство страны, но и самого Николая, говоря, что, продолжи великий князь чтить законы, как он сделал это, присягнув Константину, он мог бы взойти на престол «спокойно». Однако «боязнь унижить самодержавную власть»²³ заставила его издать манифест от

¹⁷ Трубецкой С.П. Указ. соч. С. 38.

¹⁸ Оболенский Е.П. Указ. соч. С. 89.

¹⁹ Трубецкой С.П. Указ. соч. С. 39.

²⁰ Там же. С. 39.

²¹ Штейнгель В.И. Указ. соч. С. 236.

²² Трубецкой С.П. Указ. соч. С. 43.

²³ Там же. С. 72.

своего имени, объявив себя императором, что спровоцировало негативные настроения в столице и окрасило начало его правления кровавыми цветами. М.С. Лунин квалифицирует восстание, ставшее венцом периода междоусобицы, как носящее «характер публичного протеста против произвола, с каким распоряжаются судьбой государства посредством секретных завещаний и отречений втихомолку; против навязывания народу двух клятв — последовательных и противоречивых; против обращения с народом как с семейной собственностью»²⁴.

Из вышесказанного видно, что декабристы, помимо прочих сюжетов, посвящают значительную часть строк в своих мемуарах вопросу междоусобицы. Они анализируют происходящее в столице в период с 27 ноября по 14 декабря 1825 г., выражают свою позицию по отношению к «смутным дням», наступившим в столице.

В мемуарах отмечается, что после воцарения Константина декабристы посчитали нужным прекратить все действия и на время ограничиться наблюдением за новым императором. Он являлся наиболее приемлемым кандидатом на престол не только среди декабристов, надеявшихся на перемены, но и среди остального населения, особенно армии. Отказ Константина всенародно объявить о своем отречении и назначение переприяди не слишком любимому населением Николаю могли быть восприняты народом как узурпация власти законного правителя, поэтому подобные настроения декабристы и использовали в дальнейшем при реализации идеи восстания. Участники тайного общества подчеркивают неуважение, проявленное Константином по отношению к своей стране, осуждают Николая за допущенное беззаконие и кровавую расправу с восставшими. Также декабристы выражают мысль о том, что государство должно быть более открытым по отношению к своим подданным, не решать важнейшие для всего государства вопросы в кулуарах и заблаговременно оповещать народ о происходящих на императорском престоле событиях с целью недопущения волнений и недоверия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лунин М.С.* Взгляд на русское тайное общество // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981.
2. *Оболенский Е.П.* Воспоминание о Кондратии Федоровиче Рылееве // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981.
3. *Трубецкой С.П.* Записки // Мемуары декабристов. М., 1988.

²⁴ *Лунин М.С.* Указ. соч. С. 294.

4. Штейнфельд В.И. Записки // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981.
5. Якушкин И.Д. Из записок декабриста Якушкина // Русский архив. 1870. Изд. 2-е. URL: <https://memoirs.ru>

P.D. Urvantzeva
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

REPRESENTATION OF THE DYNASTIC CRISIS OF 1825
IN THE MEMOIRS OF THE DECEMBRISTS

The article analyzes the Decembrists' assessment of the interregnum situation that took place in Russia in November-December 1825. During the research the following methods were used: historical-genetic approach and analysis of literary sources. The Decembrists negatively assessed the actions of Constantine which led to a dynastic crisis, condemned Nicholas I for the lawlessness allowed. In memoirs the rebellion is explained by the need of fight against violation of law and government secrecy.

Keywords: Decembrists, dynastic crisis, Alexander I, Constantine, Nicholas I, memoirs.

С.С. Бытко
г. Тюмень (Россия)
МАОУ «СОШ № 7»

О СОСТАВЕ И СТРУКТУРНОМ СВОЕОБРАЗИИ РУКОПИСНОГО СТАРООБРЯДЧЕСКОГО СБОРНИКА КОНЦА XIX В. ИЗ СОБРАНИЯ ФКП ТОКМ

В статье рассматривается происхождение и «архитектурное устройство» рукописного кириллического сборника конца XIX в. Автором устанавливается принадлежность книги к эсхатологическому жанру, а также обосновывается вывод об ее «доктринальной универсальности» и возможности бытования в среде широкого пласта старообрядческих согласий. За счет своей герменевтической адаптивности и возможности добавления новых текстов, книга могла цениться как староверами радикального толка, так и сторонниками более умеренных отношений с государством и мирским обществом. Значительное внимание в работе уделяется сюжетному и структурному взаимодействию отдельных глав внутри компиляции. Делается вывод о взаимодополнении отдельных частей книги с целью выстроить связку «догматических» и «эмфатических» текстов. Первые должны были дать схоластическое обоснование совершившегося наступления последних времен, вторые — посеять чувство эсхатологического ожидания. Отмечается заметная структурная преемственность сборника от знаменитой печатной компиляции «Слово о лжепророках и лжеучителях». Ставится вопрос о влиянии печатной традиции староверов конца XVIII в. на творчество русских книжников последующих столетий.

Ключевые слова: старообрядчество, староверы, сборник, рукопись, компиляция, Ефрем Сирин, Иоанн Златоуст, эсхатология, кириллическая книжность.

На протяжении XVIII–XIX вв. старообрядческая книжность претерпела множество разительных изменений. Появление новых согласий и исчезновение старых, изменение политики светских властей по отношению к «ревнителям древнего благочестия», а также обострение внутренних противоречий между отдельными группами староверов оставляли глубокий отпечаток на жанровом и структурном «устройстве» рукописных фолиантов. Вместе с тем, старообрядческая книжность стремилась продолжать

дониконовские кириллические традиции, испытывала значительное влияние общехристианского и византийского культурного наследия, сохраняя свою индивидуальность и обособляясь от прочей литературы. Большое влияние на книжную культуру староверов XIX в. также оказывали печатные книги, издававшиеся в конце XVIII в. западнорусскими типографиями. Именно там впервые были скомпонованы в своем классическом виде такие выдающиеся сборники сочинений, как «Слово о лжепророках и лжеучителях», «История об отцах и страдальцах соловецких».

Обратимся к изучению рукописного старообрядческого памятника конца XIX в., обнаруженного в составе Фонда книжных памятников Томского областного краеведческого музея (ФКП ТОКМ). Попытаемся установить особенности «устройства» данной кириллической компиляции, провести атрибуцию фолианта и постараемся выявить его источники.

Экземпляр хранится под расстановочным шифром 7377¹. Книга написана в 2°, насчитывает 190 лл. и разделена на три фрагмента: Выдержки из книги «Маргарит», Толковый апокалипсис Андрея Кесарийского, Слово Ефрема Сирина об антихристе.

Рассматриваемый сборник имеет весьма любопытное «устройство», которое следует одновременно хронологическому и тематическому принципам. Отметим, что все представленные в книге авторы, а именно Ефрем Сирин, Андрей Кессарийский, а также Иоанн Златоуст, из слов которого византийскими книжниками и был составлен «Маргарит», проживали между IV и VI вв. н.э. При этом подчеркнем, что внутри книги не сохраняется хронологическая последовательность, как в некоторых других старообрядческих компиляциях, и произведение Андрея Кесарийского располагается раньше, нежели слова его предшественника Ефрема Сирина. Тематический же принцип позволяет объединить указанные произведения вокруг эсхатологической проблематики. Явление антихриста и начало последних времен являются неотъемлемыми структурными элементами всех трех глав².

Эсхатологические сборники прочно вошли в репертуар старообрядческой литературы, начиная с ранних времен ее существования. Особую популярность они снискали в среде бегствующего старообрядчества — т.н. «странников», во многих явлениях светской и духовной жизни видевших предзнаменование страшного суда. Некоторый спад эсхатологической истерии произошел в нач. XX ст. после издания Николаем II указа «Об укреплении начал веротерпимости» (1905 г.). Тем не менее, эсхатологическая литература не исчезла совсем с исторической арены и даже переживала

¹ Фонд книжных памятников Томского областного краеведческого музея. 7377 (Далее — ФКП ТОКМ. 7377).

² Деревенский Б.Г. Книга об антихристе. СПб., 2016. С. 314–321.

всплески в 1917–1922, 1941–1945 гг.³ Таким образом, мы вправе предположить, что сборник был создан и имел хождение в среде староверов-странников. Данный вывод, однако, нуждается в более детальном обосновании. Особое внимание в этом отношении вызывает вязь, по своей стилистике напоминающая наследие Выговского общежительства, что может указывать на поморское или вовсе беглопоповское происхождение книги⁴.

Среди фрагментов из книги «Маргарит» мы встречаем слова Иоанна Златоуста о лжеучителях и лжепророках, последних временах, ересях и любви к книге⁵. Данные элементы взаимодействуют между собой, предупреждая о грядущем явлении антихриста и его предзнаменованиях — лжепророках. Чтение же священных книг в данном контексте выступает как один из немногих способов сохранения веры и противостояния вселенскому злу. Более того, для радикального старообрядчества, не признававшего авторитета духовенства и прочно связывавшего предрекаемых «лжеучителей» с иерархами РПЦ, книга выступала своеобразной заменой пастырей, регламентируя богослужebную, общественную и повседневную жизнь общины. С этим фактом необходимо связывать и постепенно сформировавшийся в среде староверов культ книги, выгодно отличавший их от других маргинальных конфессиональных течений того времени⁶.

Вторая более пространная глава сборника повествует о пришествии антихриста, пустынножительстве и неповиновении сатанинским властям⁷. Столь показательная проблематика в очередной раз отсылает нас к мысли о возможном появлении книги в среде бегунов, для которых указанные положения являлись основой религиозной доктрины и системы мирозерцания⁸.

Третью главу сборника занимает фрагмент «Слова Ефрема Сирина об антихристе». В тексте образно описываются апокалипсические события, а также пути спасения, к которым должны прибегать праведники. Сочинение описывает пришествие антихриста и предшествующие этому события (жажда, плач, голод, смерть). Вполне типичное для христианской эсхатоло-

³ *Szwed I.* Эсхатология в народнобиблейской традиции белорусов (по современным записям) // *Zeszyty Cyrylo-Methodiańskie*. 2016. № 5. С. 60.

⁴ ФКП ТОКМ. 7377. Л. 178; Иргизские монастыри // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/673915.html>

⁵ ФКП ТОКМ. 7377. Л. 1–2 об.; *Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 304.

⁶ *Александров И.* Разговоры о вере с наставником Спасова согласия Аввакумом Анисимовым и наставниками других согласий. М., 1882. С. 12.

⁷ ФКП ТОКМ. 7377. Л. 3–177 об.

⁸ Паспорт старообрядцев-бегунов // *Тобольские епархиальные ведомости*. 1885. № 21–22. С. 504.

гии произведение в контексте сборника приобретает явный антицерковный и антигосударственный подтекст. Описание последних времен Ефремом Сирином в старообрядческом прочтении должно было прочно ассоциироваться с современными для читателей реалиями. Так, повествование об антихристе, прельстившем мир, занявшем царский трон и погрузившем в смрад церкви, указывало на враждебную староверам конфессиональную политику государственных властей, а следом призывало аудиторию сборника удаляться от официальных церковных и светских структур, «скрываться в пустынях, горах и вертепах»⁹.

Как и более ранние главы, «Слово Ефрема Сирина» не позволяет нам безусловно отнести сборник к литературе какого-либо из старообрядческих толков. Особенности восприятия образа антихриста традиционно являлись маркером узкого числа согласий. Однако описанное во второй главе воцарение антихриста может трактоваться в пользу любой из трех основных доктрин (духовного, чувственного или расчлененного антихриста). Таким же образом мы не можем однозначно оценивать призыв «скрываться в пустынях, горах и вертепах» как указание на согласие странников. Напрашивается вывод о том, что сборник создавался как универсальная компиляция, успех которой в значительной мере был обусловлен ее адаптивностью под содержание разнообразных старообрядческих догматов.

Наиболее вероятно, что «Слово Ефрема Сирина...» попало в сборник с целью дополнить предшествующие главы. Сама необходимость описания последних времен исходит из желания составителя эмоционально воздействовать на читателя, повергая его в состояние эсхатологического ожидания. Таким образом, мы можем наблюдать традиционную для старообрядческих компиляций связку «догматических» и «эмфатических» глав. Предыдущие тексты, представленные в сборнике фрагментами «Маргарита» и «Толковым апокалипсисом Андрея Кесарийского», должны были доказывать старообрядческую позицию посредством критики учителей официальной церкви, делая основную акцент на цитировании авторитетных текстов и воздействуя на ту категорию читателей, которая придавала высокое значение должной богословской аргументации повествования¹⁰. Третьему тексту, напротив, надлежало склонить на позиции староверия часть читателей, особенно восприимчивых к эмоциональным сюжетам, чему явно способствует повествование Ефрема Сирина о втором пришествии Спасителя и великой радости всех, кто не принял печати антихриста. Текст вообще должен был убедить

⁹ ФКП ТОКМ. 7377. Л. 178–191.

¹⁰ Бытко С.С. Сборник «Слово о лжепророках и лжеучителях»: идея, структура, организация // Тюменский исторический сборник. Вып. 18. Тюмень, 2016. С. 176.

читательскую аудиторию в непрерывном заступничестве Бога за причастников истинной веры¹¹.

По всей видимости, автор находился под сильным впечатлением от сборника устойчивого состава «Слово о лжепророках и лжеучителях», также включавшего в себя произведения Иоанна Златоуста и Ефрема Сирина. Примечательно, что вторую главу данной книги занимало именно «Слово Ефрема Сирина об антихристе». Упомянутый сборник был впервые сформирован во время «первой волны» старообрядческого книгопечатания, которая пришлась на рубеж XVIII–XIX вв.¹² В силу своей универсальности и возможности истолкования текстов в соответствии с любой из эсхатологических традиций староверов (как наиболее радикальной, так и весьма лояльной к официальным властям), книга снискала огромную популярность и с появлением нескольких крупных тиражей прочно вошла как в печатную, так и в рукописную старообрядческую традицию.

Отметим, что первоначально по замыслу составителя в сборнике ФКП ТОКМ № 7377 должны были содержаться лишь произведения Андрея Кесарийского и Ефрема Сирина. Археографическое изучение книги показывает, что начальные листы со словами Иоанна Златоуста были добавлены вслед за написанием основного текста. По всей видимости, это было сделано именно с целью подражания легендарному печатному сборнику. Примечательно, что с добавлением начальной главы в рукописи оказались представлены все авторы, произведения которых фигурировали в «образцовой» компиляции. Еще более показательно, что после «расширения» рукописи структурно оказались связаны рассуждения о лжепророках (1-я глава) и пришествии антихриста (3-я глава), что полностью соответствует логике комплектования «Слова о лжепророках и лжеучителях».

Таким образом, несмотря на значительное догматическое сходство положений, отстаиваемых в книге, с учением староверов-странников, сборник достаточно легко поддавался адаптации к доктринальным особенностям других согласий и потому мог иметь весьма широкое хождение в старообрядческой среде. Несомненно, что составитель компиляции испытал значительное влияние печатной традиции рубежа XVIII–XIX вв., воссоздав в альтернативной форме один из известнейших старообрядческих сборников «Слово о лжепророках и лжеучителях».

¹¹ Бытко С.С. Структурное оформление сборника «Слово о лжепророках и лжеучителях» // Северный регион: наука, образование, культура. 2016. № 2. С. 16–17.

¹² Вознесенский А.В. Старообрядческие издания XVIII — начала XIX века: введение в изучение. СПб., 1996. С. 117–119.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фонд книжных памятников Томского областного краеведческого музея. 7377.

2. Александров И. Разговоры о вере с наставником Спасова согласия Аввакумом Анисимовым и наставниками других согласий. М., 1882.

3. Бытко С.С. Сборник «Слово о лжепророках и лжеучителях»: идея, структура, организация // Тюменский исторический сборник. Вып. 18. Тюмень, 2016.

4. Бытко С.С. Структурное оформление сборника «Слово о лжепророках и лжеучителях» // Северный регион: наука, образование, культура. 2016. № 2.

5. Вознесенский А.В. Старообрядческие издания XVIII — начала XIX века: введение в изучение. СПб., 1996.

6. Деревенский Б.Г. Книга об антихристе. СПб., 2016.

7. Иргизские монастыри // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/673915.html>

8. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996.

9. Паспорт старообрядцев-бегунов // Тобольские епархиальные ведомости. 1885. № 21–22. С. 504–505.

10. Szwed I. Эсхатология в народнобиблейской традиции белорусов (по современным записям) // *Zeszyty Cyrylo-Methodiańskie*. 2016. № 5. С. 54–66.

S.S. Bytko

Tyumen (Russia)

Secondary school № 7

ON THE COMPOSITION AND STRUCTURAL DEFINITION
OF AN HANDWRITTEN OLD-BELIEF COLLECTION OF THE END
OF THE XIX CENTURY FROM THE FKP TOKM MEETING

The article discusses the origin and “architectural device” of the handwritten Cyrillic collection of the late XIX century. The author establishes the belonging of the book to the eschatological genre, and also substantiates the conclusion about its “doctrinal universality” and the possibility of its existence in an environment of a wide stratum of Old Believers agreements. Due to its hermeneutic adaptability and the possibility of adding new texts, the book could be appreciated both by the Old Believers of a radical sense and by supporters of more moderate relations with the state and secular society. Considerable attention in the work is paid to the plot and structural interaction of individual chapters within the compilation. The conclusion is made about the complementarity of individual parts of the book in order to build a bunch of “dogmatic”

and “emphatic” texts. The first were to give a scholastic rationale for the offensive of the last times that had taken place, the second — to sow a sense of eschatological expectation. There is a noticeable structural continuity of the collection from the famous print compilation “The Word of False Prophets and False Teachers”. The question of the influence of the printed tradition of the Old Believers of the late 18th century is raised. on the work of Russian scribes of the next centuries.

Keywords: Old Believers, collection, manuscript, compilation, Efrem Sirin, John Chrysostom, eschatology, Cyrillic bookishness.

А.С. Шулятьева
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

СЫСК БЕГЛЫХ КРЕСТЬЯН ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ВТОРОЙ ПОЛ. XVII В.

В статье рассмотрено наиболее активно разрабатываемое направление государственной политики в области правового положения крестьянства — сыск крестьян, незаконно покинувших своих землевладельцев. Проанализированы изменения в законодательстве второй пол. XVII в. Отмечено стремление государства к созданию условий, при которых беглый крестьянин был вынужден вернуться к законному землевладельцу.

Ключевые слова: крестьянство, сыск беглых крестьян, российское законодательство, вторая пол. XVII в., история России.

Отмена урочных лет Соборным Уложением 1649 г. повлекла за собой усиление бегства крестьян. Процедура сыска упомянутым памятником права определена не была. Этот вопрос ранее решался на практике землевладельцами путем подачи челобитной, а государством путем сыска в каждом конкретном случае. Однако в условиях повсеместного закрепления крестьян за тяглом требовался сыск организованный, имеющий массовый характер. Землевладельцы в своих коллективных челобитных призывали государя предпринять меры по установлению общих правил сыска беглых крестьян¹.

Войны с Польшей и Швецией непосредственно способствовали усилению бегства, поскольку увеличивались крестьянские повинности, ослаблялся контроль со стороны землевладельцев, несших службу государю. В ответ на челобитные 5 марта 1653 г. издан указ, по которому сыску в украинских городах и в городах по черте подлежали те крестьяне, которые бежали после принятия Уложения². Права землевладельцев здесь ущемлялись (ранее

¹ Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.;Л., 1962. С. 22–23.

² Там же. С. 123–124.

подлежали сыску крестьяне, бежавшие до принятия Уложения). Причиной тому явилась заинтересованность правительства в обороне южных рубежей, в которых значительная часть беглых крестьян в составе пришлых людей использовалась в качестве служилых людей по прибору. Спустя три года издается указ, который позволяет сыск крестьян, бежавших в украинные города и в города по черте с 1653 г. (указ от 20 марта 1656 г.)³. Хотя права землевладельцев вновь уменьшаются, поскольку не все бежавшие крестьяне подлежали возврату, вновь подтверждался сыск крестьян на данных территориях.

В нач. 1658 г. началась рассылка заповедных грамот, запрещавших прием беглых в селах и городах. С грамот началась регламентация организации сыска беглых крестьян. Например, в грамоте нижегородскому воеводе Г. Бутурлину (15 февраля 1658 г.) обнаруживается следующая санкция: за прием и держание беглых принявшему землевладельцу полагалось выплатить десять рублей за год незаконного приема (согласно Уложению). Крестьянину также назначалось наказание — битье кнутом. Если же крестьяне своих землевладельцев «до смерти побили или дома их пожгли», то такие беглецы подлежали смертной казни⁴.

Основным назначением сыска было не столько восстановление права землевладельца на тяглого крестьянина, сколько интересы обороны страны. В наказе сыщику Д.И. Плещееву (март 1658 г.) содержится требование к землевладельцам всегда быть готовыми к призыву государя на войну. Их не должны были отвлекать от службы отъезды в Москву, где они подавали челобитные о беглецах. Таким образом, сыск был направлен на укрепление тыла страны⁵.

На примере наказа нижегородскому сыщику Д.И. Плещееву можно выделить варианты возвращения беглых частновладельческих крестьян:

1. Когда по челобитью были найдены предполагаемые беглые крестьяне, сыщику следовало устроить очную ставку. В том случае, если крестьяне признали своих законных землевладельцев, а челобитчики предоставили крепости и выписи из писцовых и переписных книг, сыщик должен был проверить эти документы. После успешной проверки крестьяне подвергались наказанию, а потом под расписку выдавались законному землевладельцу.

2. Если обнаруживались беглые крестьяне, а их землевладелец отсутствовал на месте расследования, то крестьяне подвергались наказанию,

³ Там же. С. 125.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (Далее — ПСЗ). Т. 1. СПб., 1830. № 220. С. 445–446.

⁵ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1851. № 48. С. 122–127.

а затем с порукою или в сопровождении приставов отправлялись к своим помещикам и вотчинникам.

3. В случае, когда отсутствовала порука, а приставы не назначались, то беглых с семьями заключали в тюрьмы. Сыщикам следовало оповещать землевладельцев о том, что в тюрьмах содержатся беглые крестьяне. Оповещение велось путем оглашения отписки сыщика с приложением именной росписи беглых. В случае если землевладелец объявлялся, возврат шел по первому варианту.

4. Если же по челобитной, подкрепленной выписями из писцовых или переписных книг, старых землевладельцев находились крестьяне, однако новые землевладельцы предъявляли на тяглецов полюбовные сделки (отдачи из приказов или поступные о передаче взамен беглых и др.), то признавалось право новых землевладельцев на крестьян лишь в случае заключения полюбовной сделки до Уложения.

В наказе дано новое толкование побега. Если ранее он рассматривался только как противоправное деяние без наказания, то теперь побег квалифицировался в качестве «воровства» и получал отдельную санкцию, вплоть до смертной казни, в случае убийства землевладельца при побеге⁶.

Дальнейшее развитие законодательства о сыске произошло также под влиянием коллективной челобитной. Указ 13 сентября 1661 г. установил новые санкции по сравнению с Уложением за прием беглых крестьян. В основе дифференциации санкции два критерия:

1. временной (в зависимости от того, в какое время был принят крестьянин) — в период от заповедных грамот 1658 г. до данного указа 1661 г. или в период после издания данного указа;

2. социальный (в зависимости от статуса лиц, принявших крестьян) — крестьянин был принят вотчинниками и помещиками или приказными дворцовых сел и черных волостей, земскими и посадскими старостами и приказчиками вотчин светских и духовных землевладельцев.

Если в первый период крестьян принимали приказные землевладельцев без ведома последних, то приказных следовало «бить кнутом», а помещикам и вотчинникам следовало платить зажилые годы и доставить крестьян их законным землевладельцам. Если же принял крестьян сам землевладелец, то приказчики освобождались от наказания, а приемщик вдобавок к указанной санкции должен был за каждого принятого беглого отдать одного наддаточного крестьянина из числа своих.

Во второй период санкция была следующей. Для приказных людей, старост и приказчиков вотчин и поместий телесное наказание оставалось в прежнем виде. Но для приказчиков частновладельческих вотчин и по-

⁶ Маньков А.Г. Указ. соч. С. 32–33.

местий сверх нешадного наказания кнутом добавлялось взыскание владенья за жилые годы. Помещики и вотчинники за прием каждого беглого крестьянина должны были отдать четырех наддаточных крестьян⁷. Так государство стремилось сделать прием крестьян совершенно невыгодным землевладельцу.

Указы от 31 марта 1663 г. и от 10 мая 1665 г. утвердили превосходство в юридической силе одних источников над другими при разрешении вопроса об установлении прикрепления к тяглу. Первый указ гласил о том, что беглые оставались за тем, за кем непосредственно они (а не их деды) числятся в переписных книгах. Крепость потомственная и старинная уходила на второй план⁸. Другой же требовал, чтобы прикрепление к тяглу в виду старины было официально зарегистрированным. Если такого акта нет, то предпочтение отдавалось новому (прежде всего записям в писцовых и переписных книгах)⁹.

Вскоре был издан указ 1 марта 1667 г., в котором содержатся положения, имевшиеся в наказах сыщику Д.И. Плещееву (от 1658 и 1661 гг.). Так частные нормы получили распространение на территории всего государства. Этот указ был дан в период подъема крестьянского движения накануне восстания С. Разина и обобщил накопленную практику сыщиков.

По указу 1667 г. дела о татбе и разбое, сопряженные с побегом крестьянина, должны были расследоваться сыщиком, а не вотчинником или помещиком¹⁰ (что позднее подтверждалось указом от 20 января 1673 г.)¹¹. Данная норма способствовала оперативному разрешению этих категорий дел благодаря использованию государственного аппарата, разграничила полномочия сыщика и вотчинного суда.

Установившаяся с 50-х гг. практика регулярной отправки сыщиков преклась в начале царствования Федора Алексеевича. По мнению А.Г. Манькова, причиной тому могла служить подготовка правительства к совмещению сыска крестьян с мероприятиями по описанию и размежеванию земель¹².

Под влиянием новой челобитной был издан указ 31 августа 1681 г. В нем претерпела изменения санкция за прием беглых. Вместо взыскания наддаточных крестьян принявший должен был согласно Уложению выплатить 10 руб. за год удержания у себя тяглеца. Также за каждый день, начиная с подачи челобитной истцом и заканчивая днем возвращения крестьянина, принявший землевладелец платил по гривне как компенсацию судебных из-

⁷ ПСЗ. Т. 1. № 307. С. 556–558; Маньков А.Г. Указ. соч. С. 42–43.

⁸ ПСЗ. Т. 1. № 333. С. 577.

⁹ Маньков А.Г. Указ. соч. С. 47–49.

¹⁰ Там же. С. 50–52.

¹¹ ПСЗ. Т. 1. № 538. С. 916.

¹² Маньков А.Г. Указ. соч. С. 53.

держек истца¹³. Отход от практики выдачи наддаточных крестьян был вызван тем, что принять беглеца могли не только землевладельцы, но и воеводы, приказные люди, земские старосты и прочие представители власти на местах, не владевшие в большинстве своем землями с крестьянами. С таких приемщиков невозможно было взыскать наддаточных.

О противоречивости позиции землевладельцев свидетельствует то обстоятельство, что в челобитных 1682 г. часть их говорит о наступившем злоупотреблении некоторых вотчинников и помещиков. Исчез страх перед наказанием за прием. В ответ правительство восстановило санкции о четырех наддаточных крестьянах указом от 1 декабря 1682 г.¹⁴ (что означало фактическую отмену указа 31 августа 1681 г. и восстановление положений указа от 13 сентября 1661 г.)¹⁵.

Принимая во внимание новую челобитную, правительство в указе от 3 января 1683 г. отменило действие указа 1682 г. Вместо наддаточных крестьян санкцией за прием выступило увеличенное вдвое взыскание — 20 руб. за год приема беглеца¹⁶. Беглые могли скрыться у попов, торговых и посадских людей, стрельцов и др., т.е. у тех, кто не владел землей¹⁷.

Определенным рубежом в развитии законодательства о крестьянах стало издание Наказа сыщикам 2 марта 1683 г.¹⁸ Он представлял собой выборочное объединение норм, актуальных к нач. 80-х гг. XVII в. Данный правовой акт был принят на заседании Боярской думы после доклада Поместного приказа о существовавших ранее указах сыщикам как ответ на дворянскую челобитную¹⁹.

Наказ содержал в себе следующие новшества. Ответственность за прием беглеца в дворцовых землях возлагалось не только на приказчика, но и на крестьян, проживавших на этой территории. Им следовало выплатить зажилые деньги (ст. 4)²⁰. В связи с распространением ответственности на крестьян, зачастую неспособных сразу заплатить штраф за прием, государство могло предоставить рассрочку. Для этого требовалось платить по 100 руб. в месяц. Если же плата за месяц так и не поступала, то правона-

¹³ ПСЗ. Т. 1. № 891 С. 355–356.

¹⁴ ПСЗ. Т. 1. № 972. С. 483.

¹⁵ Маньков А.Г. Указ. соч. С.55–58.

¹⁶ Там же. С. 60; ПСЗ. Т. 1. № 985. С. 491–492.

¹⁷ Комментарий // Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 94.

¹⁸ ПСЗ. Т. 2. № 998. С. 502–513.

¹⁹ Маньков А.Г. Указ. соч. С. 62.

²⁰ ПСЗ. Т. 2. № 998. С. 503–504; Маньков А.Г. Указ. соч. С. 66.

рушитель подвергался битью кнутом (ст. 7)²¹. Дополнен перечень тех актов, которые признавались свидетельством о прикреплении к тяглу. Если кроме незарегистрированной в приказе крепости не имелось более никаких свидетельств, то эта крепостная запись приобретала законную силу. Однако если находился челобитчик, ссылавшийся на запись спорного крестьянина в писцовой или переписной книге, то следовало разрешать спор в судебном порядке (ст. 28)²².

Значение Наказа состоит в следующем. Он явился кодифицированным актом о сыске беглых крестьян, объединил в себе важнейшие указы 60-х гг. XVII в. Также Наказ дополнил существовавшие правовые нормы новыми установлениями, продиктованными как объективными обстоятельствами (в случае порядка взимания штрафа за прием с крестьян), так и политикой правительства (о признании прикрепления к тяглу на основании юридически подтвержденного акта).

Правительство в соответствии с Наказом возобновило отправку сыщиков в города страны. Но в ответ на отдельные челобитные летом 1683 г. сыщики были отозваны из южных уездов. Постепенно эта практика распространилась по всей стране, а полномочия сыщиков были возложены на воевод и писцов. В ответ на коллективную челобитную дворян, требовавших неукоснительного следования Наказу, был издан указ от 31 марта 1691 г. В нем «великие государи указали послать сыщиков»²³.

Бегство крестьян на южные территории страны, в частности на Дон, и возникновение напряженной обстановки, вызванной восстанием стрельцов 1698 г. стали поводами для усиления государственного контроля в сфере прикрепления крестьян к тяглу. Указ 14 марта 1698 г. сохранял существовавшую санкцию, но при этом содержал угрозу того, что принявших скоро вновь обяжут выдавать наддаточных крестьян. Последовавший указ 23 марта 1698 г. объявлял лишь об отправке сыщиков. О наддаточных крестьянах в этом указе ничего не говорилось²⁴.

В итоге, сыск беглых крестьян являлся одним из самых регламентируемых и пересматриваемых вопросов государственной политики. Неоднократно изменялась санкция за прием тяглецов, расширялся круг ответственных за их прием. Основанием для возвращения крестьянина законному землевладельцу являлись юридические доказательства, в порядок учета которых также были внесены коррективы.

²¹ ПСЗ. Т. 2. № 998. С. 505; Комментарий // Российское законодательство X–XX веков... С. 95–96.

²² ПСЗ. Т. 2. № 998. С. 507–508; Маньков А.Г. Указ. соч. С. 86–87.

²³ Маньков А.Г. Указ. соч. С. 76.

²⁴ ПСЗ. Т. 3. № 1623. С. 443–444.

Законодательные акты, принятые под воздействием коллективных челобитных землевладельцев, послужили дополнением, детализацией положений Соборного Уложения о крестьянском суде. Акцент в вопросе о беглых крестьянах был поставлен не на устрашение тяглецов, а на создание условий, при которых бы беглец, не сумевший найти пристанища у других лиц, вынужден был возвратиться к своему законному землевладельцу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1851.
2. Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. С 1649 по 1675. СПб., 1830.
3. Полное собрание законов Российской империи. Т. 2. С 1676 по 1688. СПб., 1830.
4. Полное собрание законов Российской империи. Т. 3. 1689–1699. СПб., 1830.
5. Комментарий // Российское законодательство X–XX в. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986.
6. Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.; Л., 1962.

A.S. Shulyatyeva

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

SEARCH OF RUNNING PEASANTS BY THE RUSSIAN LEGISLATION OF THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY

The article discusses the most actively developed direction of state policy in the field of the legal status of the peasantry — the search for peasants who illegally left their landowners. The article contains an analysis of changes in the legislation of the second half of the XVII century. The desire of the state to create conditions under which the runaway peasant was forced to return to the rightful landowner was noted.

Keywords: peasantry, search for runaway peasants, Russian legislation, second half of the XVIIth century, history of Russia.

А.В. Зубков
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

РУССКОЕ ПЬЯНСТВО В ЗАПИСКАХ ИНОСТРАНЦЕВ О РОССИИ КОНЦА XV–XVII ВВ.

Знакомство европейцев с нашей страной начинается в конце XV в. И именно в это время на Западе начали формироваться различные стереотипы о России. Один из самых распространенных стереотипов о нашей стране является русское пьянство. И чтобы понять причины его появления, необходимо обратиться к тем временам, когда этот «обидный» стереотип возник.

Ключевые слова: записки иностранцев, русское пьянство, иностранные путешественники.

В период расцвета Возрождения западные страны начинают активно осваивать мир. И когда обращают свой взор на восточных соседей, с удивлением, обнаруживают, на месте поверженных русских княжеств, крупное государство — Московию. И, начиная со второй пол. XV в., иностранные купцы, дипломаты и путешественники посещают эту «неизведанную страну», оставляя после себя записки о Московии.

Именно в это время на Западе начинают формироваться и закрепляются стереотипы о России, которые становятся решающими во взаимодействии двух культур и во многом остаются таковыми до сих пор. Один из самых распространенных стереотипов о нашей стране — это русское пьянство. И чтобы понять причины его появления необходимо обратиться к временам, когда возник этот «обидный» стереотип.

Первыми, кто из европейцев стали посещать нашу страну и писать о ней были итальянские купцы и дипломаты. Они описывали спиртные напитки, которые употребляют русские: «У них нет никаких вин, но они употребляют напиток из меда»¹ (Контарини), «Из напитков они употребляют пиво, сде-

¹ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 228.

ланное чаще всего из ячменя, и мед с цветом»² (Георгий Перкамота).

Также иностранцы упоминают о том, что Великий князь борется с пьянством: «Эта народная слабость принудила Государя их запретить навсегда, под опасением строжайшего взыскания, употребление вина, пива и другого рода хмельных напитков, исключая одних только праздничных дней»³ (Альберт Кампензе), «Человеку простого звания запрещены напитки, пиво и мед, но все же им позволено пить в некоторые особо торжественные дни»⁴ (Герберштейн).

Как можно видеть, в конце XV — нач. XVI вв. русские пили лишь слабоалкогольные напитки (пиво, мед) и только по праздникам. А русское правительство, во главе с Великим князем, боролось с чрезмерным употреблением алкоголя.

Упоминание о крепких алкогольных напитках можно встретить в трактате Метвея Меховского: «Они часто употребляют горячительные пряности или перегоняют их в спирт, например, мед и другое. Так из овса они делают жгучую жидкость или спирт и пьют, чтобы спастись от озноба и холода»⁵, а также в сочинении англичанина Джайлса Флетчера: «Приступая к еде, они обыкновенно выпивают чарку, или небольшую чашку водки (называемой русским вином)»⁶.

В разрез со сведениями иностранцев о русском пьянстве идет мнение посла Великого княжества Литовского Михалона Литвина: «В Московии (Moscovia) же нигде нет кабаков. Посему если у какого-либо главы семьи найдут лишь каплю вина, то весь его дом разоряют, имущество изымают, семью и его соседей по деревне избивают, а его самого обрекают на пожизненное заключение»⁷. Он противопоставляет трезвость на Руси пьянству в Литве. Но здесь, вероятнее, автор хочет устыдить своих соотечественников в пороке пьянства показывая, что их соседи (москвитяне и татары) ведут трезвый образ жизни.

О большем размахе пьянства на Руси пишут авторы в конце XVI–XVII вв., что можно объяснить распространением хлебного вина или, другими словами, водки по всей стране: «Порок пьянства так распространен у этого народа во всех сословиях, как у духовных, так и у светских лиц, у высоких и низких, мужчин и женщин, молодых старых, что, если на улицах видишь

² Перкамота Г. Сообщение о России московского посла в Милан. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Perkamota/text.htm>

³ Кампензе А. Письмо папе Клименту VII. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Kampenze/frametext.htm>

⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 103.

⁵ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М., 1936. С. 114.

⁶ Флетчер Д. О государстве Русском. М., 2002. С. 158.

⁷ Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 151.

лежащих там и валяющихся в грязи пьяных, то не обращаешь внимания; до того все это обыденно»⁸ (Адам Олеарий), «Некоторые, возвращаясь домой пьяные, падают сонные на снег, если нет с ними трезвого товарища, и замерзают на этой холодной постели»⁹ (Сэмюэль Коллинз), «Так как они не привержены к работе, но пристрастились к пьянству, как нельзя более. Когда они веселятся, то пьют главным образом водку и медовый напиток (medon), который они делают из меда, достаемогося им без труда и в изобилии, о чем можно судить по большому количеству воска, ежегодно вывозимого из страны. У них есть также ячменное пиво и другие дешевые напитки. Этому порочному пьянству безмерно предаются все подряд, как мужчины, так и женщины, девицы и дети; священнослужители так же или даже более чем другие»¹⁰ (Жак Маржерет).

В конце XVI–XVII вв. русские правители продолжают бороться за монополию в изготовлении спиртных напитков: «Запрещается также строго, под смертною казнью, чтобы никто в стране не продавал каких бы то ни было напитков, пива, меду или водки, кроме одного великого князя, который во всех городах, местечках и больших деревнях содержит общественные кружала и кабаки и получает от того большой ежегодный доход»¹¹ (Петр Петрей).

В заключении можно сделать вывод о том, что не мало иностранцев описывали русское пьянство. Но не стоит полностью доверять данным сообщениям. Они, как и всякое историческое свидетельство, требуют проверки и критического анализа. Необходимо учитывать определенные факторы, способствующие отбору достоверной информации по данному вопросу. К таким факторам относят не только принадлежность авторов к той или иной стране, но и политическая и идеологическая ситуация в Европе, степень заимствований из работ предшественников и цель создания сочинения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.
2. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

⁸ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 191.

⁹ *Коллинз С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М., 1846. С. 8.

¹⁰ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. М., 2007. С. 122.

¹¹ *Шокарев С.Ю.* Сочинения И. Массы и П. Петрея о Смутном времени // *Исаак Масса. Петр Петрей.* О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 421.

3. Кампензе А. Письмо папе Клименту VII. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Kampenze/frameset.htm>
4. Коллинз С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М., 1846.
5. Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.
6. Маржерет Ж. Состояние Российской империи. М., 2007.
7. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М., 1936.
8. Оларий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
9. Перкамота Г. Сообщение о России московского посла в Милан. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Perkamota/text.htm>
10. Флетчер Д. О государстве Русском. М., 2002.
11. Шокарев С.Ю. Сочинения И. Массы и П. Петрея о Смутном времени // Исаак Масса. Петр Петрей. О начале войн и смут в Московии. М., 1997.

A.V. Zubkov

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

RUSSIAN DRUNKENNESS IN NOTES OF FOREIGNERS ABOUT RUSSIA AT THE END OF THE XV–XVII CENTURIES

Acquaintance of Europeans with our country begins at the end of the XVth century. And it was precisely at this time that stereotypes about Russia began to take shape in the West. One of the most common stereotypes about our country is Russian drunkenness. And in order to understand the reasons for its appearance, it is necessary to turn to the times when this «offensive» stereotype arose.

Keywords: notes of foreigners, Russian drunkenness, foreign travelers.

Н.Р. Белова

г. Москва (Россия)

Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

ОБРАЗ ВЛАСТИ В «ХРИСТОСЛАВЕ» СИЛЕЗСКОГО ИЕЗУИТА МАТЕЯ ВИЕРИЯ

В данной статье рассмотрен образ власти, сформированный в эпоху барокко и представленный в книге силезского иезуита Матея Виерия «Христослав». Анализируются черты, необходимые идеальному правителю, задачи его правления, его взаимоотношения с подданными. Через призму литературного произведения рассматривается политическая и религиозная ситуация в Чешских землях.

Ключевые слова: образ власти, иезуиты, литература барокко, рекатолизация, Габсбурги.

Изучение образов власти, или потестарная имагология, является важным направлением в исторической науке, которое только недавно начало активно разрабатываться исследователями. Изучение образов власти дает возможность проникнуть в сознание людей прошлого, рассмотреть особенности их политического мышления. В данной статье будет исследован образ власти эпохи барокко, представленный в книге силезского иезуита Матея Виерия «Христослав или Жизнь князя Христослава, из которой каждый христианин очень хороший пример, предостережение и научение себе взять может...»¹. Это произведение, сочетающее в себе элементы проповеди, зеркала, притчи, барочной легенды и эпической литературы, повествует о жизни вымышленного князя Христослава, правителя вымышленного Алмариканского государства. Анализ «Христослава» позволяет, с одной стороны, исследовать теоретические представления иезуита о власти, а с другой — рассмотреть его отношение к Габсбургам и их политике.

Несмотря на то, что в основе книги лежит жизнь вымышленного государя, многие описанные в ней события можно отождествить с реальными

¹ *Matěj Vierijs. Christoslaus aneb život Kristoslawa knížete, z něhož každý křesťanský člověk velmi pěkný příklad, weystrachu a naučení sobě wzýti může. Praha, 1689.*

событиями и процессами, происходившими в Чешских землях в XVII в. Так, в войне Христослава с Несарогской землей можно увидеть отсылку к словесному восстанию 1618–1620 гг. и битве у Белой горы. Кроме того, Виерий много пишет о рекализации, уделяя особое внимание вопросу о чаше, который для Чешских земель был особенно актуален и стал даже элементом идентичности. Самого князя Христослава М. Сладек отождествил с Фердинандом II Габсбургом, при котором началась всеобщая и насильственная рекализация Чешских земель².

Характеризуя образ власти Средних веков или эпохи барокко, в первую очередь следует проанализировать образ правителя. В своем произведении Матей Виерий создает образ идеального государя, главными чертами которого являются христианские добродетели: любовь к Богу, вера, смирение, мудрость, умеренность, целомудрие. Правитель наделен и необыкновенной внешней красотой, однако она воспринимается иезуитом как отражение красоты внутренней. Личное благочестие необходимо монарху, поскольку ему вручена миссия «защиты и продвижения христианской веры» (лат. *defensio / propagatio fidei*). Таким образом, перед нами образ христианского государя, сформированный еще Классическим Средневековьем и развитый в эпоху барокко.

Правитель в произведении наделяется чертами библейских царей, им он подобен мудростью, справедливостью и храбростью. Например, можно сравнить его правление с царствованием Давида, который «творил <...> суд и правду над всем народом своим» (2Цар. 8:15). Христослав также осуществляет суд над своим народом («Протестантских проповедников по всем землям велел схватить и связанных к себе привести, к ним обратился он с такой речью...»³). Правитель также уподобляется ветхозаветному пророку, соединяя в себе функции военачальника, справедливого судьи, а также духовного лидера. В книге Христослав выступает как проповедник и несет своему народу слово Божие («Так Христослав, князь апостольский, свой народ учил и наставлял»⁴). Одновременно царем и первосвященником был и Мельхиседек, уподобление этому ветхозаветному «царю мира» было приуще еще Карлу IV⁵.

² *Sládek M.* Vieriův Kristoslav a pobělohorská rekatolizace Čech // *Literární archiv*. 1994. R. 27. S. 231.

³ *Matěj Vieriŭs.* Christoslaus. S. 371.

⁴ *Ibid.* S. 401.

⁵ *Мельников Г.П.* Имперское и чешское в концепции власти Карла IV // *Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века.* М., 2008. С. 162.

Политика идеального государя, с точки зрения Виерия, должна быть основана на нравственных принципах. В таком случае возникает вопрос: можно ли пренебречь моралью ради государственных интересов? Об этом задумывались многие политические мыслители XVI–XVII вв. Идея Макиавелли о том, что политик может отступать от нравственных норм ради блага государства, шокировала Европу⁶, так же, как и мысль о приоритете страха перед правителем над любовью к нему. Из тезиса о несовместимости нравственности и политики следовало, что истинный христианин не может добиться успеха на политическом поприще. В конце XVI–XVII в. оформилось течение антимакиавеллизма, то есть отрицания и осуждения взглядов флорентийского мыслителя.

Идея о том, что политическая жизнь должна быть подчинена нравственным принципам, была широко распространена, Р. Бирли связывает это со стремлением к более глубокой религиозности, которая стала источником как Реформации, так и Контрреформации⁷. Взгляды антимакиавеллистов оказали влияние и на Виерия: его книга имеет антимакиавеллистскую направленность. Согласно его концепции, судьба государства зависит от Божьей милости, которая является источником власти и которой правитель и народ могут достичь благодаря добродетелям, безнравственное же поведение приводит страну к гибели. Этот тезис Виерий поясняет с помощью одной из картин в покоях Христослава, на которой изображена лодка, наполненная камнями⁸. Она символизирует человека, а камни — его грехи. Как последний камень топит лодку, так и последний грех низвергает человека в ад. Эту аллегория можно применить и к государству. Таким образом, для Виерия благо государства не может противоречить нравственности. Противоречие между благом моральным (*bonum honestum*) и полезным (*bonum utile*) было важной проблемой политической мысли эпохи барокко⁹. Виерий, как и антимакиавеллисты, убежден в том, что благо моральное и полезное могут и должны сочетаться.

Иезуит вступает в спор с Макиавелли и по поводу взаимоотношений правителя с подданными, которые, по мнению Виерия, должны быть основаны на любви, а не на страхе. Однако его концепция не лишена противоречий. Например, он описывает очень жестокие казни, к которым прибегал Христослав и которые не могли не утратить людей.

⁶ *Bireley R.* The counter-reformation prince Anti-Machiavellianism or Catholic statecraft in early Modern Europe. Chapel Hill; London, 1990. P. 217.

⁷ *Ibid.* P. 27–28.

⁸ *Matěj Vieri.* Christoslaus. S. 84.

⁹ *Bireley R.* The counter-reformation prince. P. 28.

С точки зрения иезуита, обязанности и полномочия правителя не ограничиваются областью светского законодательства: монарх должен контролировать все сферы жизни подданных и вмешиваться в их частную жизнь, чтобы уберечь их от греха и привести к спасению. Христослав следит за тем, соблюдают ли люди церковные обряды, ходят ли в церковь, ведут ли праведную жизнь¹⁰. Правитель в «Христославе» воспринимается как отец для подданных («Смерть господина своего горестно оплакивали и подданные, ибо не столько господином, сколько отцом для них был»¹¹).

Ограничена ли чем-либо власть монарха? Виерий упоминает о том, что Христослав стремился «не разгневать сословия»¹² и обращался к сейму за советом. Как отмечает Р. Бирли, тезис о том, что правитель не может управлять без совета подданных, в первую очередь, привилегированных сословий, разделялся большинством политических мыслителей XVII в. — как сторонников Макиавелли, так и писателей антимакиавеллистской направленности¹³.

Следует также затронуть вопрос о соотношении светской и духовной властей. Это важно, поскольку Виерий большое внимание уделяет процессу рекатолизации. С его точки зрения, главную роль в этой политике играет именно светская власть, обращение подданных в католичество воспринимается как одна из главных задач монарха. Такое невнимание к церковной власти, на мой взгляд, может объясняться слабостью ее позиций в Чешских землях в начале побелогорской рекатолизации. Важно отметить, что рекатолизация понимается иезуитом не просто как борьба с еретиками, а как продуманная политика, направленная на формирование конфессионального единства в государстве. Для Чешских земель вопрос о религиозном единстве имел большое значение, и, как отмечает Я. Панек, был тесно связан с политической централизацией¹⁴. Именно к этой цели стремились Габсбурги, особенно Фердинанд II, позиционировавший себя как защитник веры и исполнитель воли Божией.

Представляется, что главной целью книги является прославление политики Габсбургов. Правителей именно этой династии Виерий чаще всего

¹⁰ Matěj Vieriis. Christoslaus. S. 328.

¹¹ Ibid. S. 225.

¹² Ibid. S. 226.

¹³ Bireley R. Ferdinand II: Founder of the Habsburg Monarchy // Crown, Church and Estates: Central European Politics in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Houndmills, 1991. P. 232.

¹⁴ Panek J. The integration of the Czech (Bohemian) lands in the Habsburg Monarchy in the age of counter-reformation // Přednášky z XXXVII. a XXXVIII. běhu LŠSS. Praha, 1995. S. 282.

приводит в качестве достойного примера. Чешским правителям из других династий уделено гораздо меньше внимания. Необычен тот факт, что Вьерий ни разу не упоминает в своем произведении Карла IV, который считался идеалом государя в XVI–XVII вв., и правление которого воспринималось как золотой век Чешских земель¹⁵. Единственное объяснение отсутствию Карла IV в ряду достойных монархов мне видится в том, что целью сочинения Вьерия было прославление именно династии Габсбургов.

Таким образом, Матей Вьерий создает образ христианского государя, являющегося исполнителем Божьей воли и опирающегося в своей политике на моральные нормы. В «Христославе» четко прослеживается библейская установка об ответственности власти перед Богом за благо народа, поэтому важнейшей задачей правителя является приведение своих подданных к спасению. Примерами достойных правителей для иезуита являются Габсбурги, он поддерживает их политическую линию, особенно политику всеобщей и насильственной рекаголизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Matěj Vierijs*. Christoslaus aneb život Kristoslawa knížete, z něhož každý křesťanský člověk velmi pěkný příklad, weystrachu a naučení sobě wzýti může. Praha, 1689.
2. *Бойцов М.А.* Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии. СПб., 2010.
3. *Мельников Г.П.* «Образы власти» в сочинениях чешских гуманистов // Культура Возрождения и власть. М., 1999.
4. *Мельников Г.П.* Имперское и чешское в концепции власти Карла IV // Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. М., 2008.
5. *Bireley R.* Ferdinand II: Founder of the Habsburg Monarchy // Crown, Church and Estates: Central European Politics in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Houndmills, 1991.
6. *Bireley R.* The counter-reformation prince Anti-Machiavellianism or Catholic statecraft in early Modern Europe. Chapel Hill; London, 1990.
7. *Černý V.* Až do předsíně nebes: Čtrnact studii o baroku našem i cizím. Praha, 1996.
8. *Kalista Z.* Matěj Vierijs (1634–1680) // Česká literatura. 1969. R. 17. Č. 5.

¹⁵ *Мельников Г.П.* «Образы власти» в сочинениях чешских гуманистов // Культура Возрождения и власть. М., 1999. С. 197.

9. Mikulec J. 31.7.1627. Rekatolizace šlechty v Čechách: či je země, toho je i náboženství. Praha, 2005.

10. Panek J. The integration of the Czech (Bohemian) lands in the Habsburg Monarchy in the age of counter-reformation // Přednášky z XXXVII. a XXXVIII. běhu LŠSS. Praha, 1995.

11. Sládek M. Vieriův Kristuslav a pobělohorská rekatolizace Čech // Literární archiv. 1994. R. 27.

N.R. Belova

Moscow (Russia)

Lomonosov Moscow State University

THE IMAGE OF POWER
IN “CHRISTOSLAUS” OF SILESIAN JESUIT MATTHIAS VIERIUS

This article analyzes the image of power belonging to the Baroque epoch and presented in the book of the Silesian Jesuit Matthias Vieriis “Christoslaus”. The work examines personal qualities necessary for the ideal ruler, the goals of his reign and his relations with his subjects. Through the prism of the literary work is considered the political and religious situation in the Czech lands.

Keywords: the image of power, Jesuits, literature of the Baroque, re-Catholization, House of Habsburg.

Д.О. Жаров

г. Москва (Россия)

Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ СТУДЕНТОВ ИЕЗУИТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ГРАЦЕ В КОНЦЕ XVI В.

В статье обсуждается вопрос приема студентов-некатоликов в иезуитские университеты. Проблема рассматривается в общем контексте конфессиональной борьбы в Габсбургских землях. Примером иезуитского университета выбран Грацкий университет, основанный в 1586 г. Карлом Штирийским. Выявив достоинства и недостатки использовавшегося ранее метода массового определения конфессий студентов, автор предлагает новый подход. Основной источник по выбранной проблеме — это т.н. «Каталог Фердинандистов», особый тип матрикул пансиона для малообеспеченных студентов при университете. Автор приходит к выводу, что иезуиты привлекали протестантов в свои учебные заведения, чтобы в их стенах вернуть студентов в католицизм.

Ключевые слова: иезуиты, университеты, конфессионализация, рекатолизация, монархия Габсбургов, Грац.

В XVI–XVII вв. в землях монархии Габсбургов, которые включали в себя австрийские, венгерские и чешские территории, шла острая конфессиональная борьба. Во второй пол. XVI в. перевес в этом противостоянии был на стороне протестантов. Подавляющее большинство как австрийских, так и чешских и венгерских дворян принадлежали к той или иной конгрегации протестантизма. Городское сословие также в массе своей отошло от католицизма. Ощущалась резкая нехватка образованных католических священников, которые могли бы вести работу по рекатолизации населения. Крупные монастыри пришли в упадок, в ранее преуспевающих обителях теперь осталась едва лишь пара десятков монахов¹. В 1560–1570-е гг. династия шла на значительные уступки протестантским сословиям, признавая за ними право открыто исповедовать и проповедовать свою религию.

¹ *Evans R.J.W.* The Making of the Habsburg monarchy: 1550–1700. Oxford, 1979. P. 6–7.

Габсбургские правители в этот период шли на различные компромиссы с протестантами. При дворе Максимилиана II, а затем и Рудольфа II благосклонно принимали многих деятелей позднего гуманизма, невзирая на их религиозные взгляды². Однако к 1580-м гг. ситуация начинает меняться, и Габсбурги переходят к активной борьбе за рекатолизацию своих земель. Особое рвение в этом вопросе проявляли представители штирийской ветви династии: эрцгерцог Карл и его сын Фердинанд, ставший впоследствии императором. Фердинанд Штирийский заявлял, что приверженность протестантизму равняется нелояльности правящему дому³.

Несмотря на стремление возродить католическую веру и сломить сопротивление протестантских сословий, Габсбурги в последней четверти XVI в. не имели возможности осуществить желаемое силовым путем. Династия слишком зависела от сословий в финансовом и военном отношении, чтобы позволить себе открытое вооруженное противостояние. Поэтому Габсбурги искали другие пути для поддержки рекатолизации. Одним из наиболее эффективных способов было развитие образовательных учреждений, в которых подданных воспитывали бы в католическом духе и которые стали бы поставщиками новых, образованных священнослужителей. Проводником образовательных преобразований был Орден иезуитов. Учебные заведения иезуитов стали важнейшим инструментом католической конфессионализации в габсбургских землях.

Начав со школ и коллегиумов, иезуиты вскоре продолжили свою деятельность в университетах. Иезуиты могли либо проникать в уже существующий университет и постепенно подчинять его своему влиянию, либо основывать новый, который чаще всего базировался на предшествующем коллегиуме⁴. В 1573 г. пришедшие по приглашению эрцгерцога Карла в Штирию иезуиты открывают в Граце, главном городе региона, коллегиум. В 1586 г. коллегиум был преобразован в университет. В дипломе об учреждении университета эрцгерцог Карл прямо указывал на его главную цель — исправление впавших в ересь подданных и распространение истинной веры. В нем же были установлены судебные и налоговые свободы нового университета⁵.

² По выражению Р. Эванса, интерес династии к гуманизму перевешивал в этот период католическое рвение (*Evans R.J.W.* Op. cit. P. 39).

³ *Evans R.J.W.* Op. cit. P. 68; *Pörtner R.* The Counter-Reformation in Central Europe: Styria 1580–1630. Oxford, 2001. P. 113–115.

⁴ Подробный разбор истории иезуитских университетов в немецких землях см.: *Hengst K.* Jesuiten an Universitäten und Jesuitenuniversitäten. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1981.

⁵ *Krones F.* Geschichte der Karl Franzens-Universität in Graz. Graz, 1886. S. 241–242.

В тесной связи с коллегиумом, а затем и с университетом, существовал особый пансион, в котором жили бедные студенты, не имевшие возможности платить за обучение и жилье. Такие студенты пользовались финансовой поддержкой двора Карла II и его сына Фердинанда, который настолько активно заботился о пансионе, что тот получил название *Ferdinandeum*, которое закрепилось за ним в последующие годы⁶.

В связи с особой ролью иезуитских университетов как центров рекатоллизации важно понять, студентов каких конфессий был готов принять университет. Известно, что профессора университета должны были разделять конфессию, господствующую в той земле, в которой располагалась высшая школа. Протестант не имел права преподавать в католическом университете и наоборот⁷. Но как обстояла ситуация со студентами? Как иезуиты относились к некаатоликам, которые хотели получить образование в их университетах?

Определить их конфессиональную принадлежность оказывается не всегда просто, особенно если мы хотим исследовать студенческий состав в целом, а не изучать биографии отдельных учащихся. Один из возможных подходов предложил немецкий историк П. Баумгарт, который исследовал протестантский университет Хельмштедта в конце XVI в.⁸ Так как нам важен метод, предложенный ученым, конфессиональная окраска университета значения не имеет. Проведя массовый анализ матрикул университета, П. Баумгарт установил места, откуда чаще всего приезжали студенты, и выявил явный дисбаланс в географическом распределении. В Хельмштедт ехали в основном из земель, в которых преобладало лютеранство, тогда как с католического юга и юго-запада Германии студентов было мало. Из этого делается вывод, что в этот университет ехали главным образом протестанты, что вполне логично. Подобный «географический» метод определения конфессии студентов может быть применим и к иезуитским университетам, однако, на наш взгляд, в нем есть свои недостатки. Главная проблема заключается в том, что мы не можем быть абсолютно уверены, что человек, прибывший, к примеру, из традиционно протестантского региона обязательно будет протестантом. Это мог быть и католик, который стремился обучаться в конфессионально близком университете, пусть он будет находиться и вдали от его дома. В связи с представленным ограничением «географического метода» необходимо предложить другой способ определения конфессиональной принадлежности студента.

Решение этой проблемы мы обнаружили в источнике, схожим с тем, который использовал П. Баумгарт, а именно в матрикулах иезуитского Грацского

⁶ Ibid. S. 259–261.

⁷ *Baumgart P.* Universitäten im konfessionellen Zeitalter. Münster, 2006. S. 15–16.

⁸ Ibid. S. 247–249.

университета⁹. До наших дней дошло два основных списка студентов университета. Первый — это т.н. «Главные матрикулы», куда записывали каждого вновь прибывшего студента. В «Главных матрикулах» помимо имени указывали также место, откуда прибыл студент, учебный курс, на котором он учится и социальный статус. «Главные матрикулы» хорошо применимы для географического анализа студенчества, однако новых исследовательских возможностей они не дают. Намного более информативный источник — это так называемый «Каталог Фердинандеума», список тех студентов, которые были членами пансиона для малообеспеченных учащихся, о котором мы упоминали выше. Для учеников этого пансиона иезуиты вели отдельную ведомость, где помимо тех параметров, которые записывали в «Главные матрикулы» (имя, происхождение, социальный статус), сообщались также некоторые дополнительные сведения. В «Каталоге Фердинандеума» мы находим сведения о возрасте студентов, об их образе жизни во время учебы, о судьбе после выпуска из университета. Там же мы обнаружили данные о конфессиональной принадлежности, если она отличалась от ортодоксальной.

По сравнению с описанным выше «географическим методом» мы можем с точностью утверждать, что тот или иной студент был протестантом, а не только предполагать, основываясь на внеисточниковом знании о преобладании той или иной конфессии в определенном регионе. Однако очевидный недостаток такого подхода заключается в его сравнительно низкой представительности. В отличие от социальных и возрастных характеристик информацию о конфессии составители записывали очень редко. Можно даже сказать, что это скорее случайные проговорки, чем систематические данные. Из 813 студентов лишь о 6 есть информация, касающаяся их вероисповедания. Тем не менее, даже редкие казусы позволяют нам составить общее представление о доступе к обучению протестантов.

Мы можем точно сказать, что 6 студентов определенно были протестантами на момент поступления в университет. Двух студентов составители прямо называют «еретиками» (*haereticus*), один из которых впоследствии перешел в католичество¹⁰. Веру трех студентов во время обучения можно определить *постфактум*. Составители отметили, что их перекрестили в католическую веру: одного в университете¹¹, двух других по возвращению на родину¹². Логично предположить, что до перекрещения они были про-

⁹ Die Matrikel der Universität Graz. Bd. 1. 1586–1630. Graz, 1974.

¹⁰ Ibid. S. 172.

¹¹ Ibid. S. 162.

¹² Ibid. S. 164, 174.

тестантами. Наконец, по поводу одного студента составители (вероятно, с сожалением) пишут, что он ушел из университета, так и не став католиком (*non dum catholicus*)¹³. К имеющимся данным по шести студентам мы также добавили сведения об их географическом происхождении. Выяснилось, что все они прибыли в Грац из протестантских регионов: четверо из северогерманских земель (двое из Пруссии, по одному из Силезии и Марки) и двое из австрийских земель с сильным протестантским влиянием (Крайна и Каринтия). Таким образом, можно утверждать, что иезуиты считали возможным и нужным привлекать в университете протестантов, чтобы уже в процессе обучения проводить работу по их рекатолизации. При этом, как следует из примера студента, «так и не ставшего католиком», перекрестить удавалось не всех.

Любопытно, что схожий конфессиональный плюрализм среди студентов был характерен не только для университетов, но и для иезуитских коллегиумов. Венгерская исследовательница Жофия Кадар, изучавшая конфессиональную принадлежность учащихся нескольких иезуитских коллегиумов на западе Венгрии приходит к выводу, что переход в католицизм не был само собой разумеющимся условием поступления в коллегиум¹⁴. Иезуиты принимали туда и католиков и протестантов. В ходе обучения иезуиты, разумеется, всячески пытались обратить протестантов в свою веру. Часто им это удавалось, но Ж. Кадар отмечает, что были случаи, когда студент отучился несколько лет и вышел из коллегиума, но католиком так и не стал. То есть, ситуация аналогичная той, которую мы описали применительно к университетам. В итоге можно сделать вывод о том, что иезуиты были готовы принять протестантов во все звенья своей системы образования: как в коллегиумы, так и в университеты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Die Matrikel der Universität Graz. Bd. 1. 1586–1630. Graz, 1974.
2. Baumgart P. Universitäten im konfessionellen Zeitalter. Münster, 2006.
3. Evans R.J.W. The Making of the Habsburg monarchy: 1550–1700. Oxford, 1979.
4. Hengst K. Jesuiten an Universitäten und Jesuitenuniversitäten. Paderborn. München; Wien; Zürich, 1981.

¹³ Ibid. S. 172.

¹⁴ Kádár Z. The difficulties of conversion. Non-Catholic students in Jesuit colleges in Western Hungary in the first half of the seventeenth century // Hungarian Historical Review. 2014. № 4. P. 729–748.

5. *Kádár Z.* The difficulties of conversion. Non-Catholic students in Jesuit colleges in Western Hungary in the first half of the seventeenth century // *Hungarian Historical Review*. 2014. № 4.

6. *Krones F.* Geschichte der Karl Franzens-Universität in Graz. Graz, 1886.

7. *Pörtner R.* The Counter-Reformation in Central Europe: Styria 1580–1630. Oxford, 2001.

D.O. Zharov

Moscow (Russia)

Lomonosov Moscow State University

CONFESSIONAL DENOMINATION OF THE GRAZ JESUIT UNIVERSITY STUDENTS IN THE END OF THE XVI CENTURY

The article deals with the problem of availability of education at Jesuit universities for non-catholic students. This problem is considered in a broader context of the confessional antagonism in the Habsburg monarchy in the early modern period. The Graz University, founded by Charles of Styria in 1586, was chosen as a sample Jesuit university. Having discussed an earlier method of identifying confessional denomination of students, Author proposes a new one, which is based on analyzing the text of the so-called “Catalogue of Ferdinandists”. It is a list of students who were members of “Ferdinandeum”, a special boarding house within the university which was intended for poor students. Author comes to conclusion that Jesuits attracted Protestants to their educational institutions and attempted to return them to Catholicism.

Keywords: Jesuits, university, confessionalization, recatholization, Habsburg monarchy, Graz.

В.Г. Циватый
г. Киев (Украина)

Киевский национальный ун-т им. Тараса Шевченко

ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС В МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ КОНСТРУКТАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРСЫ

В статье анализируется внешняя политика и дипломатия европейских государств раннего Нового времени. Особое внимание уделено концептам «Европа», «внешняя политика», «война» и «мир» в контексте институционального развития дипломатических служб и моделей дипломатии ведущих государств Европы. Определены направления развития теории и практики дипломатии, а также истоки формирования общественно-политической мысли раннего Нового времени в контексте концептуализации Европы.

В статье проанализирован внешнеполитический и политико-дипломатический опыт Европы как выдающееся историческое событие для политико-дипломатического и институционального развития Европы и формирования ее системы международных отношений в эпоху раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.). Внимание акцентировано на дипломатическом инструментарии, национальной специфике и особенностях переговорного процесса европейских государств исследуемого периода (дихотомия концептов «война» и «мир») с акцентуацией на принципах переговоров и технике переговорного процесса эпохи раннего Нового времени. Особенное внимание уделено институциональному развитию дипломатических служб, дипломатическому инструментарии, переговорам, нормам протокола, этикета и церемониала ведущих государств Европы.

Ключевые слова: история дипломатии, внешняя политика, дипломатия, власть, переговоры, переговорный процесс, дипломатический инструментарий, институционализация, война, мир, Европа.

Исследуя институциональные процессы в европейской внешней политике и дипломатии Раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.), автор исследования стремится показать не только историю развития внешней политики и дипломатии Европы в общеевропейском и институционально-цивили-

зационном контексте, которая уже была предметом исследования ученых, а выделить ее функциональный аспект в контексте влияния общественно-политической мысли на процесс формирования внешнеполитической стратегии, внутригосударственные преобразования и межгосударственные отношения. Особое внимание уделяется развитию и институционализации дипломатических служб и принципам переговоров во временно-пространственном измерении; формированию ментальных установок, мировоззренческих конструктов, внешнеполитических и дипломатических идеологем в политико-психологической конструкции идей относительно формирования и трансформации европейской системы государств в XVI–XVIII вв.¹

Опыт институционального становления и развития политико-дипломатических систем государств не утратил своей актуальности и сегодня. Изменяющийся мир (общество, государство, личность), несомненно, влияет и на изменение политико-дипломатической системы государства, дипломатического социума и дипломатических образов².

Практическая дипломатия Раннего Нового времени и глубокое практическое знание тайных моделей и дипломатического инструментария в сочетании с преобразовательным мышлением позволили европейским правителям провести скрупулезный и точный анализ современной им европейской системы межгосударственных отношений и политики, предложить на его основе государствам (как на востоке, так и на западе Европы) разного типа четкие рекомендации, благодаря которым они могут добиваться своих преобразовательных целей дипломатическими методами и путем переговорного процесса³.

В истории политической мысли и институционального развития органов внешних сношений государств, дипломатия и ее институты всегда рассматривались как часть социополитической культуры общества и как одно из самых главных средств защиты интересов государства в процессе государственного строительства как в мирных условиях, так и в периоды войн⁴. Среди войн раннего Нового времени особое место занимают Итальянские войны (1494–1559 гг.) и Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.). В ходе этих войн в теории и практике дипломатии как государств Запада, так и государств Востока формировались концепты «война» и «мир», со-

¹ Mowat R.B. A History of European Diplomacy (1451–1789). L., 1971.

² Циватый В.Г. Ментальные фронтиры внешней политики и дипломатии в Англии в эпоху Средних веков и раннего Нового времени: институциональный аспект // Кубанские исторические чтения. Краснодар, 2019. С. 7–14.

³ Кальер Франсуа де. Каким образом договариваться с государями. М., 2001.

⁴ Barbiche B. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e — XVIII-e siècle. P., 2012.

вершенствовались формы, методы и принципы переговорного процесса и формировался образ дипломата как политико-культурной константы Раннего Нового времени и Нового времени⁵. Одно из центральных мест в теории, истории и практике дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) занимают проблемы понимания сущности, функций и методов реализации государственной власти в сфере внешних сношений, моделей дипломатии и институтов дипломатии, политической культуры, переговорного процесса и дипломатической практики. Процесс образования институтов дипломатии — институционализация — подразумевает замену спонтанного и экспериментального поведения в сфере межгосударственных отношений на поведение регулируемое, ожидаемое, предсказуемое⁶.

В новых политических условиях формируются и новые взгляды на внешнюю политику и дипломатию, ее инструментарий. Наиболее последовательно и теоретически обоснованно эти новые взгляды на государство, его внешнюю политику и дипломатию изложил в своих трудах Никколо Макиавелли⁷. Его политический реализм и новые идеи вполне разделяли выдающиеся деятели и политики Средневековья и раннего Нового времени. События Итальянских войн стали своеобразной экспериментальной площадкой, на которой происходила апробация всех форм и методов дипломатии раннего Нового времени⁸. Дипломаты раннего Нового времени неукоснительно соизмеряли каждый внешнеполитический шаг своего государства с позицией государства в системе международных отношений, научились учитывать позиционное размещение внешнеполитических сил и определять необходимый дипломатический инструментарий для реализации внешнеполитических задач⁹.

Дипломаты раннего Нового времени проводили прелиминарные переговоры, готовили проекты будущих соглашений, постигали посольский церемониал и дипломатический протокол, систему дипломатических стереотипов. Уже в конце XV — нач. XVI в. в Западной Европе начался быстрый переход к современной системе организации посольской службы — постоянным дипломатическим представительствам. Были заложены основы институционализации внешней политики каждого отдельного государства

⁵ *Livet G.* L'équilibre européen de la fin du XVe à la fin du XVIIIe siècle. P., 1976.

⁶ *Nordmann C.* La montée de la puissance européenne (1492–1661). P., 1974.

⁷ *Циватый В.Г.* Дипломатический инструментарий Никколо Макиавелли и институты европейской дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) // Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны. М., 2013. С. 271–285.

⁸ *Black J.* A History of Diplomacy. L., 2010.

⁹ *Mattingly G.* Renaissance diplomacy. Boston, 1955.

и европейской внешней политики в целом¹⁰. Теория и практика дипломатии раннего Нового времени нашла свое отражение в трудах следующих дипломатов: Н. Макиавелли «Государь», Филипп де Коммин «Мемуары», Франческо Гвиччардини «История Италии», Бернар де Розьер «Краткий трактат о послах», Абрахам де Викфор «Посол и его функции», Альберико Джентили «Три книги о посольствах», Ермолао Барбаро «О службе посла»¹¹.

В своем произведении «Государь» (1513 г.), сделавшем его известным на века, итальянский дипломат Никколо Макиавелли анализирует и подробно описывает свойства характера, приемы, методы и инструментарий дипломатии для управления государством, необходимые идеальному правителю¹². Государь (европейский правитель) должен научиться умению отступать от добра и справедливости и пользоваться этим в зависимости от многообразия факторов и жизненных обстоятельств. Современник Итальянских войн (1494–1559 гг.), Никколо Макиавелли приводит многочисленные примеры из своей дипломатической деятельности, когда степень заинтересованности государств в том или ином варианте решения проблем развития может варьироваться в зависимости от военного потенциала и уровня экономического развития государств-участников переговоров или военных действий, их роли и места в системе международных отношений на рубеже Средневековья и раннего Нового времени, внутренней и внешнеполитической ситуации и т.д. Это, в свою очередь, осложняет выработку консенсуса и может привести к асимметричному, неравному разрешению проблемы, т.е. к неравному распределению выгод и издержек (например, Като-Камбрезийский мирный договор 1559 г.)¹³.

Проблематика власти в Европе раннего Нового времени нашла свое отражение в сочинении знаменитого политического философа и дипломата Габриэля Бонно де Мабли «Принципы переговоров» (1757 г.)¹⁴. В этом сочинении обобщен и проанализирован богатейший опыт переговорного процесса, его принципов и технологий в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Автор этого, насыщенного невероятными парадоксами, фундамен-

¹⁰ Циватый В.Г. Ментальные и смысловые интерпретации концептов «война» и «мир» в теории дипломатии и практике международных отношений раннего Нового и Нового времени: ретроспективный и институциональный дискурсы // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. — начало XXI в.). Витебск, 2019. С. 9–13.

¹¹ Chartier R. Histoire intellectuelle et histoire des mentalités. Trajectories et questions // Revue de Synthèse. Sér. 3. 1983. V. 8. P. 277–307.

¹² Commynes Ph.de. Mémoires. Т. 3. P., 1924–1925.

¹³ Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория. Символика. Церемониал. М., 2004.

¹⁴ Мабли Г.Б., де. Принципы переговоров. М., 2014.

тального политико-дипломатического труда повествует своему читателю о политических и дипломатических способах борьбы крупных держав за преобладание в Европе, а малых — за выживание, а также акцентирует внимание на особенностях институциональных процессов в Европе и ведении международной политики разными по влиянию державами¹⁵.

Произведение «Принципы переговоров» сначала вышло отдельной книгой в 1757 г., а затем автор стал включать его в качестве введения в выпущенный им ранее в 1748 г. и впоследствии неоднократно дополнявшийся сборник «Европейское публичное право, основанное на договорах». Это последнее сочинение выросло из обзора договоров, составленных аббатом Мабли в бытность его секретарем министра иностранных дел. Оно представляет собой свод международных договоров, заключенных европейскими державами, начиная с Вестфальского мира 1648 г. Аббат Мабли тщательнейшим образом проанализировал и обстоятельно прокомментировал все договоры. Цель его состояла в том, чтобы проследить, как зарождаются в Европе распри и противоречия, понять, как можно добиться от государств соблюдения взятых ими обязательств, в т.ч. путем переговоров.

Научный труд «Европейское публичное право» заслуженно стал важной вехой в институциональной истории и развитии международного права. Высокую оценку данное произведение получило от Фридриха Великого и было переведено на ряд языков. В университетах Англии по этой работе преподавали международное право, государственные деятели называли ее «учебником для министров» (*manuel des ministres*)¹⁶, мемуарист Гримм — «азбукой современной политики»¹⁷.

Габриэля Бонно де Мабли поставили в один ряд с прославленными правоведами Гуго Гроцием и Пуфендорфом, а многие отдавали именно ему пальму первенства и считали, что он даже их превзошел¹⁸.

Что касается «Принципов переговоров», то и эта книга, по свидетельству Гримма, наделала немало шума при выходе, ибо содержала резко критическую оценку Версальского договора 1756 г., заключенного Францией с Австрией в результате так называемой «дипломатической революции»,

¹⁵ *Кальер Ф., де.* О способах ведения переговоров с государями. М., 2000.

¹⁶ *Levesque P.-Ch.* Eloge historique de l'abbé de Mably // *Bérenger L.-P.* Esprit de Mably et de Condillac, relativement à la morale et à la politique. Т. 1. Grenoble, 1789. P. 41–42.

¹⁷ Цит. по: *Сафронов С.С.* Исторические взгляды Мабли // Французский ежегодник. 1971. М., 1973. С. 270.

¹⁸ *Искюль С.Н.* Габриэль-Бонно де Мабли и его исторические труды // *Мабли Г.Б. де.* Об изучении истории. О том, как писать историю. М., 1993. С. 297, 326–327.

случившейся накануне Семилетней войны (1756–1763 гг.). Данное произведение имелось в Библиотеках Б. Франклина и Т. Джефферсона; в одном из своих политических эссе («Federalist», № 6) его цитировал А. Гамильтон.

«Принципы переговоров» — пожалуй, одно из самых парадоксальных произведений в творчестве аббата Мабли. В нем автор словно выворачивает наизнанку веками складывавшиеся в средневековой Европе и Европе раннего Нового времени представления о том, как надлежит вести внешнюю политику, каким дипломатическим инструментарием надлежит пользоваться в новой политико-дипломатической обстановке и какие принципы переговорного процесса актуальны для нового времени и международно-политической ситуации. В своей концепции он совершенствует политико-дипломатический опыт XVI–XVII вв. и предлагает сложившуюся веками историческую модель конструктивно применять в новом веке, при этом формулируя уже совершенно новые для своего времени принципы поведения в системе международно-политических координат и системе международных отношений, иной раз оказывающимся теми, что действовали в предыдущие эпохи как в древности, так и в средние века, и раннее новое время. В отличие от многих других реформаторов-теоретиков, Мабли мог предложить государствам практические рекомендации для решения их насущных внешнеполитических и дипломатических проблем и нельзя не поразиться тому, сколь и сейчас актуальны эти принципы, впервые или заново открыты ученым в эпоху Раннего Нового времени¹⁹.

Историческое и политико-дипломатическое наследие Габриэля Бонно де Мабли о сущности власти, о внешнеполитическом опыте европейских преобразований и принципах переговорного процесса, об особенностях европейских правителей и их политико-дипломатическом окружении заслуживают своего достойного внимания и в наше время, порой поражая своей актуальностью и историко-ретроспективной новизной. Не даром его концепция и взгляды характеризовались как «...наилучшее краткое изложение того, что написано о дипломатии»²⁰. Обобщенные Мабли принципы внешней политики эпохи раннего Нового времени, несомненно, применимы и сегодня.

Среди войн раннего Нового и Нового времени особое место занимают Итальянские войны (1494–1559 гг.), Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.) и Наполеоновские войны. В ходе этих войн в теории и практике дипломатии формировались концепты «война» и «мир», совершенствовались формы, методы и принципы переговорного процесса и формировался образ дипло-

¹⁹ Шишкин В.В. Французский королевский двор в XVI веке. История института. СПб., 2018.

²⁰ Исколь С.Н. Габриэль-Бонно де Мабли и его исторические труды... С. 297, 326–327.

мата Раннего Нового времени и Нового времени. Институциональная память многих поколений и пристальное внимание исследователей к войнам раннего Нового времени во многом объясняется тем влиянием, которое они оказали на политико-дипломатическую жизнь Европы XVI–XIX вв.²¹

С одной стороны, политические итоги этих войн изменили европейское общество, способствовали его трансформации, а с другой стороны — их масштабы способствовали ментальным сдвигам, т.е. во время войн постепенно начинает меняться мировоззрение, появилось новое поколение и новое светское мировоззрение, в т.ч. и в сфере дипломатии. Формируется образ дипломата раннего Нового времени²². События Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) стали своеобразной экспериментальной площадкой, на которой происходила апробация всех форм и методов дипломатии и переговоров в эпоху раннего Нового времени.

Таким образом, можно констатировать, что в период раннего Нового и Нового времени в дипломатических практиках Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) всегда присутствовала эмоциональная дилемма, главным образом влияющая на образ дипломата Нового времени — дилемма социального и индивидуального.

В эпоху раннего Нового и Нового времени в Европе уже сформировался традиционно европейский образ правителя и его политико-дипломатического окружения. Интеллектуальная Европа создала институциональную модель и новый образ дипломата, с дипломатическим иммунитетом, моральными качествами и формальным статусом. Фактор территориальной децентрализации в период Итальянских войн и Тридцатилетней войны предъявляет специфические требования к разрыву институциональных межгосударственных связей. В идеале, чтобы процесс выработки и реализации таких политик был эффективным, пространство акторов-государств и институциональное пространство региона (регионов) должны быть конгруэнтными. Именно в период раннего Нового и Нового времени в условиях противоборства концептов «война» — «мир» и военных перипетий происходит формирование новой модели переговорного процесса между государствами, а также становление государств нового типа и нового миропорядка (Новая Европа). Опыт институционального становления и развития политико-дипломатических систем государств и моделей переговоров не утратил своей актуальности и сегодня.

²¹ Циватый В.Г. Институционализация дипломатической службы европейских государств на рубеже Средневековья и раннего Нового времени: теоретико-методологический аспект // *Codrul Cosminului*. 2012. Т. 18. No. 2. P. 287–294.

²² Alcalá-Zamora J. España, Flandes y el mar del Norte (1618–1639): La última ofensiva europea de los Austrias madrileños. Barcelona, 1975.

Изменяющийся мир (общество, государство, личность, политика, дипломатия, международные отношения), несомненно, влияет и на изменение политико-дипломатической системы государства, дипломатического социума и дипломатических образов, интерпретаций концептов «война» и «мир» в исторической ретроспективе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кальер Ф. де.* О способах ведения переговоров с государями: Перевод первого французского издания 1716 г. М., 2000.
2. *Кальер Франсуа де.* Каким образом договариваться с государями. М., 2001.
3. *Мабли Г.Б. де.* Принципы переговоров. М., 2014.
4. *Commines Ph. de.* Mémoires. Т. 3. Р., 1924–1925.
5. *Искюль С.Н.* Габриэль-Бонно де Мабли и его исторические труды // *Мабли Г.Б. де.* Об изучении истории. О том, как писать историю. М., 1993.
6. *Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория. Символика. Церемониал.* М., 2004.
7. *Сафронов С.С.* Исторические взгляды Мабли // *Французский ежегодник.* 1971. М., 1973.
8. *Циватый В.Г.* Дипломатический инструментарий Никколо Макиавелли и институты европейской дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) // *Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны.* М., 2013.
9. *Циватый В.Г.* Институционализация дипломатической службы европейских государств на рубеже Средневековья и раннего Нового времени: теоретико-методологический аспект // *Codrul Cosminului.* 2012. Т. 18. No. 2.
10. *Циватый В.Г.* Ментальные и смысловые интерпретации концептов «война» и «мир» в теории дипломатии и практике международных отношений раннего Нового и Нового времени: ретроспективный и институциональный дискурсы // *Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. — начало XXI в.).* Витебск, 2019.
11. *Циватый В.Г.* Ментальные фронтиры внешней политики и дипломатии в Англии в эпоху Средних веков и раннего Нового времени: институциональный аспект // *Кубанские исторические чтения.* Краснодар, 2019.
12. *Шишкин В.В.* Французский королевский двор в XVI веке. История института. СПб., 2018.
13. *Alcalá-Zamora J.* España, Flandes y el mar del Norte (1618–1639): La última ofensiva europea de los Austrias madrileños. Barcelona, 1975.
14. *Barbiche B.* Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e — XVIII-e siècle. P., 2012.

15. *Black J.* A History of Diplomacy. L., 2010.
16. *Chartier R.* Histoire intellectuelle et histoire des mentalités. Trajectories et questions // *Revue de Synthèse*. Sér.3. 1983. V. 8.
17. *Levesque P.-Ch.* Eloge historique de l'abbé de Mably // *Bérenger L.-P.* Esprit de Mably et de Condillac, relativement à la morale et à la politique. T. 1. Grenoble, 1789.
18. *Livet G.* L'équilibre européen de la fin du XVe à la fin du XVIII e siècle. P., 1976.
19. *Mattingly G.* Renaissance diplomacy. Boston, 1955.
20. *Mowat R.B.* A History of European Diplomacy (1451–1789). L., 1971.
21. *Nordmann C.* La montée de la puissance européenne (1492–1661). P., 1974.

V.G. Tsivatyi

Kyiv (Ukraine)

Taras Shevchenko National University of Kyiv

NEGOTIATION PROCESS IN WORLD-VIEWED CONSTRUCTS
OF EUROPEAN GOVERNORS OF EARLY NEW TIME:
INSTITUTIONAL AND POLITICAL-DIPLOMATIC DISCOURSES

At the turn of the Middle Ages and early modern times there is an objective process driven by the launch of the institutional design of foreign policy and diplomatic services of the leading countries in Europe. Accordingly, there is the relationship between the original concepts and priorities: “Europe”, “identity”, “humanity”, “foreign policy” and “diplomacy”, “war” and “peace” and so on. To that issues related to contemporary and evaluation for various state-legal forms and types of government, institutional political processes, characteristics of reality and ideals create tasks and in covering practice power models diplomacy, diplomacy institutions, humanistic traditions of diplomatic tools and more.

The objective of this research is to analyze the foreign policy, political and diplomatic experience of Europe both as an outstanding historical occasion for the political, diplomatic and institutional development of Europe and as the formation of its system of international relations in the early Modern Times (XVI–XVIII centuries). This research focuses on the diplomatic tools, national specifics and features of the European states negotiation process during the inquired period (a dichotomy between «war» and «peace» concepts) with an emphasis on the principles of negotiations and the negotiation technique of the earlier times. Special attention is paid to the diplomatic services institutional development, diplomatic tools, negotiations, protocol standards, etiquette and ceremonial of the key European countries.

Keywords: history of diplomacy, foreign policy, diplomacy, power, treaty, negotiation process, diplomatic tools, institutionalization, war, world, Europe.

П.Ю. Биянова

г. Москва (Россия)

Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

ПРОИСПАНСКИЙ ПОВОРОТ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЯКОВА I

Яков I относил внешнюю политику исключительно к сфере выражения королевской прерогативы. Его личный девиз звучал как «блаженны миротворцы», потому что он хотел добиться мира и стабильности в Европе. Достижение этой цели он считал возможным через дипломатию и династические браки. Особенно интересным в рамках его политики стал происпанский поворот, который нашел воплощение в проекте испанского брака. Переговоры по заключению брачного договора длились около десяти лет, а их кульминацией и одновременно развязкой стала поездка принца Карла в Мадрид инкогнито.

Ключевые слова: Яков I, Филипп IV, принц Карл, инфанта, испанский брак, Фридрих Пфальцский, английские католики, поездка в Мадрид.

Настоящая статья посвящена одной из линий внешней политики Якова I — проекту испанского брака, его роли и значению для Англии и Европы. Предметом исследования является сам процесс переговоров о заключении брака наследников английского и испанского престолов. Целью данной работы является определение основной стратегии Якова I во внешней политике и ее влияние на ситуацию в Европе нач. XVII в. через проблему испанского брака. Для достижения данной цели необходимо: выявить место планов испанского союза в политике Якова I; реконструировать ход поездки принца Карла и герцога Бекингема в Мадрид и условия, выдвинутые испанцами для заключения брака; выявить результаты переговоров с Испанией, а также определить причины неудачи проекта.

Чтобы проанализировать проблему, связанную с проектом испанского брака и определить концепцию внешней политики Якова I, мы обратились к материалам источников личного происхождения — к письмам. Была изучена переписка короля Якова I, принца Карла и герцога Бекингема за 1622–1623 гг. Уместным оказалось обращение к письмам современников событий, а также к историческим трактатам из Сомерской коллекции.

Обсуждение идеи брака между наследниками Англии и Испании велось еще с 1605 г. Одним из первых действий Якова в качестве короля Англии стало заключение мирного договора с Испанией, который испанцы поддержали¹. Помимо мирного договора, герцог Лерма выступил с предложением о браке между старшим сыном Якова Генри и старшей дочерью Филиппа III Анной². Яков I, узнав о подобных соображениях герцога, буквально сразу загорелся этой идеей. Изначально условия испанцев были недвусмысленными: Генри должен воспитываться в Мадриде и быть обращен в католичество³. Эти условия не могли удовлетворить английскую сторону. На тот момент международная ситуация позволяла ничего не предпринимать. Само предложение испанцев было скорее политической игрой и демонстрацией доброжелательных отношений со стороны Испании.

Вновь в активную фазу переговоры вошли в 1613 г., теперь речь шла уже о браке принца Карла и инфанты Марии ввиду ранней смерти принца Генри и замужества инфанты Анны. Желая видеть Англию в состоянии нейтралитета на фоне антигабсбургских настроений в Европе, испанцы посчитали брак отличным инструментом достижения этой цели. Более того, посредством брачного договора можно было также воздействовать на улучшение положения английских католиков. Яков I также видел множество преимуществ для Англии. К 1615 г. испанцы выступали за то, чтобы все дети, рожденные от брака Карла и Марии, были крещены по католическому обряду без потери прав на английский престол, а их воспитание было отдано матери, которая имела свою часовню при дворе⁴. Также оговаривалось, что законы против английских католиков должны быть приостановлены. Яков не был доволен условием испанцев о свободе вероисповедания для его католических подданных. Само по себе нежелание Якова выполнять его было несколько парадоксальным с учетом того, что он хотел христианского мира в Европе. Возможно, он считал, что это приведет к чрезмерному усилению католиков и еще больше настроит протестантский парламент против него.

В период 1618–1622 гг. позиции сторон относительно брака несколько изменились из-за положения дел в Европе. Намеренное принятие Фридрихом Пфальцским чешской короны из рук мятежников, восставших против

¹ *Finlayson J.* Jacobean Foreign Policy, London's Civic Polity, and John Squire's Lord Mayor's Show, "The Tryumphs of Peace" // *Studies in Philology*. 2013. Vol. 110. No. 3. Summer. P. 590.

² *Howat G.M.D.* Stuart and Cromwellian foreign policy. L., 1974. P. 19.

³ *Lockyer R.* The Early Stuarts: a political history of England, 1603–1642. N. Y., 1989. P. 14.

⁴ *Akrigg G.P.V.* Jacobean Pageant or the court of king James I. N. Y., 1967. P. 325.

власти Фердинанда II, изменило положение сторон. Испанцы, помогая усмирить мятежных чехов и наказать Фридриха, захватили Нижний Пфальц и укрепились на Рейне, поэтому меньше опасались антигабсбургских сил. Для Якова I события в Пфальце наоборот стали катализатором к заключению испанского брака, так как это был единственный способ возвращения наследных земель Фридриха мирным путем. Однако дело усложнялось из-за длительного ожидания разрешения на брак между протестантом и католичкой от Папы Римского. Папа Григорий XV и совет кардиналов огласили решение: Якову I было недостаточно только отменить законы против рекузантов, он также должен предоставить полную свободу вероисповедания своим подданным⁵. Стороны вновь не смогли договориться.

Самым знаменательным и важным в рамках переговоров стал 1623 г., который связан с личной поездкой принца Карла и герцога Бекингема в Мадрид инкогнито. Она должна была ускорить переговоры. Как отмечает современник Джозеф Мид: «Принц стоял на коленях перед своим отцом и со слезами сожалел о своей бедной сестре, ее муже и детях. Его величество должен ответить, не предлагает ли Испания что-то стоящее, а затем, если он не доволен, то должен позволить ему [Карлу] покинуть государство, чтобы сделать все возможное»⁶. Карл очень хотел принять участие в скором решении проблемы Пфальца. Существует и более романтическое объяснение поездки — чувства к инфанте. Принц в своем письме Гондомару от сентября 1622 г. эмоционально описывает свои чувства: «[Письма] я пишу не для формальностей, а ради того, чтобы показать свое почтение и привязанность: но если вас удивляет, как я смог полюбить до того, как увидел ее, то правда в том, что я видел ее портрет и слышал рассказ о ее добродетелях, числу которых я доверяю»⁷.

Поездка Карла инкогнито без свиты была направлена на быстрое достижение Испании и неофициальные переговоры по вопросу брака с первыми лицами государства без соблюдения формальностей дипломатического церемониала⁸. Это был один из ранних в европейской практике случаев по-

⁵ *Akrigg G.P.V.* Op. cit. P. 340.

⁶ Из письма Джозефа Мида Мартину Стьютвиллю, 19 октября 1622 г. (*The court and times of James the First*. Vol. 2. L., 1849. P. 344).

⁷ Из письма принца Карла графу Гондомару, сентябрь 1622 г. (*Redworth G. Of Pimps and Princes: three unpublished letters from James I and the Prince of Wales relating to the Spanish Match // The Historical Journal*. 1994. Vol. 27. No. 2. Jun. P. 408).

⁸ *Hennings J.* The Semiotics of Diplomatic Dialogue: Pomp and Circumstance in Tsar Peter I's Visit to Vienna in 1698 // *The International History Review*. 2008. Vol. 30. No. 3. Sep. P. 515.

явления королевской особы инкогнито при дворе другого государя. Карлу удалось быстро добраться до Испании и лично встретиться с Филиппом IV. Карл не мог быть принят при дворе, так как прибыл инкогнито и не имел необходимой свиты для официального представления. Первая встреча проходила в каретах в парке около Прадо «на глазах у всего мира»⁹. Так прошло еще несколько встреч, однако король Испании настаивал на официальном вступлении Карла в Мадрид и продолжении переговоров традиционным путем. Поездка инкогнито обрела официальный характер, который подразумевал торжественное вступление принца в столицу Испании и обмен подарками. Появление Карла при испанском дворе полностью отвечало средневековой церемонии торжественного вступления государя в город, которое именуется в литературе термином *adventus domini*¹⁰. Город, в данном случае Мадрид, воспринимался как невеста, а входящий в него Карл был женихом, только не для всей общины испанских подданных, как Филипп IV, но лишь для инфанты Марии.

Теперь принц Карл был официально принят при дворе короля Филиппа IV. Испанский публицист Андрес де Мендоса писал: «Приезд знаменитого принца Уэльского в эти края стал самым странным случаем для королевской особы за многие годы. Он поразил целые нации и возбудил надежды людей на процветание»¹¹. Испанцы считали, что личное появление принца Карла означает готовность к любым условиям для заключения брака. Филипп IV и граф Оливарес ожидали перехода принца в католичество. Когда испанцы поняли, что этого не произойдет, они стали настаивать на религиозной терпимости в Англии. Во всех религиозных условиях заметно влияние Папы Римского. Дав разрешение на брак руками испанцев, Григорий XV хотел усилить английских католиков и тем самым вернуть потерянное влияние римской курии в Англии. Яков I прекрасно понимал это и не мог допустить усиления власти Папы Римского. Эта ситуация завела переговоры в тупик. Сам Карл долго колебался, но все-таки решил принять последний вариант условий испанцев, посчитав, что значимость брачного договора для Англии, Пфальца и Европы стоит этих условий. На этом этапе переговоров король Испании был скорее противником брака, потому что не хотел возвращать Пфальц, терять выигрышные позиции на Рейне и быть орудием в руках Папы. Однако готовность Англии пойти на все условия не давала испанцам повода для отказа от брака.

⁹ Из письма принца Карла и герцога Бекингема королю Якову, 10 марта 1623 г. (*The letters, speeches and proclamations of king Charles I. L.*, 1968. P. 10).

¹⁰ *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 25.

¹¹ *A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. L.*, 1809. P. 541.

По пути на родину принц Карл резко переосмыслил ход событий, осознав, что все уступки, на которые готова пойти Англия ради заключения этого брака, могут оказаться напрасными, потому что испанцы не желают содействовать возвращению Пфальца Фридриху¹². Король Яков отмечал в одном из своих писем сыну: «Если хорошая репутация моего мальчика [Карла] в Испании не поспособствует улучшению этих дел [в Пфальце], то я прощаюсь с покоем в христианском мире в наши дни»¹³. Проект испанского брака оказался неудачным: обе стороны изначально обещали выполнить условия, которые не хотели притворять в жизнь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. A collection of scarce and valuable tracts. Vol. 2. L., 1809.
2. Letters of King James VI and I. Berkley etc., 1984.
3. The court and times of James the First. Vol. 2. L., 1849.
4. The letters, speeches and proclamations of king Charles I. L., 1968.
5. *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.
6. *Akrigg G.P.V.* Jacobean Pageant or the court of king James I. N.Y., 1967.
7. *Finlayson J.* Jacobean Foreign Policy, London's Civic Polity, and John Squire's Lord Mayor's Show, "The Tryumphs of Peace" // *Studies in Philology*. 2013. Vol. 110. No. 3. Summer.
8. *Hennings J.* The Semiotics of Diplomatic Dialogue: Pomp and Circumstance in Tsar Peter I's Visit to Vienna in 1698 // *The International History Review*. 2008. Vol. 30. No. 3. Sep.
9. *Howat G.M.D.* Stuart and Cromwellian foreign policy. L., 1974.
10. *Lockyer R.* The Early Stuarts: a political history of England, 1603–1642. N.Y., 1989.
11. *Pursell B.* The end of the Spanish match // *The Historical Journal*. 2002. Vol. 45. No. 4. Dec.
12. *Redworth G.* Of Pimps and Princes: three unpublished letters from James I and the Prince of Wales relating to the Spanish Match // *The Historical Journal*. 1994. Vol. 27. No. 2. Jun.

¹² *Pursell B.* The end of the Spanish match // *The Historical Journal*. 2002. Vol. 45. No. 4. Dec. P. 718.

¹³ Из письма короля Якова принцу Карлу и герцогу Бекингеу, 11 марта 1623 г. (Letters of King James VI and I. Berkley etc., 1984. P. 394).

*P.Yu. Biyanova**Moscow (Russia)**Lomonosov Moscow State University*

THE TURN TO SPAIN IN THE FOREIGN POLICY OF JAMES I

James I considered foreign policy can be directed only by royal prerogative. His personal motto sounded like Blessed are the Peacemakers as he wanted to seek peace and stability in Europe. He thought that this aim could be achieved through diplomacy and dynastic marriages. Particularly interesting in the framework of his policy was the turn to Spain, which was shown in the project of the Spanish marriage. The negotiations lasted for about ten years and their climax and simultaneously the end was the Spanish Match of Prince Charles.

Keywords: James I, Philip IV, prince Charles, Infanta, the Spanish marriage, Frederick V, English Catholics, the visit to Madrid.

Н.Е. Домрачев

г. Москва (Россия)

Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

РУССКИЙ РЕЗИДЕНТ П.Б. ВОЗНИЦЫН И ЭЛИТА ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА (1688–1689 ГГ.)

Статья посвящена вопросу взаимодействия русского резидента П.Б. Возницына с элитой Польско-Литовского государства в 1688–1689 гг. Основой функционирования современного дипломатического института — постоянного дипломатического представительства, — является наличие в принимающем государстве сил, на которые резидент может опереться в своей деятельности. В Польско-Литовском государстве на протяжении 1670-х — 1680-х гг. такой «промосковской» силой оставалась т.н. «литовская оппозиция». Однако резидент П.Б. Возницын с первых месяцев своей работы заметил падение ее политического влияния. Поиск новых политических партнеров, «сприятствующих» Московскому государству, стал его важной задачей.

Ключевые слова: русско-польские отношения в XVII в., русское постоянное дипломатическое представительство в Варшаве, Василий Михайлович Тяпкин, Прокофий Богданович Возницын, Василий Васильевич Голицын, «литовская оппозиция».

Последняя треть XVII в. в истории дипломатической службы Московского государства связана с появлением нового института — постоянного дипломатического представительства, или, используя терминологию источников, «резиденции». Оно ознаменовало начало модернизации русской дипломатической службы — постепенной ее перестройки сообразно вызовам Нового времени.

Первое русское постоянное дипломатическое представительство было учреждено в Польско-Литовском государстве в ноябре 1673 г. в ответ на присылку в Москву польского резидента Павла Михала Свицерского. Его возглавил опытный офицер и дипломат стольник и полковник Василий Михайлович Тяпкин. Политической основой для создания первого русского постоянного представительства стал русско-польский антиосманский оборонительный союз, заключенный в Москве в декабре 1667 г. и подтвержден-

ный в 1672 г., а также начало османского наступления в Восточной Европе. Однако русско-польские противоречия на Украине сводили на нет координацию усилий Московского и Польско-Литовского государств в борьбе с Османской экспансией, которую предполагал союзный договор и которую должны были обеспечивать на практике резиденты обоих государств. Это стало главной причиной нового витка охлаждения русско-польских отношений и взаимного отзыва резидентов в 1677 г.

Русское постоянное представительство в Речи Посполитой было возрождено в январе 1688 г., фактически, на том же фундаменте, что и пятнадцатью годами ранее: на русско-польском антиосманском союзе, который был восстановлен договором о «Вечном мире» 1686 г. В качестве русского постоянного представителя в Польско-Литовское государство был отправлен опытный кадровый дипломат дьяк Посольского приказа Прокофий Богданович Возницын, отправка которого стала ответом на присылку в Москву польского резидента Ежи (Юрия) Доминика Довманта.

Главное отличие постоянных дипломатов от традиционных для Средневековья окказиональных послов заключалось в том, что они вынуждены были длительное время жить при иностранных дворах. Это означало, что успешное выполнение резидентом его обязанностей напрямую зависело от степени его интегрированности в придворное сообщество той страны, куда он был направлен, а также от тесноты его взаимоотношений с правящей элитой. Иными словами, важной основой «резиденции» являлось наличие в правящей элите принимающего государства силы, на которую постоянный дипломатический представитель мог бы опереться в своей деятельности. Фактически, круг «сприятствующих» политиков и был основой любого международного союза, а их влияние определяла, насколько этот союз окажется жизнеспособен.

В случае с Польско-Литовским государством такой силой стала т.н. «литовская оппозиция» — группа влиятельных политиков великого княжества Литовского, стремящихся к доминированию Литвы в политических структурах Речи Посполитой¹. Их внешнеполитические интересы среди прочего предполагали установление дружественных отношений с восточным соседом — Московским государством. Именно на «литовскую оппозицию» должны были опираться первые русские резиденты в своей работе в Речи Посполитой.

¹ Подробнее см.: *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 50; *Флоря Б.Н.* Россия, Ян Собеский и Михаил Пац // Древняя Русь. Вопросы Мединистики. 2015. № 1; *Его же.* Политическая элита Великого княжества Литовского и Россия в 1673 году // Славяноведение. 2018 г. № 4; *Wójcik Z.* The separatist tendencies in the Grand Duchy of Lithuania in the 17-th century // Acta Poloniae historica. 69. Warszawa, 1994.

При организации миссии В.М. Тяпкина царь и его советники, прежде всего А.С. Матвеев, рассчитывали, что поддержку русскому резиденту окажет лидер и основатель «литовской оппозиции» великий гетман литовский Михал Казимеж Пац². В нем окружение царя Алексея Михайловича видело главного проводника русских интересов в Польско-Литовском государстве, и именно его В.М. Тяпкин на протяжении всей своей службы в Речи Посполитой рассматривал в качестве своего главного информатора и помощника. Однако выборы короля в 1674 г., на которых разгорелась борьба между гетманами Яном Собеским и М.К. Пацем, а также последовавший за ними острый политический кризис, известный в литературе как «мятеж М.К. Паца», стали серьезным испытанием для взаимоотношений Москвы с «литовской оппозицией». В противостоянии королю Яну III Собескому и, в первую очередь, его внешнеполитическим планам, М.К. Пац и его сторонники рассчитывали на военную поддержку со стороны Московского государства, которую так и не получили³. Крушение этих надежд отделило литовскую элиту от Москвы, и, соответственно, от русского резидента. На фоне конфликта между королем и «литовской оппозицией» последовательная ориентация В.М. Тяпкина на М.К. Паца и его сторонников отталкивала от него приверженцев королевского лагеря. Фактически, русская миссия в Польско-Литовском государстве оказалась в изоляции. Симптоматично, что сам русский резидент не предпринимал попыток сблизиться с другими политическими силами. Потеря поддержки среди политической элиты Речи Посполитой, как представляется, была одной из главных причин неудачи миссии В.М. Тяпкина.

Возрождение русской миссии в Польско-Литовском государстве в 1688 г. было связано деятельностью литовского канцлера Марциана Александра Огинского, давнего партнера В.В. Голицына и человека, чьими стараниями был заключен договор о Вечном мире. М.А. Огинский, давний соратник гетмана М.К. Паца, после его смерти возглавил «литовскую оппозицию». Наказ предписывал П.Б. Возницыну, «будучи на резиденции, проводить у тех людей, кому те дела належаут, и у иных, где возможно»⁴. Именно представители клана Огинских должны были гарантировать

² *Флоря Б.Н.* Политическая элита Великого княжества Литовского и Россия в 1673 году // *Славяноведение*. 2018. № 4. С. 5.

³ *Домрачев Н.Е.* Поездка гонца П.Б. Возницына во Львов к королю Яну Собескому в 1675 г. в свете документов Посольского приказа // *Очерки феодальной России*. Вып. 20. М.; СПб., 2017. С. 311; *Флоря Б.Н.* Россия, Ян Собеский и Михаил Пац // *Древняя Русь. Вопросы Мединистики*. 2015. № 1. С. 8.

⁴ Российский государственный архив древних актов (Далее — РГАДА). Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 233. Л. 70.

соблюдение всех прав, предоставленных русскому резиденту и выступать его главными политическими информаторами.

П.Б. Возницын постепенно стал важнейшим каналом связи «оберегателя» кн. В.В. Голицына с ведущими политиками Польско-Литовского государства. На имя резидента в одной «связке» с дипломатической корреспонденцией приходили письма В.В. Голицына к его давнему партнеру литовскому канцлеру М.А. Огинскому, его племяннику Н. Огинскому, коронному гетману Ст. Яблоновскому. На роли посредника в переписке «первого министра» с польско-литовскими сановниками резидент достаточно быстро вытеснил смоленского шляхтича Назария Краевского, который на протяжении 1680-х гг. оставался главным каналом связи В.В. Голицына с Огинскими⁵.

Однако на практике П.Б. Возницын по приезду в Речь Посполитую оказался в несколько иной ситуации, нежели той, на которую рассчитывал «оберегатель» В.В. Голицын. Резидент понимал, что престарелый и больной канцлер М.А. Огинский не в состоянии оказывать решающее влияние на политику короля Яна Собеского⁶. В политической элите Литвы назревал очередной кризис, связанный с вакуумом власти, за которую разворачивалось соперничество между кланами Радзивиллов и Сапег.

Русский резидент отдавал себе отчет в происходящем, и, в отличие от В.М. Тяпкина, который слепо держался М. Паца вне зависимости от колебаний его политического влияния и личных симпатий к Москве, начал работу по поиску своей новой опоры и истецблишменте Польско-Литовского государства. П.Б. Возницын прилагал усилия, чтобы расширить круг адресатов своего покровителя в Польско-Литовском государстве. Для проведения московской линии при польском дворе В.В. Голицыну нужны были сильные и энергичные сторонники.

Первое время П.Б. Возницын поддерживал тесные связи с племянником канцлера литовским мечником Николаем Огинским: 6 (16) марта 1688 г. присутствовал у него на ужине⁷, в июле несколько раз встречался с ним для обсуждения политических вопросов⁸. Однако вскоре ему стало понятно, что мечник не имеет самостоятельного политического значения. Русский резидент быстро потерял к Огинским всякий интерес.

Соперничество Радзивиллов и Сапег среди прочего проявилось и в борьбе за благосклонность «канцлера предпетровской поры» В.В. Голицына. Еще в марте 1688 г. литовский подканцлер Доминик Радзивилл пригласил

⁵ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 51–52.

⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 235. Л. 51.

⁷ Там же. Л. 24 об.

⁸ Там же. Л. 103, 116.

русского посланника к себе на «банкет», окружил большими почестями, и всячески *«ваше, государей моих, здравие многажды вспоминал, и просил меня, дабы вы, государи, изволили в приятстве своем имети и также как и с ыными сенатори листовными обсылками знатись»*⁹. Однако резидент не видел в нем сильного политика и не рекомендовал его своему покровителю. *«Подканцлер Радзивил человек молодой и трусоватый, и никакого дела в нем нет»*¹⁰, — писал он в Москву. Впрочем, Д. Радзивилл не оставил своего желания иметь переписку с В.В. Голицыным и не раз в разговорах с русским резидентом *«припоминал и за безчестье свое ставил»* ее отсутствие¹¹.

Чуть ранее Д. Радзивилла литовский гетман Казимеж Ян Сапега послал русскому дипломату «на два блюда сахаров, да 3 скляницы венгерского, да рыбы живой на обед»¹². Однако к братьям Сапегам, — подскарбию Бенедикту Павлу и великому литовскому гетману Казимиру Яну, — П.Б. Возницын относится неоднозначно. Первый сразу получил от резидента нелестную характеристику *«непостоянного человека»*¹³ и всерьез в качестве партнера Московского государства и, в частности, В.В. Голицына не рассматривался. Гетмана дипломат считает *«полутчи»*, но в сравнении с покойным лидером литовской оппозиции М.К. Пацем меркнет и он. Кроме того, Возницын наблюдает серьезный конфликт Сапег с Яном Собеским и отталкивается от него в своих рекомендациях «оберегателью» сделать ставку на гетмана и поддерживать с ним переписку. С мая 1688 г. резидент был убежден, что именно серьезное недоверие со стороны короля подтолкнет Сапег к сотрудничеству с Москвой. На это намекал в беседах с дипломатом и К.Я. Сапега¹⁴.

П.Б. Возницын активно использовал соперничество двух литовских магнатских кланов для получения необходимой ему политической информации. В частых беседах с К.Я. Сапегой он выяснял о военных планах короля и литовских войск на предстоящие кампании против Крыма. Через подканцлера Д. Радзивилла, родственника и «приятеля» короля Яна Собеского, резидент пытался добиться решения приказанных из Москвы вопросов.

Однако делать ставку на тот или иной литовский клан П.Б. Возницын не торопился. Резидент подходил к вопросу о своих покровителях в элите Польско-Литовского государства крайне прагматично: они должны были способствовать решению всех необходимых вопросов в пользу России. Русский посланник трепетно следил, чтобы богатые «подарки» не расходовали

⁹ Там же. Л. 25.

¹⁰ Там же. Л. 51.

¹¹ Там же. Л. 259.

¹² Там же. Л. 24 об.

¹³ Там же. Л. 33.

¹⁴ Там же. Л. 82.

лись впустую. Уже 20 (30) апреля 1688 г. дипломат послал в Москву к кн. В.В. Голицыну письмо, в котором подробно проанализировал расстановку политических сил в элите Польско-Литовского государства (см. *Приложение*). Он обратил внимание, как на практике принимаются важные политические решения: *«О всем сам королевское величество у себя в покоях делает, как хочет», «и имеет себе помощников: вначале коронного гетмана, и воеводу бел(ь)ского, которых других таких людей умных, также и хитрых одва здесь есть»*¹⁵. Таким образом, главным критерием в выборе «благодетеля» для русского резидента стала близость к королю.

П.Б. Возницын сделал ставку на белзского воеводу Марека Матчинского. 29 февраля (10 марта) 1688 г. на первой аудиенции у сенаторов Речи Посполитой он выступил в защиту русского резидента, отведя обвинения в отсутствии у него царской полномочной грамоты. Очевидно, этот эпизод дал П.Б. Возницыну основание рассчитывать на помощь белзского воеводы в своих делах. Резидент призывал В.В. Голицына для решения важных и неотложных вопросов писать именно Матчинскому¹⁶. Однако, князь не прислушался к совету дипломата и предпочитал решать сложные вопросы с помощью Ст. Яблоновского или царских «любительных» грамот. Очевидно, это связано с подчеркнуто холодным отношением белзского воеводы к русскому резиденту, которое «оберегатель» проецировал и на себя. Сведений о переписке В.В. Голицына и М. Матчинского не выявлено. Надежды П.Б. Возницына на сотрудничество с М. Матчинским не оправдались.

Известную благосклонность к резиденту демонстрировал еще один приближенный короля — коронный гетман, «воевода и генерал земель Русских» Станислав Ян Яблоновский. Он охотно сообщал необходимую посланнику информацию, прежде всего, о военных действиях против Крыма, и способствовал ему в решении его дел. Однако, гетман большую часть времени проводил либо в армии в походах, либо во Львове, столице Русского воеводства, обороной которого он заведовал. Это заставляло П.Б. Возницына искать поддержку у других влиятельных сенаторов.

Русский дипломат отдавал себе отчет, что успешная работа резидента без опоры на крупных вельмож в перспективе невозможна. К концу первого года своей службы в Речи Посполитой он, наконец, решился сделать ставку. Его выбор пал на только что назначенного коронного канцлера епископа Ежи Альбрехта Денгофа и литовского подканцлера Д. Радзивилла. Денгоф первым выразил резиденту желание, *«дабы вы, государи мои, имели с ним яко и с прежними канцлеры о всяких делех корреспонденцию»*¹⁷. *«Истинно*

¹⁵ Там же. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 235. Л. 51.

¹⁶ Там же. Л. 33.

¹⁷ Там же. Л. 259.

человек достойной того чину, — сообщал дипломат, — zelo разумной, сладкой, летами в сорок годов или с небол(ь)шим бол(ь)шии, ростом и много персоною подобен тебе, государю моему, князю Василью Васильевичю». Но В.В. Голицын не имел возможности воспользоваться рекомендациями резидента. Почти сразу по получении письма в феврале 1689 г. он отбыл на юг для участия в Крымском походе, а начало конфликта Петра I и Софьи Алексеевны предоставило в распоряжение вернувшегося в Москву князя всего пару месяцев на внешнеполитическую деятельность.

В январе 1689 г. русский резидент пересмотрел свои взгляды на подканцлера Д. Радзивилла. Теперь дипломат характеризовал его как человека «доброго» и «к нашему народу приятством сходного»¹⁸. Очевидно, решающую роль в изменении отношения П.Б. Возницына к Д. Радзивиллу сыграла его близость к Яну Собескому.

Фактически, П.Б. Возницын пытался установить связи с наиболее влиятельной на тот момент «королевской партией». Очевидно, и он, и кн. В.В. Голицын понимали, что «литовская партия» выполнила те задачи, которые от нее ожидали в Москве: поспособствовала заключению договора о Вечном мире на приемлемых для России условиях. «Оберегатель» стремился активизировать действия польских войск в войне против Турции, чтобы облегчить себе задачу покорения Крыма. Для этого политики, находящиеся в оппозиции Яну Собескому не подходили, нужно было действовать исключительно через «королевскую партию». Пристальное внимание П.Б. Возницына к расстановке политических сил в истеблишменте Польско-Литовского государства и постоянный поиск влиятельных группировок, которых можно сделать проводником политических интересов Москвы, стали одним из оснований успешной работы возрожденной русской постоянной миссии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный архив древних актов (Далее — РГАДА). Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 233 (Посольская книга, содержащая материалы о подготовке и функционировании русского постоянного представительства в Польско-Литовском государстве под руководством П.Б. Возницына. 1688–1689 гг.).

2. РГАДА. Ф. 79. «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 235 (Письма резидента П.Б. Возницына на имя главы Посольского приказа кн. В.В. Голицына. 1688–1689 гг.).

¹⁸ Там же. Л. 259 об.

3. Домрачев Н.Е. Поездка гонца П.Б. Возницына во Львов к королю Яну Собескому в 1675 г. в свете документов Посольского приказа // Очерки феодальной России. Вып. 20. М.; СПб., 2017.

4. Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.

5. Флоря Б.Н. Россия, Ян Собеский и Михаил Пац // Древняя Русь. Вопросы Мединистики. 2015. № 1.

6. Флоря Б.Н. Политическая элита Великого княжества Литовского и Россия в 1673 году // Славяноведение. 2018. № 4.

7. Wójcik Z. The separatist tendencies in the Grand Duchy of Lithuania in the 17-th century // Acta Poloniae historica. 69. Warszawa, 1994.

Приложение

1688 г. апреля 20 (30). — Аналитическая записка русского резидента в Польско-Литовском государстве П.Б. Возницына о расстановке политических сил в Речи Посполитой (фрагмент из письма на имя главы Посольского приказа ближнего боярина и «оберегателя» кн. В.В. Голицына)

Цифирью (тайнописью).

(л. 48 об.) / [...] Изволте, государи милостивые, разсудить то: Резидент их не престанно вам, государем, докучает и вымогает того, что б и не належало. Здесь у них какая еще военная готовость, что королевское величество будет май в Варшаве, гетманы все живут по домам, и какие у них войска — всего по наряду коронного 35 000, литовского 12 000, — и тому нечем заплатить. Какое еще они и великим государем их царскому величеству обещание учинили, куда их войска пойдут и в которое время, и тот ответ у них, хотя я того домогался многожды, однако ничего не обрел, и совершенного ответу мне не учинено. О чем я к вам, государем, писал имянно апреля в 13 день. Добро б / (л. 51) / резидент их о поведении своих войск, когда он в такие дела вступает, дал за своєю рукою писмо, пригодилося бы, государи, впредь на улику их неправды. А то я совершенно признаваю, что им конечно будет солгать и по договором войскам там их, где договоры гласят, не стать. Истинно, государи, вам предлагаю, не скоро и писмам надобно или грамотам их верить, не толко словам резидентовым. Тогда, государи, увидите их правду по скончании сего лета, как они в прошлом лете учинили, что никуды не ходили, и ныне у них того ж чаять. Люди дивные на свете и несогласные между собою! И тыне татары у них житьем живут, а они не смотрят о том, как бы государство свое поберець.

А королевское величество зело впал в серебролюбие, и толко ево все и помышление, чтоб с кого что взять. Для чего и ныне в Вилню приходил и еще от-

селе по тем городам пошел, в которых не бывал. Также и сенаторы толко смотрят своих прибытков и где б себе корысть получить. Явно и безстыдно емлют и просят, а о делах государственных отнюдь не смотрят, и несогласны между собою. К стороне царского величества доброхотен один был канцлер литовской, и тот заболел и поехал до Теплиц. И нет никого, чтоб в делах какую кто мочь имел, о всем сам королевское величество у себя в покоях делает, как хочет. А однако и на него похвалы мало, и овладел всеми. А сенаторы постоянные извелись, и оспорить ему некому. Подканцлер Радивил человек молодой и трусоватый, и никакого дела в нем нет. /

(л. 51 об.) / Также, государи, и Сапеги. Большой брат гетман полутчи, и того не так, как покойного Паца хвалят. А подскарбей самой непостоянной человек. И с королем зашли в великие ссоры, и не ездят х королю. Однако ж взялась королевино величество, чтоб их с королевским величеством помирить. О чем уж Сапеги и сами ради, чтоб им помирится. И о том помышляют, потому что королевского величества трудно им преодолеть, понеже зело хитр и в делах во всех владетелен; также и при войсках сам всегда бывает и имеет себе помощников: вначале коронного гетмана, и воеводу Белского, которых других таких людей умных, также и хитрых овда здесь есть. О чем, государи, гетманы, а имянно литовской, и не ради, что король сам при войсках бывает, потому что по правам их, когда король при войсках, тогда весь уряд и росказание происходит от королевского величества, и гетманы ничего тогда чинити собою не имеют. И того ради они и негодуют, что тем умаление чину их чинится, что они никогда не показуются подлинными начальники, толко сам королевское величество [...].

Примечание: цифирь расшифрована в Посольском приказе на л. 49–50.

РГАДА. Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 235. Л. 48 об., 51–51 об.

N.E. Domrachev

Moscow (Russia)

Lomonosov Moscow State University

THE RUSSIAN RESIDENT-ENVOY P.B. VOZNITSYN
AND THE ESTABLISHMENT OF THE POLISH-LITHUANIAN
COMMONWEALTH IN 1688–1689

The theme of the article is the question of communication between Russian resident-envoy Prokophiy B. Voznitsyn and the establishment of The Polish-Lithuanian Commonwealth in 1688–1689. The basis of the modern diplomatic institute, which is permanent diplomatic mission, is existence of powers, on which a resident could base in his activity in a host state. In The Polish-Lithuanian Commonwealth during

1670s — 1680s the “pro-muscovite” power was becoming so named “the Lithuanian opposition”. But resident-envoy Prokophiy B. Voznitsyn from the first months of his working recognized, what the influence of the opposition had fallen. The search of new partners, which would be pleasant for the Moscow state, became his important task.

Keywords: Russian-Polish relations at XVIIth century, Russian permanent diplomatic mission in Warsaw; Vasiliy M. Tyapkin; Prokophiy B. Voznitsyn, prince Vasiliy V. Golitsyn, “the Lithuanian opposition”.

А.Д. Ушаков

г. Москва (Россия)

Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

РАЗРАБОТКА М. РОБЕСПЬЕРОМ ИДЕИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРА

В статье прослеживается эволюция отношения Максимилиана Робеспьера к идее революционного террора в период Французской революции на основе его сочинений в период с 1789 по 1794 г. Первоначально он являлся сторонником соблюдения законности при проведении судебных процессов и противником смертной казни. В связи с нарастанием общественных противоречий, а также приверженностью идее верховенства народного суверенитета, он сначала оправдывает революционное насилие против старой администрации, а затем обосновывает необходимость массового и строгого преследования со стороны революционного государства всех противников реализации якобинского политического идеала Республики.

Ключевые слова: Революционный террор, Робеспьер, Французская революция, Якобинская диктатура, Конвент.

Летом 1793 г. на фоне углубления продовольственного кризиса, мятежей жирондистов и монархистов в департаментах и новых неудач в войне с европейскими монархами, санкюлоты потребовали у Конвента ужесточить политический режим и «поставить Террор в порядок дня», на что депутаты дали согласие в сентябре, приняв законы об ускорении судопроизводства и ужесточении наказаний.

Робеспьер, как самый авторитетный депутат и якобинец, стал олицетворением власти Комитетов, которые в период диктатуры монтаньяров обеспечили проведение политики революционного террора. «Неподкупный» не был единственным теоретиком и практиком Террора — другие якобинцы выражали иное понимание революционных мер и часто действовали по своему усмотрению¹. Тем не менее, именно идеи Робеспьера оказывали прин-

¹ *Тэвдой-Бурмули А.И.* Логика торжествующей добродетели: Робеспьер и идея революционного насилия // Современные исследования о французской революции конца XVIII в.: памяти проф. А.В. Адо. М., 2003. С. 243–254.

ципиальное влияние на политику революционного правительства и общественное мнение².

Прежде чем начать анализ, необходимо уточнить ряд определений. Репрессии — это карательные меры, применяемые всяким государством с целью защиты и сохранения существующего строя. Революционное насилие — это незаконное применение силы, оказываемое революционно настроенными массами по отношению к тем, кого первые считают противниками революции. Революционный террор же — репрессии взявших власть в государстве радикальных революционеров против врагов нового режима, врагов революции, т.е. насилие революционеров, только теперь санкционированное государством.

Основой политических взглядов Робеспьера было учение Руссо о народном суверенитете. Якобинец увидел в революции исторический шанс: «У наций бывает *только один момент*, когда они могут стать свободными. Это тот момент, *когда все старые органы власти приостановлены*³», т.е. для победы революции и утверждения верховенства народа было необходимо остановить работу старого государственного аппарата управления, который угнетает и отстраняет от власти массы.

Робеспьер сознавал, что политическая элита Старого порядка сохранила влияние в регионах и в правительстве после лета 1789 г. и всеми силами тормозила общественную демократизацию. Это заставило депутата из Арраса относиться к вспышкам народного насилия против представителей прежней администрации, т.е. «угнетателей» времен еще Старого порядка, как к неизбежному злу для «победы дела Свободы» — будь это сожжение замков в провинции⁴ или самосуд солдат над монархически настроенными офицерами⁵. Вместе с тем, до свержения монархии якобинец еще оставался приверженцем соблюдения всех формальных судебных процедур: «...всякий произвольный и тиранический порядок судебного разбирательства есть преступление против невинности и против общественной и индивидуальной свободы»⁶.

Августовские события 1792 г. стали переломом в мировоззрении Робеспьера. Впервые напрямую взаимодействуя с народными массами, он убедился в необходимости смерти главных контрреволюционеров⁷, хотя еще

² Бачко Б. Как выйти из террора? Термидор и Революция. М., 2006. С. 50.

³ Робеспьер М. Избранные произведения в трех томах. Т.1. М., 1965. С. 116.

⁴ Там же. С. 114–117.

⁵ Там же. С. 253.

⁶ Там же. С. 260.

⁷ Там же. Т. 2. С. 14.

в 1791 г. якобинец был противником смертной казни⁸. Проявлением этого изменения во взглядах стало требование Робеспьера казни Людовика без суда, что бывший адвокат именовал актом самозащиты нации⁹. После процесса якобинец приходит к логичной мысли, что вслед за королем нужно сокрушить оставшихся после него врагов революции¹⁰.

В первый год работы Конвента Робеспьер, солидарный с другими якобинцами и санкюлотами, неоднократно призывал направить государственную машину против препятствующих Республике представителей администрации в регионах и армии, не присягнувших священников, бывших аристократов и спекулянтов. «Наши опасности порождены безнаказанностью, предоставленной всем преступным должностным лицам государства...»¹¹, — произнес в одной из речей Робеспьер, который, по сути, требовал от правительства жирондистов строгого исполнения уже принятых суровых законов против упомянутых социальных групп, невзирая на чины, звания и уважение, которым те пользовались при Старом порядке. Однако правительство Жиронды не пошло на это, поскольку было склонно к сохранению социальной иерархии и компромиссу с местными элитами¹².

После падения жирондистов монтаньяры стали неоспоримыми лидерами Конвента. Хотя Робеспьер вошел в Комитет общественного спасения только 27 июля, уже с начала июня он деятельно участвовал в принятии первых решений Якобинской диктатуры. В наследство от умеренных правительств были получены такие репрессивные инструменты, как декреты о преследовании не присягнувших священников, об осуждении эмигрантов на вечное изгнание, а также Революционный трибунал, которые, однако, по мнению «Неподкупного», или не работали, или работали далеко не в полную силу: «Это та слабость, которая губит свободу и всегда была причиной наших несчастий. Беспорядок происходит не от того, что мы не знаем заговорщиков, а от небрежности, с какой мы их караем»¹³.

Для выхода из кризисного положения лета 1793 г. политик предложил следующие меры: «Необходимо, чтобы народ развернул все силы, на которые он способен, и чтобы ему содействовали все наиболее чистые и наиболее неподкупные лица для сопротивления его внутренним и внешним врагам»¹⁴, т.е. он хотел провести демократизацию государственного аппарата

⁸ Там же. Т. 1. С. 149–151.

⁹ Там же. Т. 2. С. 84, 135–138.

¹⁰ Там же. С. 141.

¹¹ Там же. С. 270.

¹² *Собуль А.* Первая республика. 1792–1804. М., 1974. С. 26–27.

¹³ *Робеспьер М.* Указ. соч. Т. 3. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 12.

посредством привлечения к управлению множество новых людей. Энергию народа, влитую в государственные учреждения, требовалось направить на защиту нового режима: «Конвенту надо собрать вокруг себя весь французский народ, ему надо объединить всех наших братьев в департаментах; надо зажечь огонь и бросить его на наших внешних врагов и раздавить наших врагов внутренних»¹⁵. Для наказания контрреволюционеров Робеспьер призывал народные общества на местах теснее взаимодействовать с муниципалитетами¹⁶. Финальная цель якобинцев — установление «царства свободы и равенства», «царства народа», т.е. слияние народа и государства¹⁷, не допущение впредь узурпации правительством суверенитета¹⁸.

Убийство Марата и восстания в департаментах обнажили проблему усилившейся контрреволюции, с которой, по мнению Робеспьера, можно было справиться только с помощью методического плана преследований контрреволюционеров¹⁹ и суровых мер: «Надо, говорю я, чтобы эти чудовища ответили нам своей кровью, чтобы мы отомстили им за кровь наших братьев, погибших во имя свободы...»²⁰. Впрочем, летом 1793 г. вопрос о масштабах революционного террора и его конкретных мерах еще оставался открытым — многие подобные угрозы оставались на бумаге, тогда как на деле изгнание, арест и взятие заложников продолжали оставаться основными формами репрессий²¹.

До Якобинской диктатуры врагами «партии народа» считались ранее привилегированные сословия²², «богатые эгоисты»²³, «писатели-торгаши»²⁴, представители старой администрации²⁵ и вообще все представители «развращенного меньшинства», которые выступали против глубокой общественной демократизации²⁶. Всех «врагов народа» в совокупности объединяли словом «аристократы», которое в ту пору имело смысл «контрреволюционер».

После прихода к власти монтаньяров Робеспьер предложил примирение тем, кто готов был сотрудничать с новой властью. Так, он высказался, что

¹⁵ Там же. С. 44.

¹⁶ Там же. С. 11.

¹⁷ Там же. С. 13.

¹⁸ Там же. С. 16.

¹⁹ Там же. С. 25.

²⁰ *Робеспьер М.* Указ. соч. Т. 3. С. 36.

²¹ Там же. С. 9, 36, 44.

²² *Робеспьер М.* Указ. соч. Т. 1. С. 250.

²³ *Робеспьер М.* Указ. соч. Т. 2. С. 132, 250, 340.

²⁴ Там же. С. 262.

²⁵ Там же. С. 253, 275.

²⁶ Там же. С. 249–250.

существуют трудолюбивые богатые люди, которые стоят за дело народа²⁷. Несмотря на недоверие к бывшим дворянам, якобинец выступил против их повсеместного смещения со служебных постов²⁸. Осенью «Неподкупный» своими речами остановил гонения на священников, сотрудничавших с республиканской властью²⁹. Залогом безопасности для бывшей элиты Старого порядка могла стать только ее лояльность к реализации якобинских эгалитарных идеалов³⁰.

Робеспьер был председателем на историческом заседании Конвента 5 сентября 1793 г., когда толпа санкюлотов и делегация якобинцев заставили депутатов «поставить Террор в повестку дня» и ужесточить режим диктатуры³¹. Однако непосредственное участие «Неподкупного» в обсуждении было незначительным — он фактически устранился от участия в непосредственном утверждении и обосновании репрессивных мер, не выступив ни с речью, ни с предложением³².

Вторую пол. 1793 г. Комитеты мало контролировали осуществление Террора в департаментах, в которых комиссары Конвента и местные власти действовали на свое усмотрение³³. В таких условиях Робеспьеру оставалось только посредством речей воздействовать на мораль и революционное чувство якобинцев, наставляя их избегать как перегибов, так и снисходительности, не объясняя, впрочем, разницу на примерах³⁴.

Если до конца 1793 г. у Робеспьера революционный террор мотивировался местью и тяжелыми обстоятельствами³⁵, то с улучшением ситуации на фронтах и внутри страны в речах появился нравственный мотив. В февральской речи «О принципах политической морали» якобинец доказывал, что режим революционного правления вкупе с политикой Террора своей целью ставит воспитание добродетели и борьбу против частного интереса, который грозит снова поработить народ³⁶.

«Между тем, необходимо, чтобы тот или другой погиб. Снисхождение роялистам! — кричат некоторые люди, — пощаду злодеям!.. Нет!

²⁷ Робеспьер М. Указ. соч. Т. 3. С. 28.

²⁸ Там же. С. 51.

²⁹ Там же. С. 71.

³⁰ Там же. С. 29.

³¹ Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. 6. М., 1976. С. 257.

³² Блан Л. История французской революции. Т. 9. СПб., 1907. С. 196–203.

³³ Martin J.-C. Nouvelle Histoire de la Révolution française. P., 2012. P. 398.

³⁴ Робеспьер М. Указ. соч. Т. 3. С. 92–94.

³⁵ Там же. С. 13.

³⁶ Там же. С. 120–121.

Милость невинности, милость слабым, милость несчастным, милость человечеству!»³⁷ — именно так Робеспьер осмысливал революционный террор как акт гуманизма, поскольку, по его мнению, он направлен против тех, кто хочет отобрать у народа свободу³⁸. Отвечая на упреки в том, что революционное правление «похоже на деспотизм», Робеспьер замечает, что революционный террор и террор «тиранов» похожи так же, как мечи в руках сражающихся — важнее средств то, за что идет борьба³⁹.

В 1794 г. «Неподкупного» полностью затянула борьба якобинских фракций. В это же время он стал сознавать, что после ликвидации старого государственного аппарата и прихода новых людей произошло перерождение якобинцев в чиновников, отдалившихся от народа, многие из которых стали злоупотреблять своей властью⁴⁰. Робеспьер, ощущавший себя непосредственным проводником народной воли⁴¹, стал все чаще рассматривать революционный террор как средство самоочищения новой власти.

Таким образом, теперь уже сами якобинцы оказались в кругу потенциальных жертв Террора. Казнь «эбертистов» и «дантониюв», концентрация репрессивных инструментов весной 1794 г. в руках Комитета общественного спасения⁴² и, наконец, прерияльский закон, чрезвычайно упростивший осуждение на смерть, встревожили многих коллег Робеспьера, которого стали подозревать в стремлении к диктатуре.

Именно по этой причине, достигнув, казалось бы, пика своего могущества в июне 1794 г., «Неподкупный» оказался бессилён предпринять «чистку» Конвента, поскольку встретил противодействие в Комитетах общественного спасения и общей безопасности, без коллегиального решения которых нельзя было что-либо сделать⁴³. Уход Робеспьера на два месяца в тень был использован его противником для организации его падения 9 термидора — люди, достигшие власти благодаря системе революционного террора⁴⁴, смогли обратить ее против теоретика. Непосредственные исполнители одержали победу и принесли Террору последнюю жертву в виде своего морализирующего лидера.

³⁷ Там же. С. 113.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Лосев С.А. Об экономическом аспекте якобинского террора // Проблемы истории и историографии зарубежного мира. Самара, 1994. С. 40–41.

⁴¹ Тэвдой-Бурмули. Указ. соч. С. 238.

⁴² Матьез А. Великая французская революция. Ростов-на-Дону, 1995. С. 529–530, 554–556.

⁴³ Собуль А. Указ. соч. С. 152.

⁴⁴ Бачко Б. Указ. соч. С. 49–52.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Робеспьер М.* Избранные произведения в трех томах. М., 1965.
2. *Бачко Б.* Как выйти из террора? Термидор и Революция. М., 2006.
3. *Блан Л.* История французской революции. Т. 9. СПб., 1907.
4. *Жорес Ж.* Социалистическая история французской революции. Т. 6. М., 1976.
5. *Лосев С.А.* Об экономическом аспекте якобинского террора // Проблемы истории и историографии зарубежного мира. Самара, 1994.
6. *Матъез А.* Великая французская революция. Ростов-на-Дону, 1995.
7. *Собуль А.* Первая республика. 1792–1804. М., 1974.
8. *Тэвдой-Бурмули А.И.* Логика торжествующей добродетели: Робеспьер и идея революционного насилия // Современные исследования о французской революции конца XVIII в.: памяти проф. А.В. Адо. М., 2003.
9. *Martin J.-C.* Nouvelle Histoire de la Révolution française. P., 2012.

A.D. Ushakov

Moscow (Russia)

Lomonosov Moscow State University

DEVELOPMENT THE IDEA OF REVOLUTIONARY TERROR
BY M. ROBESPIERRE

The article traces the evolution of the attitude of Maximilian Robespierre towards the idea of revolutionary terror and the interaction with it during the French Revolution according to his works in the period from 1789 to 1794. Initially being a supporter of the rule of law in trials and an opponent of the death penalty, “Incorruptible” in view of the growing social contradictions, as well as the commitment to the supremacy of popular sovereignty, first excuses revolutionary violence against the old administration and then justifies the need for massive and severe persecution by the revolutionary state of all opponents of the realization of the Jacobin political ideal of the Republic.

Keywords: Revolutionary terror, Robespierre, French Revolution, Reign of Terror, Convention.

Ю.А. Швецов
г. Екатеринбург (Россия)
Уральский федеральный ун-т
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

ПРОЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ В РОССИИ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ I

В статье проанализированы проекты преобразования военного образования в России при Александре I. Автор рассматривает причины, побудившие власти начать преобразования, проекты преобразований и конкретные шаги по их реализации. Делается вывод о влиянии проектов на дальнейшее развитие военного образования в России.

Ключевые слова: военно-учебные заведения, военные училища, кадетские корпуса, воспитанник, проект, Александр I.

В Российской империи офицеры считались элитой общества, поэтому их подготовке всегда уделялось особое внимание. Для этого создавались специальные учебные заведения, в которых молодые люди могли подготовиться к военной службе.

В данной статье рассматриваются попытки преобразования процесса подготовки офицерских кадров в России при Александре I. Научная значимость проблемы состоит в том, что без ее исследования невозможно объективно оценить процесс развития среднего и средне-специального образования в России в первой четверти XIX в. и его влияние на модернизацию страны.

Исследуемая проблема нашла отражение в законодательных актах и отечественной историографии. В обобщающих работах М.С. Лалаева¹, П.В. Петрова², Н.И. Алпатова³, С.В. Волкова⁴, Н.Н. Ауоро-

¹ Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. 1700–1880 гг. Ч. 1. СПб., 1880.

² Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Ч. 1. СПб., 1902.

³ *Алпатов Н.И.* Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. М., 1958.

⁴ *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 2003.

вой⁵ и др. содержится большой фактический материал, касающийся преобразований военного образования исследуемого периода. Но специальных работ, посвященных данной теме, не было издано.

Раскрыть указанную проблему нам поможет решения ряда задач. Во-первых, необходимо раскрыть причины, которые подталкивали власти к преобразованию военно-учебных заведений. Во-вторых, важно охарактеризовать сами проекты преобразований, выделив их основные особенности. И, наконец, в-третьих, нужно оценить влияние этих проектов на развитие военного образования в последующие годы.

Причины, побудившие власти начать преобразования, можно разделить на внутренние и внешние. Основной внутренней причиной являлась сословная политика императорской власти, поскольку военно-учебные заведения предназначались для обучения в основном отпрысков дворянских фамилий. Подобные заведения имели не только практическое, но и благотворительное значение, давая возможность получить образование детям неимущих офицеров и дворян, а также сиротам, не имевшим богатых родственников. А содержались подобные учреждения нередко за счет дворянских пожертвований.

К внешним причинам можно отнести участие России в войнах с наполеоновской Францией, Турцией и Персией в нач. XIX в. Это привело к почти двукратному увеличению численности русской армии, которую необходимо было укомплектовать офицерским составом⁶. Но существовавших в начале правления Александра I заведений (1-й и 2-й кадетские корпуса в Санкт-Петербурге, Гродненский кадетский корпус и Императорский военно-сиротский дом) было недостаточно для обеспечения нужд армии в хорошо подготовленных командных кадрах.

Толчком к началу преобразований послужила записка графа П.А. Зубова, шефа 1-го кадетского корпуса, в которой содержался проект реформы военного образования. Автор записки предлагал создать в стране 17 военных училищ, которые делились бы на «большие» и «малые» в зависимости от количества воспитанников. «Большие» училища планировалось открыть в Дерпте, Гродно, на Вольни, в Киеве, НижнемНовгороде, Казани, ВологдеиСмоленске. А «малые» — в Твери, Ярославле, Владимире, Рязани, Орле, Харькове, Саратове, Оренбурге и Тобольске⁷. После окончания училищ молодые дворяне могли направляться для завершения образования в столичные кадетские корпуса или университет⁸.

⁵ *Аурова Н.Н.* От кадета до генерала: Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII — первой половине XIX века. М., 2010.

⁶ *Волков С.В.* Указ. соч. С. 126.

⁷ Полное собрание законов Российской империи (Далее — ПСЗРИ). Т. 26. СПб., 1830. С. 748.

⁸ Там же. С. 749.

Для рассмотрения проекта Зубова 9 октября 1803 г. была создана временная комиссия о военных училищах под руководством великого князя Константина Павловича⁹. По итогу работы комиссии 21 марта 1805 г. Александру I был представлен доклад, включавший предварительный «План военного воспитания». Документ предусматривал создание 10 военных училищ в Санкт-Петербурге, Москве, Смоленске, Киеве, Воронеже, Твери, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани и Тобольске¹⁰.

В случае реализации данного проекта будущие офицеры в процессе обучения должны были бы проходить несколько ступеней подготовки. Первой ступенью было обучение в военных училищах, подготовка в которых делилась на военные упражнения и учебную часть, которая, в свою очередь, подразделялась на начальное и гимназическое обучение¹¹.

Для начального обучения в городах создавались двухгодичные училища, близкие по устройству к уездным. После их окончания воспитанники поступали на пять лет в губернскую гимназию для завершения образования. Здесь они изучали все предметы общего курса кроме латинского языка, вместо которого читались начальные основы фортификации. В военных училищах также осуществлялось начальное военное обучение. Им занимались штаб- и обер-офицеры, которые должны были обучить воспитанников военной дисциплине и строевым упражнениям¹².

Следующей ступенью становились столичные кадетские корпуса. Они должны были превратиться в высшие специальные военно-учебные заведения. Курс обучения был рассчитан на 4 года, планировалось сделать его одинаковым для обоих кадетских корпусов¹³. В 1-й год кадетами должны были изучаться в основном общеобразовательные предметы: основы алгебры и геометрии, плоская тригонометрия и практическая геометрия, всеобщая и отечественная история, география, рисование, русский, немецкий и французский языки, а из специальных дисциплин изучались только полевая фортификация и ситуационное черчение.

Во 2-й год завершалось изучение общеобразовательных предметов (алгебры, геометрии, логики и всеобщей энциклопедии, красноречия, рисования и языков). Но одновременно с этим увеличивалось количество специальных дисциплин. Воспитанниками должны были изучаться конические сечения, статика, механика прямолинейного движения, физика, оптика, правильная фортификация, тактика, стратегия, расположение лагерей, история известных войн и полководцев и статистика.

⁹ ПСЗРИ. Т. 27. СПб., 1830. С. 920–921.

¹⁰ Там же. Т. 28. СПб., 1830. С. 905.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 905–906.

¹³ Там же. С. 906.

Перед началом 3-го и 4-го годов обучения, корпусное начальство делило воспитанников на три отделения: пехота; кавалерия; инженеры, артиллеристы и офицеры Генерального штаба. Это было показателем того, что власти начали понимать важность выделения специальной подготовки из общего курса.

Оставшиеся два года кадеты занимались изучением высшей математики, механики криволинейного движения, иррегулярной фортификации, полиорсетики (атаки и защиты крепостей), артиллерии, физической и математической географии, естественного, народного и военного права, морали и трудов прославленных полководцев, истории военных наук, политической истории Европы последних трех столетий и естественной истории технологий (для инженеров и артиллеристов). Кроме того, продолжались занятия по языкам и рисованию. Для инженеров также было обязательным изучение гидротехники, а для кавалеристов — искусства лечения скота¹⁴.

В кадетских корпусах существовали также практические занятия, длившиеся два месяца. Они включали в себя отработку строевых приемов и навыков полевой службы, строительство учебных крепостей, снятие планов местности и т.п. При этом каждое отделение отрабатывало навыки в рамках своей будущей специальности¹⁵, что способствовало более глубокому овладению азами будущей службы. Вот так бы мог выглядеть процесс обучения будущих офицеров в случае реализации «Плана военного воспитания».

Как же реализовывался данный проект на практике? Уже после того, как императору была представлена записка графа П.А. Зубова, дворяне начали сбор средств и организацию дворянских училищ. В 1801 г. было открыто Тульское дворянское училище¹⁶. В 1802 г. такое же училище было открыто в Тамбове¹⁷. В 1813 г. было основано Омское войсковое казачье училище¹⁸, а в 1825 г. было открыто Оренбургское Неплюевское военное училище¹⁹.

Еще в ходе работы Комиссии о военных училищах ее члены пришли к выводу, что для нормального функционирования системы военного образования необходим специальный орган, который бы контролировал работу как новых, так и старых учреждений, готовивших офицеров. Так возникла идея создания Совета о военно-учебных заведениях²⁰. В задачу этого органа

¹⁴ Там же. С. 906–907.

¹⁵ Там же. С. 907.

¹⁶ ПСЗРИ. Т. 26. С. 753–754.

¹⁷ Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. 1700–1880 гг. Ч. 1. СПб., 1880. С. 96.

¹⁸ Хазин О.А. Пажи, кадеты, юнкера: Ист. очерк. М., 2002. С. 54.

¹⁹ Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. 1700–1880 гг. Ч. 1. СПб., 1880. С. 97.

²⁰ ПСЗРИ. Т. 28. С. 915–916.

входила унификация всей системы образования и воспитания в кадетских корпусах и созданных военных училищах. Но это все, что было реализовано при Александре I.

Почему реализация проекта не была доведена до конца? Во-первых, создание и содержание новых военно-учебных заведений было возложено по большей части на самих дворян. И для того, чтобы собрать необходимые средства, требовались годы и десятилетия.

Во-вторых, не были доведены до конца преобразования обеих ступеней обучения. Военные училища должны были состоять из отдельных училищ, наподобие уездных, и гимназий. И объединяла воспитанников этих заведений только военная подготовка. Кадетские корпуса так и не смогли до конца перестроиться под новые требования. Они продолжали принимать не только выпускников военных училищ, но и лиц со стороны. Поэтому учебный план включал в себя большое количество общеобразовательных дисциплин, чтобы, с одной стороны, дать дополнительную подготовку юношам, окончившим военные училища, а, с другой — повысить уровень тех воспитанников, которые не проходили первую ступень обучения.

И, в-третьих, большое количество изучаемого материала, многопредметность и совмещение общего курса со специальным негативно сказывалось на уровне подготовки будущих офицеров. К концу царствования Александра I стало очевидно, что для подготовки инженеров и артиллеристов необходимы специальные заведения, в которых будущие офицеры этих родов войск изучали бы профильные дисциплины. Все эти обстоятельства, в итоге, и не позволили реализоваться данному проекту в полной мере.

Но рассмотренные проекты дали толчок для развития военного образования на протяжении всей первой пол. XIX в. Они сделали возможным создание военно-учебных заведений в губерниях, а не только в столице, а также привлекли дворянство к этому процессу. Деятельность императорских сановников заложила фундамент, на котором впоследствии базировались реформы в военном образовании времен Николая I. И именно это стало заслугой Александра I как первопроходца и инициатора в реформировании подготовки военных кадров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 26. СПб., 1830.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 27. СПб., 1830.

3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 28. СПб., 1830.
4. Аллатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. М., 1958.
5. Аурова Н.Н. От кадета до генерала: Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII — первой половине XIX века. М., 2010.
6. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003.
7. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. 1700–1880 гг. Ч. 1. СПб., 1880.
8. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Ч. 1. СПб., 1902.
9. Хазин О.А. Пажи, кадеты, юнкера: Ист. очерк. М., 2002.

Y.A. Shvetsov
Yekaterinburg (Russia)
Ural Federal University

PROJECTS TO CHANGE THE PROCESS OF TRAINING OFFICERS IN RUSSIA UNDER ALEXANDER I

The article analyzes the projects for the transformation of military education in Russia under Alexander I. The author considers the reasons that prompted the authorities to start the reforms, the projects of transformations and specific steps for their implementation. The conclusion is drawn about the impact of projects on the further development of military education in Russia.

Keywords: military educational institutions, military schools, cadet corps, pupil, project, Alexander I.

Научное издание

Отв. ред. и сост. Д.В. Пузанов

**Европа в Средние века и Новое время:
Общество. Власть. Культура:**

материалы VII Всероссийской с международным участием
научной конференции молодых ученых.
Ижевск, 3–4 декабря 2019 г.

Печатается по решению Ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН
и Ученого совета Института истории и социологии
Удмуртского государственного университета

В авторской редакции

Оригинал-макет И.В. Ширококовой
Дизайн обложки В.В. Долгова

Подписано в печать 06.08.2020.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Times».
Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 16,13.
Тираж 300 экз. Заказ № 20-55.

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
426067, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, 34.
Тел.: (3412) 50-82-00 Факс: (3412) 50-79-59 <http://www.udman.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета в цифровой типографии
АНО «Ижевский институт компьютерных исследований»
426053, г. Ижевск, ул. Ворошилова, д. 123, кв. 27.
E-mail: mail@rcd.ru Тел./факс: +7 (3412) 50-02-95